

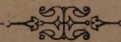
Иванъ Андреевичъ
КРЫЛОВЪ
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Издание 3-е, дополненное.

Цена 50 коп.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. Спиридонова и А. Михайлова.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Лянозова. Телеф. 120-95.

1911.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ третьемъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Настроеніе русскаго общества времени появленія комедій «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», какъ одна изъ причинъ ихъ успѣха, *Шалыгина*. — Направленіе журналовъ «Зритель» и «С.-Петербургскій Меркурій», участіе Крылова въ нихъ и его литературная фізіономія въ эти годы, *его же*. — Отношеніе Крылова къ наукѣ, *Лащенка* (по поводу басни «Водолазы»). — Басни Крылова и историческая дѣйствительность, *Водовозова*. — Морфологическія и синтактическія особенности басенъ Крылова, *Терновскаго*.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Иванъ Андреевичъ Крыловъ, <i>Кеневича</i>	1
Очеркъ литературной дѣятельности Крылова, <i>Грота</i>	6
Общій обзоръ драматической дѣятельности Крылова, <i>Перетца и Лавровскаго</i> . .	13
Комедія Крылова «Модная лавка», <i>Перетца</i>	21
Комедія Крылова «Урокъ дочкамъ», <i>его же</i>	27
Настроение русскаго общества времени появленія комедій «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», какъ одна изъ причинъ ихъ успѣха, <i>Шальгина</i>	33
Общность мотивовъ Крылова въ его журналахъ и басняхъ, <i>Липниченка</i>	34
Сатирическіе журналы Крылова, какъ обширный прологъ къ его баснямъ, <i>Селина</i> .	41
«Почта Духовъ», <i>Грота</i>	48
«Почта Духовъ», «Зритель», «С.-Петербургскій Меркурій» и общественный характеръ ихъ сатиры, <i>Тимоеева</i>	60
Жизненность, серіозность и разнообразіе содержанія, зрѣлость и обдуманность мысли, искренность чувства, игривость остроумія, прекрасный языкъ — отличительныя свойства сатиры Крылова въ «Почтѣ Духовъ», «Зритель» и «С.-Петербургскомъ Меркуріи», <i>Лавровскаго</i>	78
Сатирическіе журналы Крылова и ихъ сотрудники, <i>Ляценька</i>	86
Направленіе журналовъ «Зритель» и «С.-Петербургскій Меркурій», участіе Крылова въ нихъ и его литературная фізіономія въ эти годы, <i>Шальгина</i> .	90
Крыловъ, какъ публицистъ, <i>Иванова</i>	93
Общій характеръ морали басенъ Крылова, <i>Кеневича</i>	100
Вопросы воспитанія и образованія въ басняхъ Крылова, <i>Аммона</i>	101
Отношеніе Крылова къ наукѣ, <i>Ляценька</i> . (По поводу басни «Водолазы»)	113
Административныя и судебныя нравы въ басняхъ Крылова, <i>Аммона</i>	118
Историческія басни Крылова, <i>Кеневича</i>	123
Басни Крылова и историческая дѣйствительность, <i>Водовозова</i>	128
Басни Крылова, устанавливающія согласіе между отдѣльными группами государства, <i>Лавровскаго</i>	149
Басни Крылова, поучающія правиламъ обычной житейской мудрости, <i>его же</i> . .	151
Басня Крылова, какъ воплотительница ума и народной мудрости, <i>Грота</i>	152
Педагогическое значеніе басенъ Крылова, <i>Гогоцкаго</i>	153
Художественное значеніе басенъ Крылова, <i>Никитенка</i>	155
Естественность и простота, картинность и музыкальность басенъ Крылова, <i>Лавровскаго</i>	166
Языкъ басенъ Крылова, <i>Срезневскаго</i>	169
Особенности языка Крылова въ стилистическомъ отношеніи, <i>Истомина, Вл.</i> . .	174
Морфологическія и синтаксическія особенности языка Крылова, <i>Терновскаго</i> . .	182
Отношеніе современниковъ къ Крылову, <i>Аммона</i>	192
Личность Крылова, <i>Грота, Кеневича и Плетьева</i>	195

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

И. А. Крыловъ родился 2 февраля 1768 года, въ Москвѣ. Дѣтство его протекло среди такой обстановки, которая, повидимому, всего менѣе могла содѣйствовать правильному развитію его способностей. Отецъ его, армейскій капитанъ, мужественный защитникъ Яика отъ скопищъ Пугачева, былъ человѣкъ мало образованный. Судя по тѣмъ книгамъ, которыя онъ оставилъ въ наслѣдство сыну, онъ смотрѣлъ на литературу не какъ на образовательное средство, но какъ на средство убивать время. Мать Крылова, женщина не только необразованная, но даже неграмотная, хотя и понимала необходимость образованія, но сама не могла содѣйствовать развитію умственныхъ способностей ребенка. На шестомъ году жизни мы находимъ Крылова въ Оренбургской крѣпости. Не могши взять Яика, Пугачевъ поклялся, что повѣситъ и коменданта и все его семейство. Но Провидѣніе спасло маленькаго Крылова для славы Россіи. Послѣ усмиренія мятежа, заслуженный воинъ оставляетъ мечъ и берется за перо: онъ поступаетъ на службу въ тверской магистратъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и условія жизни нашего баснописца. Тутъ пришло время учиться. Его мать, изыскивая средства дать образованіе сыну, нашла возможность посылать его къ губернаторскому гувернеру-французу учиться по-французски. Трудны были первые шаги маленькаго Крылова; но мать умѣла облегчить ихъ; не зная даже русской грамоты, она единственно своимъ здравымъ природнымъ умомъ постигла, гдѣ и въ чемъ ошибается ребенокъ, и помогала ему дѣлать переводы. Здѣсь нѣжная материнская любовь и здравый умъ съ избыткомъ восполнили недостатокъ образованія. Этотъ французскій гувернеръ былъ единственный учитель, уроками котораго пользовался Крыловъ. Вскорѣ умираетъ отецъ.

Со смертію отца наступаетъ періодъ бѣдствій въ жизни Крылова. Нищета, посѣтившая его семейство, заставила мать опредѣлить сына на службу. И вотъ, 14-лѣтній Крыловъ, едва умѣя держать перо въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы итти въ школу учиться, начинаетъ въ чинѣ подканцеляриста посѣщать тверской магистратъ. Но скучныя канцелярскія бумаги, въ которыхъ онъ по молодости, вѣроятно, и понимать ничего не могъ, должны были внушить ему одно отвращеніе. Его занимало не канцелярское дѣло — мысли его,

по свидѣтельству современника, уносились на рынки, на площади, куда кулачные бои привлекали толпы зрителей, наконецъ — къ плоту, куда со всѣхъ концовъ города собирались прачки и водовозы. Тамъ, въ этихъ сборищахъ, у этого плота, проводилъ онъ цѣлые часы, подслушивалъ разговоры, шутки, остроты, а потомъ бѣжалъ къ товарищамъ своимъ пересказывать то, что поражало его. Тутъ пробудилась его наблюдательность, тутъ онъ изошриль ее и, можетъ-быть, уже тогда усвоилъ начало той чисто русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ русскаго народа. Отъ такихъ наблюденій онъ возвращался снова къ канцелярскимъ бумагамъ, отъ которыхъ дышало мертвенностью, формальностью, въ которыхъ отсутствіе жизни, а подчасъ и здраваго смысла, почиталось достоинствомъ. Но бѣдность — къ чему она не принудить человѣка! Онъ понималъ, что ему нужно добывать насущный хлѣбъ, и служилъ. А въ то самое время, когда его дѣтская рука выводила нетвердымъ почеркомъ буквы, въ головѣ его созидалась драма по образцу тѣхъ, какія онъ нашелъ въ сундукѣ отца. У него въ это время созрѣлъ планъ «Кофейницы», видѣлся вдали Петербургъ, театр, слава... Воображеніе беретъ, наконецъ, верхъ надъ дѣйствительностью. 16-лѣтній мальчикъ просится въ отпускъ на 29 дней и скачетъ въ Петербургъ съ своимъ первымъ произведеніемъ; находитъ великодушнаго книгопродавца (Брейткопфа), который, за его ребяческую работу предлагаетъ ему 60 рублей. Но онъ не беретъ денегъ — онъ беретъ книги, тѣ именно книги, которыя тогда почитались классическими — Расина, Корнеля и Буало. Такъ велика была въ немъ жажда знанія!

За нимъ послѣдовала въ Петербургъ и его мать. Здѣсь, отыскивая средства къ жизни, — потому что 24 рублей въ годъ, которые получалъ Иванъ Андреевичъ за свою службу въ губернскомъ правленіи, несмотря на тогдашнюю дешевизну, было недостаточно, — и отыскивая свои права на пенсіонъ за службу мужа, она умерла. «Это, — говорилъ потомъ Крыловъ своимъ друзьямъ, — былъ первый и самый тяжелый ударъ въ моей жизни». Но онъ перенесъ его мужественно. Бѣдность, одиночество, безпріютная жизнь, — все это могло бы убить всякую слабую натуру; Крылову же дало новыя силы. На двадцать-первомъ году мы видимъ его уже записнымъ журналистомъ, типографщикомъ, мѣткимъ сатирическимъ писателемъ, поражающимъ порокъ, скрывающійся отъ общественнаго порицанія подъ величественною тогою заслуженнаго гражданина, подъ личиною свѣтской образованности, подъ маскою скромности, подъ покровомъ общественныхъ приличій. Читая его ѣдкія сатирическія статьи, съ трудомъ вѣримъ, что онѣ написаны почти мальчикомъ, и притомъ мальчикомъ, нигдѣ не учившимся, мальчикомъ, подавленнымъ бѣдностью. Но еще удивительнѣе то, что въ то же онъ время находилъ возможность учиться. Онъ научился играть на скрипкѣ и достигъ такого совершенства въ этомъ искусствѣ, что его приглашали участвовать въ квартетахъ вмѣстѣ съ знаменитыми виртуозами. Увлечшись музыкою,

онъ увидѣлъ необходимость научиться по-итальянски. Сохранилось свидѣтельство, что и въ живописи онъ достигъ замѣчательнаго совершенства. И всему этому научился одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Кажется, для этихъ способностей ничего не было невозможнаго. Богъ знаетъ, куда бы увлекли его первые успѣхи; но какія-то весьма темныя обстоятельства заставили его закрыть типографію и прекратить изданіе журнала.

Около этого времени, онъ снова перемѣнилъ службу, но положеніе его не перемѣнилось. Его занималъ тогда театръ. Онъ старался написать трагедію въ родѣ Корнеля или Расина. Но Дмитревскій, съ которымъ онъ тогда сошелся, разбирая ихъ почти по строкамъ, доказывалъ ему, что онѣ слабы, требуютъ переработки, и убѣждалъ разочарованнаго автора учиться и учиться.

Наконецъ, въ 1801 году, колесо фортуны повернулось въ его сторону. Онъ поступилъ на службу къ кн. Голицыну, рижскому генералъ-губернатору, домашнимъ секретаремъ. «Я чрезвычайно радъ, милый мой братецъ, — писалъ къ нему его братъ Левъ Андреевичъ, — что вы совершенно счастливы въ домѣ его сіятельства. Вы этого, по вашимъ добродѣтелямъ и талантамъ, вполне заслужили».

Въ домѣ кн. Голицына онъ написалъ пародію — трагедію «Трумфъ», въ своемъ родѣ классическое произведеніе; здѣсь же онъ, не желая быть бесполезнымъ нахлѣбникомъ, сталъ учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ, въ томъ числѣ и Вигеля.

Продолжительная жизнь въ чужомъ домѣ, двусмысленное положеніе домашняго учителя, которое и теперь еще не приобрѣло права гражданства въ нашихъ высокихъ сферахъ и почитается мало чѣмъ выше камердинера или дядьки, должно было имѣть значительное вліяніе на характеръ Крылова. Можетъ-быть, здѣсь научился онъ быть сдержаннымъ, разсудительнымъ, открывать свою прекрасную душу только тѣмъ, кто были равны съ нимъ; можетъ-быть, тутъ онъ узналъ истину, что равенство

Въ любви и дружбѣ вещь святая.

Какъ онъ разстался съ княжескимъ домомъ, какъ попалъ въ Москву, объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Умудренный опытомъ, искушенный въ превратностяхъ жизни, онъ въ 1806 году возвратился въ Петербургъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ написалъ три басни въ подражаніе Лафонтену, изъ коихъ одна («Разборчивая Невѣста») до настоящаго времени остается образцовымъ произведеніемъ. И. И. Дмитріевъ, которому мы обязаны можетъ-быть, тѣмъ, что Крыловъ избралъ этотъ родъ, прочитавъ эти басни, сказалъ ему: «Это — вашъ истинный родъ; наконецъ, вы нашли его». Но въ Петербургѣ снова вспыхнула въ немъ страсть къ театру, и результатомъ этой вспышки были двѣ комедіи, о которыхъ современники отзывались съ величайшею похвалою. Они называли его русскимъ Аристофаномъ и были увѣрены, что если бы онъ посвя-

тилъ себя театру, то и въ драматическихъ произведеніяхъ достигъ бы той высоты и совершенства, какихъ достигъ въ баснѣ.

Любовь къ театру сблизила его съ кн. Шаховскимъ. Онъ вошелъ въ общество, въ которомъ мѣста распредѣлялись не по происхожденію, но по талантамъ. На вечерахъ у Шаховскаго (какъ видно изъ записокъ Жихарева), Крыловъ являлся душою общества. При его содѣйствіи предпринято было изданіе журнала «Драматическій Вѣстникъ», лучшимъ украшеніемъ котораго были его басни. У Шаховскаго же на вечерахъ онъ читалъ первыя свои басни. Хотя эти первыя произведенія начинающаго баснописца и встрѣчали въ этомъ обществѣ единодушное и громкое одобреніе, но, какъ видно, самъ авторъ еще не довѣрялъ своимъ силамъ. Первые шаги на этомъ поприщѣ были робки, нерѣшительны. Въ 1808 году онъ написалъ только пять оригинальныхъ басенъ изъ двадцати, появившихся въ журналѣ Шаховскаго, и въ числѣ этихъ пяти — три признаются классическими произведеніями. Такъ истинный талантъ всегда недоувѣрчивъ къ себѣ.

Слава драматическаго писателя, успѣхъ первыхъ басенъ, мастерское ихъ чтеніе познакомили Крылова съ семействомъ Олениныхъ, а въ послѣдствіи служба въ Публичной библіотекѣ связала его съ нимъ навсегда. Въ этомъ просвѣщенномъ семействѣ, благоволившемъ ко всему, что носило на себѣ отпечатокъ таланта, находили радушный пріемъ и живѣйшее искреннѣйшее участіе всѣ писатели и артисты, прославившіе времена Александра I. Въ этомъ семействѣ Крыловъ нашелъ все: и покровительство, и дружбу, и любовь. А. Н. Оленинъ, его начальникъ по службѣ, былъ искреннѣйшимъ другомъ и ходатаемъ предъ членами Императорскаго семейства. Елизавета Марковна, это олицетвореніе доброты и участія, была ему второю матерью. Здѣсь онъ пріобрѣлъ ласкательное имя «Крылышки», гордился имъ и любилъ покоиться подъ покровомъ этихъ добрыхъ благородныхъ людей. Отсюда онъ вынесъ титулъ дѣдушки, который слился навсегда съ его именемъ. Посланіе меценату, заканчивающееся стихами:

. На меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнливой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязаль.
И, можетъ, безъ тебя бѣ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта...

и эпитафія, начертанная на гробѣ Елизаветы Марковны, свидѣтельствуешь о томъ, какъ глубоко онъ уважалъ ихъ, какъ цѣнилъ ихъ любовь къ себѣ и какъ умѣлъ быть благодарнымъ.

Тою же искренностію и чистосердечіемъ запечатлѣна и дружба его съ Гнѣдичемъ. Біографы Крылова рассказываютъ, что для того, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ «Иліадѣ», переводѣ

которой поглотилъ полжизни Гнѣдича, онъ на пятидесятомъ году научился по-гречески.

Съ поступленія на службу въ Публичную бібліотеку для Крылова наступаетъ періодъ счастья и славы. Если уваженіе, оказываемое всѣми, отъ членовъ царскаго семейства до простолюдиновъ, если любовь и предупредительность, которую онъ встрѣчалъ повсюду, куда бы ни являлся, если совершенно обеспеченное матеріальное состояніе, приобрѣтенное честнымъ трудомъ и истинными заслугами, могутъ составить счастье человѣка: то, конечно, Крыловъ былъ самый счастливый человѣкъ. И все это онъ приобрѣлъ только баснями. Появленіе каждой новой его басни было событіемъ. Журналисты превозносили ихъ, публика выучивала ихъ наизусть. Новыя изданія раскупались нарасхватъ: Смирдинъ (по свидѣтельству современника) едва успѣвалъ удовлетворять ея требованія. 70 тысячъ экземпляровъ, которые разошлись по Россіи при жизни баснописца, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнили ихъ современники. Крыловъ объяснялъ такой неслыханный запросъ на его книгу тѣмъ, что ее даютъ дѣтямъ, а дѣти рвутъ книги. Но почему же ихъ давали дѣтямъ; почему же и понынѣ многіе негодуютъ на то, что его баснямъ начинаютъ предпочитать какія-то книжонки, сочиненныя по нѣмецкимъ образцамъ; почему даже и въ этихъ книжонкахъ наибольшее мѣсто доставалось все-таки ему, и почему ежегодно требуется новое изданіе его басенъ? На эти вопросы отвѣчаетъ Гоголь: потому что въ этихъ басняхъ великій поэтъ и мудрецъ слились воедино; потому что въ нихъ высказался разумъ, родственннй разуму нашихъ пословиць; потому что онъ умѣлъ сказать въ нихъ правду каждому — умному и глупому, сильному и слабому, и сановнику, стоящему на вершинѣ общественной лѣстницы, и безвѣстному труженику, на котораго смотрятъ съ презрѣніемъ; потому что каждая изъ нихъ (по выраженію Гоголя), какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ на человѣка и заставляетъ его обращать свой умственный взоръ во внутрь самого себя.

Его занимали всегда важные предметы, и въ своихъ басняхъ онъ давалъ отвѣты на вопросы, которые тревожили его современниковъ. Но, привязывая, такимъ образомъ, свою аллегорію къ извѣстному событію или общественному настроенію, онъ умѣлъ всегда вывести изъ нея такое общее положеніе, которое остается истиною при всѣхъ условіяхъ жизни. Его разсказъ, даже оторванный отъ исторической почвы, понятенъ и нравоучителенъ; онъ всегда выше текущихъ событій и условій времени, и пригоденъ человѣку, на какой бы ступени умственного и гражданскаго развитія онъ ни стоялъ. Такъ провелъ жизнь нашъ великій баснописецъ и тихо сошелъ въ могилу (9 ноября 1844 года), оставивъ потомству свои бессмертныя басни и имя добраго, честнаго человѣка.

Кеневичъ.

Очеркъ литературной дѣятельности Крылова.

Литературная дѣятельность его началась необыкновенно рано. Съ самаго дѣтства чувствовалъ онъ особенную охоту къ драматическому искусству; на оперу смотрѣли тогда, какъ на самое совершенное театральное представленіе, и мальчикъ Крыловъ смѣло принимается за сочиненіе оперы. Потомъ онъ пробуетъ себя въ трагическомъ родѣ и, наконецъ, переходитъ и къ комедіи. Первые драматическіе опыты Крылова, хотя и не имѣвшіе никакого достоинства, были для него тѣмъ важны, что, когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, они открыли ему доступъ въ литературный кружокъ, въ которомъ надолго установилось его направленіе. Черезъ Княжнина познакомился онъ съ Дмитревскимъ и явился къ знаменитому актеру съ однимъ изъ своихъ юношескихъ трудовъ. Дмитревскій строго разобралъ незрѣлую пьесу, но обласкалъ начинающаго литератора. Вскорѣ Крыловъ сблизился и съ другими драматическими писателями. Между тѣмъ, однакожь, онъ сталъ искать постоянной литературной дѣятельности. Въ этомъ помогло ему знакомство съ другимъ писателемъ, бывшимъ почти 25 годами старше его. Это былъ капитанъ Рахманиновъ, почитатель и переводчикъ Вольтера, издававшій въ 1788 году журналъ «Утренніе Часы», который печатался въ собственной его типографіи. Въ слѣдующемъ году Крыловъ самъ затѣялъ журналъ или, вѣрнѣе, ежемѣсячный сатирической сборникъ «Почту Духовъ», въ формѣ переписки жителей Плутонова царства. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ вступилъ на поприще сатиры, которое послѣ, хотя въ другомъ видѣ, оказалось истиннымъ его призваніемъ. Послѣ ба-сенъ «Почта Духовъ» — любопытнѣйшее и важнѣйшее его произведеніе, показывающее въ двадцатилѣтнемъ авторѣ замѣчательную зрѣлость мысли, наблюдательность и способность къ юмористическому изображенію человѣческихъ слабостей. Вскорѣ послѣ ея прекращенія Рахманиновъ, какъ тамбовскій помѣщикъ, уѣхалъ на родину, и Крыловъ, спустя два года, самъ является содержателемъ типографіи, вѣроятно, переданной ему этимъ его сотрудникомъ. Она находилась близъ Лѣтняго сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго. Съ наступленіемъ 1792 года Крыловъ сталъ печатать въ ней новый предпринятый имъ журналъ «Зритель». Главнымъ товарищемъ его по этому изданію сдѣлался армейскій офицеръ и драматическій писатель Клушинъ, сынъ орловскаго помѣщика, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Другіе сотрудники Крылова по изданію «Зрителя» были: Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ. Изъ всѣхъ, не исключая и Дмитревскаго, какъ писателя, Крыловъ превосходилъ талантомъ и впоследствии переросъ славой. Изъ нихъ одинъ Туманскій, издатель историческихъ актовъ, не посвящалъ трудовъ своихъ драматическому искусству. Дмитревскій, какъ мы видѣли, былъ давно наставникомъ Крылова на этомъ поприщѣ. Плавильщиковъ, подобно

Дмитревскому, превосходный актеръ, писалъ статьи о театрѣ, замѣчательныя по вѣрности литературныхъ взглядовъ. Н. Эминъ, сынъ извѣстнаго своими приключеніями автора и переводчика, писалъ также для сцены. Журналъ «Зритель», предположившій себѣ сколько можно разнообразить свое содержаніе, заявилъ, что онъ будетъ, между прочимъ, изображать пороки во всей его гнусности, избѣгая, однакожь, всякихъ личныхъ примѣненій, т.-е. одною изъ его задачъ была сатира. Надобно вспомнить, что онъ начался въ важную для русской литературы эпоху, когда «Московскій Журналъ» Карамзина продолжался уже годъ. Дѣятельность этого молодого писателя, пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко всему иноземному, была недружелюбно встрѣчена крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности, Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный отбѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни, наконецъ, тотъ взглядъ его, который, наперекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова, хотя и не могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто русскимъ характеромъ, но зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія. Оттого «Зритель» сталъ въ непріятное отношеніе къ «Московскому Журналу», издѣваясь надъ слогомъ Карамзина и укоряя его за произвольную, привязчивую критику. Карамзинъ не возражалъ, но въ письмахъ къ Дмитріеву говорилъ: «Итакъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманскій не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастье!»

Что касается до самого Крылова, то статьи, подписанныя его именемъ въ «Зритель», имѣютъ опять значеніе сатиры на нравы. Въ отношеніи къ ея формѣ онъ платитъ дань вкусу своего времени, въ содержаніи же обнаруживаетъ много колкаго остроумія и юмора. Въ его сказкѣ «Ночи» происходитъ, на пирушкѣ у бога Момуса, споръ между *Днемъ* и *Ночью*, о томъ, кто изъ нихъ видитъ на свѣтѣ болѣе людскихъ дурачествъ. Для рѣшенія этого вопроса, богиня ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что случается во время ея владычества, и онъ описываетъ ночныя похождения. Въ восточной повѣсти «Каибъ» рассказывается исторія калифа, который собираетъ свой диванъ, чтобы услышать мнѣніе визирей, какимъ бы образомъ ему совершить далекое странствованіе такъ, чтобы никто изъ подданныхъ не замѣтилъ его отсутствія. Это—самое замѣчательное изъ сочиненій *Крылова* въ «Зритель»; личность Каиба и его визирей:

Дурсана, Ослашида и Грабилея изображена въ рѣзкихъ чертахъ. При дворѣ Каиба календарь былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были рѣже, чѣмъ именины Касьяновъ; тѣмъ не менѣе Каибъ всячески старался поощрять науки, и хотя не пускалъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ составляли не послѣднее украшеніе его стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись такъ искусно, что люди ставили за честь подражать имъ, а нерѣдко, по слабости человеческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отчего произошли великіе споры, о которыхъ тамошняя академія издала исторію въ 36 фоліантахъ. Описывая диванъ Каиба, Крыловъ говоритъ, что калифъ былъ расчетистъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производить пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки, по крайней мѣрѣ, столько же нужны, какъ и умные люди. Въ другихъ сатирическихъ статьяхъ своихъ Крыловъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, избираетъ иногда форму шуточныхъ рѣчей и похвальныхъ словъ.

«Зритель» издавался только 11 мѣсяцевъ, до конца 1792 года. Тогдашніе журналы соблюдали благое обыкновеніе печатать при своихъ книжкахъ имена постепенно прибывавшихъ подписчиковъ, что въ то время было и легко по ограниченному количеству читающей публики. Нынѣшніе издатели, по разнымъ причинамъ, не объявляютъ числа и именъ своихъ подписчиковъ, хотя такія свѣдѣнія были бы во многихъ отношеніяхъ любопытны и полезны не только для современниковъ, но и для потомства. По спискамъ, приложеннымъ къ «Зрителю», оказывается, что его разсылалось всего 170 экземпляровъ, изъ которыхъ 136 приходилось на Петербургъ, только 12 на Москву и не болѣе 22 на всѣ прочіе города. «Московскій Журналъ» Карамзина, самое распространенное изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, имѣлъ въ томъ же году только до 300 подписчиковъ; изъ этого числа $\frac{2}{3}$ жили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ихъ было не болѣе 28 человекъ. Отсюда видно, какъ мало въ то время объ столицы мѣнялись своими литературными произведеніями.

Журналъ Карамзина въ концѣ 1792 году совсѣмъ прекратился; «Зритель» же Крылова кончился только по имени и преобразился въ «С.-Петербургскаго Меркурія», который издавался въ продолженіе всего 1793 года. По предисловію, подписанному Крыловымъ и Клушинымъ, видно, что они хотѣли сдѣлать изъ этого изданія то же для Петербурга, чѣмъ былъ журналъ Карамзина для Москвы, т. е. изданіе въ родѣ иностранныхъ журналовъ съ извѣстіями о новыхъ книгахъ и театрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, издатели, уже при сообщеніи своей программы, косвенно задѣваютъ Карамзина, обѣщая, что ихъ сужденія не будутъ *деспотическія*, и оуждая его обычай не подписывать имени подъ своими статьями. Въ преобразованномъ

журналѣ сатирическое направленіе Крылова видимо слабѣетъ. Есть поводъ думать, что это было слѣдствіемъ ропота, который сатира «Зрителя» возбуждала въ нѣкоторыхъ читателяхъ, обвинявшихъ ее въ личностяхъ: въ этомъ журналѣ вся «Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ» посвящена отраженію такихъ нареканій. Между прочимъ, ораторъ говоритъ отъ имени подобныхъ ему, т.-е. повѣсь: «Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставять ихъ лица на осмѣяніе? Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены». Въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи» напечатаны только двѣ сатирическія статьи Крылова, обѣ въ формѣ *похвальныхъ рѣчей*: одна посвящена *науцѣ убивать время*; другая осмѣиваетъ уже не сословные пороки, а новое направленіе въ современной литературѣ. Этой послѣдней статьѣ дано заглавіе: «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Подъ *Ермалафидомъ*, т.-е. человѣкомъ, который несетъ ермалафію, или чепуху, очевидно, подразумѣвается преимущественно Карамзинъ. Онъ иронически ставится тутъ въ образецъ начинающимъ авторамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затронута вся его первоначальная литературная дѣятельность: переводы изъ Шекспира и Лессинга, изданіе журнала, «Письма русскаго путешественника», литературная критика, стихотворенія въ новомъ вкусѣ, наконецъ, самый слогъ его и нѣкоторые отдѣльные взгляды. Непрїязненное отношеніе Крылова къ Карамзину нисколько не удивительно. Если мы перенесемъ въ ту эпоху и безпристрастно взглянемъ на разнородную личность обоихъ, на несходныя обстоятельства, въ которыхъ тотъ и другой развивались, то для насъ станетъ совершенно ясно, почему они не понимали другъ друга. Крыловъ, какъ талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ народный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, не могъ почувствовать особенностямъ другого, хотя и замѣчательнаго, но воспитавшагося на почвѣ иностранныхъ литературъ писателя. Какой-то тверской старожиль, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ нашимъ баснописцемъ, разсказывалъ, что Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавныя анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходявшихся на рѣку съ разныхъ концовъ города. Этимъ объясняется, отчего Крыловъ, рано прочитавъ въ подлинникѣ многихъ французскихъ авторовъ, остался, однакожь, оригиналенъ не только въ идеяхъ, но и въ языкѣ: онъ развѣ только для шутки употребить иногда иностранное слово. Проза перваго періода его авторства не такъ гладка и плавна, какъ многіе думаютъ, судя по неточному тексту послѣдняго изданія его сочиненій, но его языкъ всегда чистъ въ составѣ своемъ, самобытенъ и народенъ въ выраженіяхъ и оборотахъ. Письма «Почты Духовъ» писаны въ томъ же

году, какъ и «Письма русскаго путешественника». Въ отношеніи къ строю и изяществу рѣчи, между тѣми и другими большая разница. Каждый изъ обоихъ писателей имѣлъ свою особую исходную точку; ихъ трудно сравнивать: и кругъ идей, и цѣль, и тонъ у обоихъ свои. Слогъ Карамзина, вмѣстѣ съ его настроеніемъ, пришелся болѣе по вкусу современниковъ и надолго одержалъ побѣду. Но тотъ элементъ, который составлялъ отличіе слога Крылова, — элементъ *народности*, взялъ свое и былъ оцѣненъ впоследствии самимъ его счастливымъ соперникомъ. Крыловъ же, съ своей стороны, никогда не перенялъ ни щегольского блеска карамзинской прозы ни музыкальной легкости поэзіи Жуковскаго: онъ въ позднѣйшее время только откинулъ нѣкоторые устарѣлые слова и приемы рѣчи, но навсегда удержалъ въ своихъ стихахъ, по мѣткому выраженію его біографа, что-то *увѣсительное*, свойственное и его наружности. Замѣтимъ, что до сихъ поръ языкъ басенъ Крылова, даже и самыхъ давнихъ, почти нисколько не устарѣлъ.

Въ «Похвальной рѣчи Ермалафиду» Крыловъ въ послѣдній разъ явился на полемической аренѣ. Отказавшись на время отъ роли сатирика, онъ преобразился въ поэта. Въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи» находимъ довольно много стихотвореній его. Увлекаемый потокомъ времени, онъ не вполне обошелъ и тѣ роды стихотворства, надъ которыми самъ прежде подшучивалъ. Довольно странно читать, подписанную его именемъ, небольшую оду въ ломоносовскомъ вкусѣ: «На фейерверкъ», по случаю яскаго мира. Но гораздо лучше удалась ему шуточная ода «Къ счастью», въ державинскомъ родѣ. Оба издателя «Меркурія», выступивъ на поприще стихотворства, явно пошли по слѣдамъ тогдашняго корифея русскихъ поэтовъ, и каждый взялъ себѣ въ удѣлъ особую сторону таланта Державина: Клушинъ довольно ловко усвоилъ себѣ его стиль въ живописи природы; Крыловъ съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво сатирической элементъ державинской оды. Такъ свое обращеніе *къ счастью* онъ начинаетъ стихами:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подчасъ некстати слишкомъ злая,
Подчасъ роскошна невопадъ,

Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой неладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

Когда впоследствии Крыловъ служилъ при Публичной библіотекѣ, ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія сочиненія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему журналы: «Почту Духовъ», «Зритель» и «Меркурій» и, заведя рѣчь объ одѣ «Къ счастью», спросилъ его: «Иванъ Андреевичъ! за что это вы пеняете на фортуны, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый, — отвѣчалъ онъ: — со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло...» Въ лирическихъ, довольно многочисленныхъ пьесахъ

Крылова, сдѣлавшихся извѣстными послѣ его кончины, есть счастливыя мѣста. Между прочимъ, онъ навсегда возвышается при сравненіи сельскаго быта съ городскимъ, при мысли о страданіяхъ народа подъ гнетомъ помѣщичьей власти, противъ злоупотребленій, которой онъ сильно вооружался уже и въ сатирѣ своей. Въ пьесѣ «Уединеніе», напр., онъ говоритъ о жизни въ городахъ:

Тамъ роскошь, золотомъ блестя,	Но въ хрустальныхъ своихъ безцѣнныхъ
Зоветь гостей въ свои палаты	Она не вина раздастъ:
И ставить имъ столы богаты,	Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Извѣженнымъ ихъ вкусамъ лстя;	Народовъ, ею разоренныхъ.

Эти стихи написаны, вѣроятно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія «Меркурія», именно въ деревнѣ у князя Голицына, какъ и разныя другія стихотворенія Крылова, въ которыхъ рѣчь идетъ о сельской жизни.

Журналъ «Меркурій» опять просуществовалъ только одинъ годъ, имѣвъ немного болѣе 150 подписчиковъ. Оба издателя собирались ѣхать въ чужіе края, какъ видно изъ ихъ обращенія къ публикѣ; Крыловъ не успѣлъ, однакожъ, осуществить своего плана и никогда не выѣзжалъ изъ отечества. вмѣсто того, ему удалось, какъ было сказано, побывать на югѣ Россіи, именно, въ Саратовской и въ Кіевской губерніяхъ. Въ Зубриловкѣ, прекрасномъ имѣніи на Хопрѣ, еще живы воспоминанія о нашемъ поэтѣ. Въ украинскомъ селѣ Казацкомъ написалъ онъ свою шуточную трагедію-карикатуру «Трумфъ»; ее нѣсколько разъ играли тамъ, и самъ авторъ исполнялъ при этомъ роль главнаго героя. О пребываніи Крылова въ Казацкомъ рассказываетъ Вигель, который, будучи тогда мальчикомъ, находился тамъ же по семейной связи своихъ родителей съ Голицыными и учился вмѣстѣ съ дѣтьми князя.

Отдавая полную справедливость таланту Крылова, Вигель рисуетъ, однакожъ, личность его довольно темными красками: именно, онъ представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ расчета. Къ этому отзыву одного сатирика о другомъ мы еще возвратимся и посмотримъ, насколько онъ заслуживаетъ довѣрія. Теперь же отмѣтимъ только замѣчательный отзывъ Вигеля о баснописцѣ, какъ педагогѣ. По словамъ Вигеля, Крыловъ, вызвавшись преподавать русскій языкъ сыновьямъ кн. Голицына, «и въ этомъ дѣлѣ показалъ себя мастеромъ. Уроки проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ». Домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась перево-

дами и воспитъта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій приѣмъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова. Это обнаружилось вскорѣ послѣ оставленія имъ семейства Голицыныхъ.

Съ самаго появленія своего на журнальномъ поприщѣ онъ пользовался извѣстностью; нѣкоторыя драматическія сочиненія его, написанныя въ концѣ прошлаго столѣтія, нашли мѣсто въ изданномъ Академіею Наукъ «Россійскомъ Театрѣ»; въ 1802 году явилось въ Петербургѣ, хотя безъ имени его, 2-е изданіе «Почты Духовъ». Но слава его была еще впереди. По замѣчательному жребію, она должна была возникнуть въ самомъ средоточіи русской народной жизни, въ Москвѣ, гдѣ Крыловъ провелъ нѣсколько времени въ концѣ 1805 года. Какое-то счастливое вдохновеніе побудило его, на 38-мъ году отъ рожденія, написать въ подражаніе Лафонтену три басни: «Дубъ и Трость», «Разборчивая Невѣста», «Старикъ и трое молодыхъ». Въ Москвѣ онъ показываетъ свой опытъ знаменитѣйшему въ то время русскому баснописцу. Дмитріевъ съ поразительною проницательностью тотчасъ убѣждается, что это истинный родъ Крылова, и, не боясь приготовить себѣ соперника, поощряетъ его продолжать въ этомъ родѣ; полученные же басни отдаетъ въ журналъ кн. Шаликова «Московскій Зритель»: литературное призваніе Крылова, наконецъ, найдено и разомъ опредѣлено навсегда. Можно сказать, что онъ, самъ того не зная, съ дѣтства готовился къ этому поприщу. Въ остальные тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти уже и не уклонялся въ сторону отъ избранной имъ литературной дѣятельности. Только въ 1807 году явились двѣ его новыя комедіи противъ ослѣпленія въ пользу всего французскаго, «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», можетъ быть, вызванныя тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества въ виду борьбы съ Наполеономъ. Но, несмотря на блестящій успѣхъ этихъ двухъ пьесъ на петербургскомъ театрѣ, Крыловъ понялъ, что не драма—его призваніе, и почти не возвращался уже къ этому роду, въ которомъ не произвелъ ничего истинно-замѣчательнаго. Первое небольшое собраніе его басенъ (23-хъ), вышло въ 1809 году. Съ тѣхъ поръ количество ихъ быстро умножалось; изданія слѣдовали одно за другимъ, каждое съ прибавленіемъ новаго отдѣла; послѣднее при жизни его, было напечатано въ 1843 году и состояло изъ 9 такихъ отдѣловъ, или книгъ, которыя всѣ вмѣстѣ содержали около 200 басенъ. Съ 1819 года изданія расходились въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, которымъ книгопродавцы, противъ обыкновенія, вели счетъ: число экземпляровъ всѣхъ изданій басенъ Крылова дошло при жизни его до 77 тыс. Многія новыя басни его, еще до ихъ напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при дворѣ или въ литературныхъ обществахъ. Уже въ 1811 году онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой сдѣлался и членомъ Академіи Наукъ; въ 1813 году

вступилъ въ учрежденную незадолго передъ тѣмъ въ домѣ Державина «Бесѣду любителей русскаго слова», и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Тогдашніе журналы наперерывъ старались украшать свои страницы его баснями. Почти каждая изъ нихъ, при появленіи своемъ, возбуждала вниманіе публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Еще въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Крылову пенсію въ 1500 руб. асс., которая, при отставкѣ его, по ходатайству Оленина, была повышена до 5400 руб. сер. *Гротъ.*

Общій обзоръ драматической дѣятельности Крылова.

Въ 1782 году Крыловъ прибылъ въ Петербургъ, и черезъ два года появляется его первый извѣстный намъ литературный трудъ — комическая опера «Кофейница». Переселеніе въ столицу было для Крылова событіемъ первой важности. Здѣсь онъ столкнулся съ новыми людьми, которые дали ему новый запасъ впечатлѣній, здѣсь онъ подпалъ подъ вліяніе театра, которому и посвятилъ первые свои опыты.

«Годы прибытія Крылова въ С.-Петербургъ замѣчательны по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искусства въ Россіи, предмета, на который тогда была устремлена вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца», говоритъ біографъ И. А. Крылова¹). «Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году, но это было учрежденіе, которымъ, не внося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и чиновные люди. Но только съ 1782 года, начались приготовленія къ устройству общенароднаго русскаго театра, который былъ открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году». Такимъ образомъ, Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на нашей сценѣ.

Несомнѣнно, на воспримчиваго и талантливаго юношу театръ произвелъ сильное впечатлѣніе. Извѣстно, что Крыловъ раньше написалъ самъ пьесу для театра, и подъ его перомъ создались комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ — «Кофейница».

Шестнадцатилѣтній авторъ (пьеса была написана въ 1784 г.) передалъ свою пьесу для изданія типографщику Брейткопфу, любителю и знатоку музыки и театра; за нее Крылову было предложено 60 рублей, но вмѣсто денегъ онъ предпочелъ взять плату книгами. По свидѣтельству М. Е. Лобанова, друга и біографа Крылова, послѣдній взялъ сочиненія Расина, Мольера и Буало, которыя впоследствии оказали на него свое вліяніе и, къ тому же, далеко не благотворное.

¹) П. А. Плетневъ. Жизнь и сочиненія Крылова. — Полное собраніе сочиненій, т. 2-й, стран. 41.

Въ «Кофейницѣ» все «еще слабо и незрѣло, но видимо умѣнне составлять и располагать пьесу», пишетъ о «Кофейницѣ» биографъ или скорѣе панегиристъ Крылова, его другъ Лобановъ¹⁾. Другой критикъ и биографъ Крылова даетъ болѣе полную, хотя тоже довольно общую характеристику этой пьесы: «Въ комической оперѣ «Кофейница» довольно просто, безъ слащавыхъ прикрасъ и карикатурнаго преувеличенія изображенъ провинціальныи бытъ, среди котораго Крыловъ провелъ свое дѣтство и отрочество»²⁾. Въ первомъ своемъ опытѣ Крыловъ проявилъ дѣйствительно рѣдкую наблюдательность и трезвость мысли, которая выработалась подъ вліяніемъ постоянной нужды и службы, начатой въ тѣ годы, когда слѣдовало бы еще сидѣть на школьной скамьѣ. Въ «Кофейницѣ» мы имѣемъ дѣло съ живыми лицами, съ людьми, прямо выхваченными изъ современной автору дѣйствительности. Плутоватый приказчикъ, щеголиха барыня, ворожея — все лица, не сочиненныя по рецепту царившей тогда у насъ теоріи Буало, а снимки съ дѣйствительности, снимки, правда, грубые, но въ существенныхъ чертахъ точные. Мѣтко схвачены Крыловомъ и бытовыя черты, напримѣръ, сказыванье по очереди сказокъ барынѣ, не могущей сразу заснуть. Сказыванье сказокъ на ночь дворовыми людьми или специалистами сказочниками было обычно въ помѣщичьей провинціальной средѣ прошлаго вѣка. Объ этомъ мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ современниковъ. Сочувствіе къ народной поэзіи и старинѣ далеко не угасало въ привилегированномъ сословіи XVIII вѣка. Извѣстный Митрофанушка въ «Недорослѣ» Фонвизина «еще сызмала былъ къ исторіямъ охотникъ» и заставлялъ себѣ рассказывать исторіи скотницу Хавронью; Скотининъ «безъ того глазъ не сводилъ, чтобы *выборный* не рассказывалъ ему исторій». Самъ авторъ «Недоросля» слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонвизиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ³⁾. Извѣстный историкъ прошлаго вѣка Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владимира и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ о дворѣ Путятинѣ внесъ въ примѣчанія къ Іоакимовской лѣтописи⁴⁾. Извѣстный Прокофій Акинфѣевичъ Демидовъ былъ также большимъ любителемъ народныхъ сказаній, и для него въ Сибири былъ составленъ извѣстный сборникъ Кирши Данилова, что видно изъ письма Демидова къ исторіографу Г. Ф. Миллеру, напечатанному проф. Шевыревымъ⁵⁾.

Знакомство съ народнымъ бытомъ и языкомъ и отсутствіе «ученаго» предупрежденія противъ употребленія послѣдняго въ литературныхъ пьесахъ отразились въ языкѣ перваго драматическаго опыта

¹⁾ М. Е. Лобановъ. Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. С.-Пб. 1847 года, стран. 8.

²⁾ Майковъ.

³⁾ Акад. Н. С. Тихонравовъ и проф. В. Ѳ. Миллеръ. Русскія былины старой и новой записи. М. 1894 года, стран. 77.

⁴⁾ В. Н. Татищевъ. Россійская исторія, ч. I, кн. I, стран. 50.

⁵⁾ «Москвитянинъ», 1854 года, № 1 и 2, отд. IV, стран. 9.

Крылова. Всѣ лица этой пьесы, какъ крестьяне, такъ и городскіе жители, говорятъ естественнымъ народнымъ языкомъ, безъ примѣси литературной напыщенности съ одной стороны, а съ другой — безъ неудачныхъ потугъ изобразить народную рѣчь съ помощью коверканья языка, каковой приѣмъ былъ очень обыченъ у тогдашнихъ драматурговъ, даже у такого талантливаго реалиста, какъ Матинскій. Наконецъ, подводя итоги всего сказаннаго о «Кофейницѣ», довольно признать, что эта пьеса «нисколько не хуже большинства современныхъ ей комическихъ оперъ; по крайней мѣрѣ, она не поражаетъ ни неестественностью вымысла ни слишкомъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни. Какъ ни велики ея художественные недостатки, въ ней чувствуется та наивность, та свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій»¹⁾.

«Кофейница» не была поставлена на сцену: Брейткопфъ не воспользовался приобрѣтенной пьесой и черезъ тридцать лѣтъ, встрѣтившись съ Крыловымъ, уже бывшимъ на службѣ въ Публичной Библиотекѣ, отдалъ ему обратно рукопись «Кофейницы».

Получивъ книги отъ Брейткопфа, заинтересовавшагося любознательнымъ юношей, Крыловъ обратилъ главное вниманіе не на Мольера, а на Расина и Буало: его идеаломъ было создать трагедію, это высшее по формѣ произведеніе драматической поэзіи, какъ учила псевдо-классическая теорія. Буало далъ Крылову теорію, Расинъ — образцы, и вотъ молодой писатель приступаетъ къ созданію своей первой трагедіи, не дошедшей до насъ. Сюжетомъ ея онъ избралъ судьбу Клеопатры и, когда пьеса была готова, отнесъ ее къ тогдашнему оракулу и судьбѣ драматическихъ произведеній — къ знаменитому Дмитревскому.

Этотъ старый артистъ считался въ свое время лучшимъ судьей, когда дѣло касалось достоинствъ и недостатковъ новой пьесы и начинающихъ артистовъ. Несмотря на увѣренія извѣстнаго театралы, С. П. Жихарева, будто Дмитревскій не давалъ никакого понятія артистамъ объ изучаемыхъ ими роляхъ и нисколько не подавалъ имъ помощи совѣтомъ и указаніями, П. Араповъ, извѣстный авторъ «Лѣтописи русскаго театра», утверждаетъ, что Дмитревскій не только «имѣлъ даръ наставленіями своими усовершенствовать талантъ всякаго начинающаго артиста», но даже «руководилъ и самыхъ авторовъ: Державинъ постоянно совѣщался съ нимъ на счетъ своихъ драматическихъ сочиненій, а Фонвизинъ исправилъ, по его замѣчаніямъ, многія сцены въ «Недорослѣ». Даже самый его начальникъ, самолюбивый Сумароковъ, и тотъ принималъ со вниманіемъ совѣты Дмитревскаго»²⁾. Несомнѣнно, Дмитревскій, какъ опытный актеръ, могъ съ большой пользой подать совѣтъ относительно расположенія пьесы и указать

¹⁾ Майковъ, стран. 10.

²⁾ П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1861 года, стран. 122.]

ея сценическія недостатки. Къ этому-то оракулу и судьѣ отнесъ Крыловъ свою первую серьезную пьесу. Мы не знаемъ, что происходило во время чтенія, какъ отнесся къ пьесѣ Дмитревскій, который вообще былъ чрезвычайно любезенъ и старался не огорчить начинающихъ писателей строгими приговорами, — знаемъ только одно, что Дмитревскій добродушно выслушалъ трагедію, съ обычной уклончивостью отозвался объ ея достоинствахъ, «поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и, наконецъ, съ кротостью далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и переделать». Кажется, эта неудача должна была бы нѣсколько научить Крылова и открыть ему глаза на несовершенство его драмы, но онъ обратилъ, повидимому, большее вниманіе на похвалы стараго артиста, вынужденнаго требованіями приличія, чѣмъ на скрытыя подъ ними порицанія. Онъ не бросилъ надежды создать трагедію, и въ 1786 году написалъ «Филомелу», трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, нѣсколько позже, въ 1793 году напечатанную въ «Россійскомъ Театрѣ», сборникѣ пьесъ съ 1786—1795 годовъ, куда вошли всѣ русскія драматическія произведенія, появившіяся на свѣтъ въ это время. По догадкѣ Плетнева, и этотъ второй опытъ Крылова въ трагическомъ родѣ былъ осужденъ Дмитревскимъ на забвеніе. Однако, знакомство съ знаменитымъ артистомъ, а также съ трагедіями современной ему литературной знаменитости, Я. Б. Княжнина, оказало свое вліяніе на Крылова. Въ «Филомелѣ» мы видимъ трагедію, составленную по всѣмъ правиламъ классической теоріи, написанную напыщенными александрійскими стихами, съ соблюденіемъ всѣхъ трехъ пресловутыхъ *единствъ*. Напрасно стали бы мы искать въ ней правдивости и искренности, которыми отличается его первая комедія. Даже Лобановъ, болѣе всѣхъ критиковъ восхищенный Крыловымъ, — и тотъ безапелляціонно заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ «Филомелѣ» «ничего путнаго нѣтъ». Видно, что Крыловъ «ничего еще не читалъ, кромѣ Сумарокова и Княжнина, — все отзывается ими. Не рожденный первенствовать въ этомъ родѣ поэзіи, онъ ничего не обнаружилъ собственнаго, а только, увлеченный ихъ тогдашней извѣстностью, былъ ихъ отголоскомъ». И только нѣсколько далѣе Лобановъ, какъ бы изъ приличія, оговаривается, что, несмотря на недостатки трагедіи, въ ней «много движенія и пылу».

Перетцъ.

Его первый драматическій опытъ — опера и двѣ трагедіи — слабы. Написанныя спустя почти десять лѣтъ послѣ смерти Сумарокова, онѣ слабѣе трагедій послѣдняго и по содержанію и по языку, не имѣютъ не только общаго литературнаго значенія, но и въ свое время не обратили на себя вниманія и не поступили на сцену. Въ послѣдней трагедіи «Филомелѣ», помѣщаемой обыкновенно въ полномъ собраніи сочиненій Крылова, почти нѣтъ дѣйствій. «Открылось все», восклицаетъ

Линсей въ началѣ второго акта, узнавъ о преступной любви фракійскаго царя Терей къ своей свояченицѣ и его невѣстѣ, Филомелѣ — и этимъ оканчивается дѣйствіе. Все остальное, четыре пятыхъ трагедіи, наполнено плачемъ и стономъ, выраженіемъ дикой ярости, мщенія и отчаянія, не имѣющими ни малѣйшаго значенія для общаго развитія интриги. Вы даже не видите, какъ относится этотъ бурный потокъ фразъ къ гибели главнаго героя трагедіи. А между тѣмъ вамъ остается неизвѣстнымъ, какъ удалось Линсею открыть мѣсто заточенія Филомелы, какъ удалось Терее похитить ее, какимъ образомъ Терей отсѣченіемъ языка Филомелы могъ «злодѣйствія свои сокрыть навѣкъ», когда они были уже всѣмъ извѣстны и т. д. Самый выборъ сюжета доказываетъ, что трагическій элементъ представляется неопытному воображенію Крылова только своей виѣшной стороной: чѣмъ неестественнѣе преступленіе, чѣмъ болѣе ужаса и кровопролитія, тѣмъ лучше; ему нужна была и любовь неестественная и мщеніе неестественное. Не забудемъ однако, что эту трагедію писалъ 19-лѣтній юноша-самоучка, безъ правильнаго образованія, безъ руководства, предоставленный исключительно самому себѣ. Это первый неудавшійся драматическій опытъ Крылова важенъ былъ для него, какъ первоначальная школа, чрезъ которую онъ долженъ былъ пройти, пріучаясь къ обработкѣ въ извѣстной формѣ избраннаго содержанія, а еще больше — къ обработкѣ языка и стиха; потому же важенъ онъ и для изучающихъ его литературную дѣятельность и желающихъ понять ее въ историческомъ ея развитіи.

На комедіяхъ Крылова вполне подтверждается та истина, что чужіе недостатки легче замѣчаются, чѣмъ свои собственные, что надъ чужими недостатками легче наблюдать и осуждать ихъ, чѣмъ избѣгать своихъ. Въ два года (1793 и 1794 гг.) онъ поставилъ на сцену три пьесы: комическую оперу «Бѣшеная семья» и двѣ комедіи: «Прокказники» и «Сочинитель въ прихожей» — и всѣ эти пьесы отличаются больше недостатками, чѣмъ достоинствами. Все содержаніе первой — верхъ неестественности. Четыре женщины: бабка, мать, сестра и дочь Сумбура ни съ того ни съ сего влюбляются въ одного офицера, производятъ въ домѣ содомъ, разоряются на наряды, и Сумбуръ только потому, чтобы «посѣщеніе офицера не обуло его въ годъ въ лапти», женить его на своей сестрѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ. Во второй совершенно случайное и ничѣмъ не мотивированное сплетеніе обстоятельствъ. Иногда для одной остроты, безъ нужды для главнаго дѣйствія, вводятся цѣлыя явленія. Дѣйствующія лица всѣ такъ глупы, что всѣ хитрости служанки оказываются совершенно излишними. Рядъ искусственно составленныхъ сценъ въ саду заключаетъ въ себѣ рядъ неестественностей: мужъ и жена, разговаривая долго, не узнаютъ другъ друга; поэтъ является на поединокъ съ прищипленными къ ногамъ и рукамъ эпитафіями, а докторъ съ головой, облѣпленной пластырями и т. д. Затѣмъ остается достоинство языка и нѣсколько дѣйствительно комическихъ сценъ, хотя

тоже слишкомъ сильно заряженныхъ. Наконецъ, послѣдняя пьеса, отличающаяся тѣми же недостатками, заключаетъ въ себѣ переложеніе въ драматическую форму того сатирическаго мотива, который усердно развитъ Крыловымъ въ его журнальныхъ статьяхъ, — изображеніе дамы моднаго свѣта, которая ведетъ даже записную книгу для отмѣтки въ ней часовъ прихода ея многочисленныхъ любовниковъ и для которой проматывается представитель мужской половины той же стороны моднаго свѣта. Замѣчательно, что къ этой комедіи можно отнести тотъ же упрекъ, какой Крыловъ высказалъ комедіи: «Смѣхъ и горе»: какъ тамъ дѣйствующія лица, опредѣленные уже самимъ заглавіемъ для главнаго дѣйствія, являются въ комедіи только эпизодически, такъ и Сочинитель въ прихожей имѣетъ только внѣшнее и случайное отношеніе къ главному дѣйствию. Вообще этотъ второй драматическій опытъ носить на себѣ всѣ признаки неопытности въ дѣлѣ, недостаточности изученія старыхъ образцовъ въ томъ же родѣ: послѣ комедій Фонвизина естественно было бы ожидать, что такое сильное дарованіе, уже искусившееся на литературномъ поприщѣ, по крайней мѣрѣ, поднимется на высоту этихъ, безъ сомнѣнія, извѣстныхъ ему старыхъ образцовъ.

Но Крыловъ одаренъ былъ упорною волею, что подтверждается многими разказами изъ его жизни. Есть великій интересъ въ изученіи великаго человѣка, пробивающаго себѣ дорогу къ своему призванію собственнымъ трудомъ, собственными усиліями. Въ ранней молодости онъ почувствовалъ въ себѣ потребность къ производительной дѣятельности въ литературѣ. Намъ извѣстны тѣ образцы и вообще та комбинація условій, которые опредѣлили его склонность именно къ драматической поэзіи. 16 лѣтъ онъ пишетъ оперу, затѣмъ одну и другую трагедію. Слава драматическаго писателя приковала его къ себѣ надолго, она преслѣдуетъ его во всю первую половину его жизни. Первый опытъ, кромѣ обработки языка и стиха и упражненія въ развитіи темы для данной цѣли, принесъ ему отрицательную пользу: онъ убѣдилъ его окончательно, что трагедія не его дѣло — и онъ оставилъ ее навсегда. Но Крыловъ 1794 года, предпринявшій опытъ въ комедіи, былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда написалъ послѣднюю свою трагедію: сильное дарованіе растетъ быстро въ непрерывномъ упражненіи. Въ эти шесть лѣтъ, благодаря непрерывности въ его дѣятельности, мы можемъ слѣдить за его развитіемъ шагъ за шагомъ. Въ эти шесть лѣтъ, совершенствуясь съ каждымъ годомъ, онъ успѣлъ добиться извѣстности и привлечь къ себѣ общественное вниманіе, какъ лучший сатирический писатель своего времени, и если тогда направленіе его дарованія, его литературное призваніе представлялось ему весьма смутно, то теперь онъ не могъ не распознать его. Комедія та же сатира, только въ другой формѣ, — и онъ смѣло обратился къ ней. Первая неудача здѣсь не могла отбить въ немъ охоты продолжать опытъ въ томъ же родѣ; причину этой

неудачи онъ могъ видѣть въ недостаткѣ приготовления себя, въ недостаткѣ упражненія въ новой для него дѣятельности. Онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу добиться славы драматическаго писателя, манившей его къ себѣ еще въ дѣтствѣ. И онъ добился этой славы, хотя и сорока лѣтъ. Его послѣднія и лучшія комедіи, обдуманная, безъ сомнѣнія, въ тишинѣ деревенской жизни, имѣли рѣшительный и блистательный успѣхъ на сценѣ. «Во время частыхъ представленій» говоритъ Вигель, «театръ былъ всегда полонъ, и наполнявшіе его отъ души хохотали»¹⁾).

По содержанію, обѣ комедіи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго. Въ нихъ онъ возвращается къ своему любимому историческому мотиву, къ обличенію французскаго воспитанія, растлѣвающаго русскіе нравы. Тогдашнія политическія обстоятельства могли послужить возбужденіемъ къ возобновленію стараго мотива въ той формѣ, которая съ наибольшою силою дѣйствуетъ на общество. «Модная лавка» давно уже не давала покоя Крылову, и онъ, какъ извѣстно, возвращался къ ней весьма часто (сравн. I, 56, 166, 261, 269). «Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви: ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ инья очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки уборовъ, пріѣзжаютъ онѣ къ намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся». Именно такова была та модная лавка, въ которой сосредоточивается все дѣйствіе комедіи. Сюда собираются: и Сумбурова съ дочкой, засватанной за помѣщика Недосчетова, и влюбленный въ Лизу и взаимно любимый Лестовъ, и, наконецъ, самъ Сумбуровъ, которому приглянулась хорошенькая модистка Маша. Характеры очерчены слишкомъ яркими и густыми красками, отъ чего въ нихъ мало индивидуальности и дѣйствительной правды. Сумбуровъ — старикъ, «привязанный къ дѣдовскимъ русскимъ обычаямъ, тогда только и счастливъ, когда побранить или моды или иностранцевъ»; жена его — «степная щеголиха, лѣтъ 15 сидящая на 30-мъ году, своенравная, злая, скупая, коварная, бѣшеная»; Недосчетовъ «побывавшій въ Лондонѣ и Парижѣ и заѣзжавшій въ Европу» — безтолковый эконокъ на иностранный манеръ, который никакъ не сладитъ съ русскимъ календаремъ; Лестовъ и Лиза, представители законной страсти, — лица безцвѣтная, какъ и слѣдуетъ по правиламъ тогдашней комедіи. Такія рѣзкія чертанія, такая яркость красокъ, конечно, не мало ослабляли нравственное вліяніе пьесы и не могли не вредить продолжительности ея успѣха. Въ этой комедіи, какъ и въ слѣдующей, Крыловъ не вполне освободился и отъ главнаго недостатка прежнихъ своихъ комедій — отъ внѣшняго, случайнаго и неорганическаго развитія дѣйствія. Самое скопленіе въ модной лавкѣ разнообразныхъ, внезапныхъ и искусственно

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1864, 8, 457.

сопоставленныхъ столкновений невольно возбуждаетъ недоумѣніе. Сцена найма Маши Сумбуровымъ въ деревню, повидимому, для того только и вставлена, чтобъ одолѣть въ сущности неодолимое затрудненіе — заставить его согласиться нарядить дочь изъ французской лавки, а случайно появившійся Трише, оказавшійся вдругъ прежнимъ камердинеромъ Лестова, понадобился для того, чтобы отдѣлаться отъ Недосчета; эти двѣ случайности могли бы, по крайней мѣрѣ, освободить комедію отъ вмѣшательства полицейскихъ чиновниковъ. — «Урокъ дочкамъ» направленъ противъ слѣпного и смѣшного пристрастія къ французскому языку, которымъ заражены дочери помѣщика Велькарова и отъ котораго авторъ придумалъ излѣчить ихъ посредствомъ превращенія русскаго лакея во французскаго маркиза. Эта комедія, по большей естественности характеровъ, большей простотѣ дѣйствія и ограниченности его развитія, выше первой, а потому и недостатки ея не такъ рѣзко бросаются въ глаза. Страсть къ французскому языку, очевидно, преувеличена, а потому тѣ, на которыхъ мѣтилъ авторъ, могли не такъ ясно разглядѣть себя въ его карикатурахъ. Несмотря на эти недостатки, обѣ комедіи такъ далеко отстоятъ отъ прежнихъ комедій Крылова, что трудно повѣрить, что ихъ раздѣляетъ только періодъ, хотя и продолжительный, полнѣйшаго бездѣйствія Крылова въ литературѣ. Лежащая въ ихъ основаніи патріотическая мысль и то дѣйствіе, которое онѣ должны были производить на общество, были большою заслугою Крылова. Достоинства ихъ, которыми и объясняется ихъ успѣхъ на сценѣ, заключаются въ обработкѣ отдѣльныхъ, дѣйствительно комическихъ сценъ, въ ловкихъ и неожиданныхъ комическихъ сопоставленіяхъ, въ живомъ и бойкомъ разговорѣ, безукоризненномъ языкѣ. Сцена встрѣчи горничной Даши съ женихомъ Семеномъ, вымогательства отъ послѣдняго французскаго языка барышнями, сцена открытія хитрости Семена и другія, дѣйствительно прекрасны и должны были производить большой эффектъ на сценѣ. Характеръ старой русской няни вполне вѣренъ и привлекателенъ; въ ея просьбѣ барину, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, не вдругъ приневоливалъ барышень къ французскому языку, потому что, можетъ-быть, и натура ихъ не терпитъ этого языка, вовсе нѣтъ преувеличенія. Недостатки же комедій тогдашня публичка не сознавала ясно и вообще не отличалась въ этомъ отношеніи взыскательностію.

Волшебная опера «Илья богатырь» написанная, какъ говорятъ, въ подражаніе «Русалкѣ», переведенной съ нѣмецкаго и бывшей тогда въ большой модѣ, могла бы служить нѣкоторымъ указаніемъ на вниманіе автора къ русской народной поэзіи, если бь она именно отсутствіемъ мѣстныхъ, народныхъ красокъ не доказывала убѣдительно, что авторъ имѣлъ весьма смутное представленіе о характерѣ народной поэзіи. Можетъ-быть, на появленіе ея имѣлъ нѣкоторое вліяніе и «Илья Муромецъ» Карамзина, написанный имъ въ 1794 году; по крайней мѣрѣ въ представленіи народно-поэтическаго содержанія, лож-

номъ въ томъ и другомъ произведеніи, нѣтъ большаго различія: если Илья Крылова не «подобенъ маю красному или марту нѣжному, если на лицѣ его не расцвѣтають розы алыя съ лилеями», то развѣ только потому, что подобныя качества — плохая помощь въ борьбѣ съ Соловьемъ и печенѣгами; притомъ въ волшебной оперѣ Ильи и не видно: онъ является на сценѣ только два раза для произнесенія двухъ-трехъ фразъ, а въ послѣднемъ явленіи вносится на щитахъ въ Кіевъ. Зато князь Черниговскій Владисиль, то и дѣло вздыхающій по княжнѣ болгарской Всемиль, на колѣняхъ произносящій предъ ней клятву въ вѣчной любви, недалекъ отъ Карамзинскаго Ильи Муромца. Впрочемъ, должно замѣтить, что такое представленіе народной поэзіи было тогда общимъ, и самая мысль объ истинномъ ея значеніи тогда еще не возникала.

Лавровскій.

Комедія Крылова: „Модная лавка“.

Продолжительный отдыхъ, а также пришедшая со временемъ опытность не могли не отразиться на дальнѣйшей дѣятельности Крылова, какъ драматурга. 1806 и 1807 годы были послѣдними годами его драматической дѣятельности, но они принесли съ собою безспорно лучшія произведенія изъ всѣхъ написанныхъ нашимъ авторомъ. Это — комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», долго не сходившія со сцены и игравшіяся до конца 40-хъ годовъ. Плетневъ полагаетъ, что эти пьесы были подготовлены Крыловымъ заранее¹⁾. «Объ комедіи выражаютъ сильное негодованіе поэта на новое пристрастіе русскихъ къ французамъ и ихъ языку». «Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его желчь. И, въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ высказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно и глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо». Многіе изъ нашихъ писателей, начиная съ Сумарокова, возставали противъ царившей у насъ подражательности и вооружались сатирой противъ этого нашего общественнаго недуга, но напрасно. «Подъ защитой господствующей моды никто не чувствуетъ боли, какую, повидимому, должны были произвести острия стрѣлы насмѣшки»²⁾.

Типъ щеголихи, преклоняющейся передъ всѣмъ иностраннымъ, а особенно передъ французскимъ, съ достаточной рельефностью очерченъ въ цѣломъ рядѣ комедій конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка и въ массѣ статей сатирическихъ журналовъ, такъ что пьеса Крылова — «Модная лавка», героиня которой, Сумбурова, проматываетъ деньги мужа, не даетъ новыхъ чертъ для этого обычнаго и извѣстнаго изъ другихъ комедій типа. Однако, въ той обстановкѣ,

¹⁾ Плетневъ, стран. 67. См. тамъ же мнѣніе П. Арапова.

²⁾ Плетневъ, стран. 68.

въ которую помѣстилъ свою Сумбурову Крыловъ, она кажется характернѣе, и въ ней особенно отъѣняется жадность провинціаловъ до всего моднаго. Мы подробно изложимъ комедію «Модная лавка»¹⁾, чтобы, затѣмъ, при разборѣ послѣдней и лучшей пьесы Крылова, обратить вниманіе на планъ и построеніе обѣихъ.

Дѣйствіе происходитъ въ модной лавкѣ, принадлежащей m-me Каре. Молодой повѣса, Лестовъ, болтаетъ съ мастерицей, Машей, и рассказываетъ ей, какъ онъ, проѣздомъ чрезъ Курскую губернію, влюбился въ дочь одного помѣщика, Сумбутова; все сложилось въ его пользу и близка была свадьба, но мачеха Лизы, — такъ зовутъ его бывшую невѣсту, — разстроила свадьбу, съ цѣлью выдать падчерицу за своего дальняго родственника, промотавшагося помѣщика, Недосчетова. Вотъ уже почти годъ, какъ влюбленные не видались.

Внезапно, во время этого разговора, въ лавку является г-жа Сумбутова, приѣхавшая въ городъ за нарядами къ предстоящей свадьбѣ Лизы. Услышавъ, что Маша говоритъ по-русски, Сумбутова набрасывается на слугу: «Не приказывала ли я тебѣ, мерзавцу, везти меня во французскую лавку? Куда это вы меня завезли, скверные уроды?» Маша объясняетъ ей, что это дѣйствительно французская лавка m-me Каре. Эта сцена по темѣ и по разговорамъ очень похожа на сцену выбора товаровъ въ пьесѣ М. Матинскаго — «С.-Петербургскій Гостинный дворъ». Весьма вѣроятнымъ кажется намъ, что Крыловская сцена написана если не по образцу, то подъ вліяніемъ Матинскаго²⁾, реализмъ котораго особенно рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ современной ему комедіи.

¹⁾ Напечатана въ Полномъ собраніи сочиненій И. А. Крылова, 1859 года, III. Впервые напечатана отдѣльно въ 1807 году первымъ, а 1816 году вторымъ изданіемъ. Представлена въ первый разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ въ 1806 году. Хотя свѣдѣнія, сообщаемыя П. Араповымъ, далеки отъ полной достовѣрности (такъ, онъ считаетъ «Пирогъ» первымъ драматическимъ опытомъ Крылова), тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія болѣе точныхъ извѣстій о судьбахъ пьесъ Крылова на сценѣ, приходится пользоваться даже тѣми ничтожными крохами, которыя сообщаетъ этотъ историкъ русскаго театра въ своей «Лѣтописи». «Модная лавка», по словамъ его, имѣла большой успѣхъ, при чѣмъ, повидимому, особый эффектъ произвелъ тотъ эпизодъ, гдѣ Сумбутова прячется въ шкафъ, откуда она вытѣзаетъ при обыскѣ. Видимо, публика понимала лишь внѣшній комизмъ, такъ мѣтко осужденный позже Н. В. Гоголемъ въ его «Развѣздѣ». Вѣроятно, успѣху пьесы содѣйствовали не мало и исполнители. Араповъ сообщаетъ, что: «Рыкаловъ былъ превосходенъ въ роли Сумбутова, которую впоследствии игралъ прекрасно же актеръ Бобровъ; Рахманова была неподражаема въ роли Сумбутовой. Замѣчательны были Жубелевъ французомъ Трише и Пономаревъ, игравшій деревенскаго слугу Антропку. Это былъ отличный комикъ. «Модная лавка» была дана въ первый разъ 27-го іюля (1806 года) и повторялась часто. Ее давали и во дворцѣ, на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны». П. Араповъ. «Лѣтопись русскаго театра», стран. 174—175.

²⁾ М. Матинскій. «С.-Петербургскій Гостинный дворъ», комическая опера, изд. 3-е, 1891 года. Впервые была представлена въ 1779 году, такъ что давалась уже на сценѣ во время Крылова.

Сумбуrowa успокоивается и выбираетъ наряды. Она узнаетъ Лестова и всячески старается отдѣлаться отъ него, но все-таки молодому человѣку удается узнать о ея намѣреніи выдать Лизу замужъ. Лестовъ проситъ Машу какъ-нибудь помочь ему свидѣться съ Лизой и разстроить планы Сумбуrowой. За это онъ обѣщаетъ Машѣ отпускную (Маша крѣпостная его сестры) и 3000 руб. на приданое. «Это не первая дѣвушка поѣхала изъ нашей лавки къ вѣнцу», утѣшаетъ его Маша и соглашается содѣйствовать его успѣху, а для начала совѣтуетъ подкупить слугу Сумбуrowыхъ, Антропа, глупаго и простоватаго мужика, который, удивляясь невиданной доселѣ роскоши, никакъ не можетъ взять въ толкъ, чего отъ него хотятъ. Тогда Лестовъ отправляется попытать счастья у кучера. Тѣмъ временемъ Сумбуrowъ застаетъ жену въ самомъ разгарѣ торга и, послѣ гнѣвныхъ выходокъ противъ всего иноземнаго, увозитъ ее изъ лавки. Этимъ заканчивается первый актъ.

Во второмъ актѣ Маша читаетъ письмо отъ Лестова. Оно далеко не утѣшительно: «Я былъ у Сумбуrowыхъ», пишетъ Лестовъ; «старикъ было мнѣ обрадовался и просилъ меня, какъ сына своего добраго пріятеля, ѣздить къ нему чаще; но негодная жена его все испортила и высказала на меня, что я давеча отправилъ слугъ пить и говорилъ съ Лизой. Сумбуrowъ взбѣсился, отнял у меня всю надежду получить Лизу и выкурилъ меня вонъ своими нравоученіями. Я въ отчаяніи... Хочу ѣхать драться съ соперникомъ, потомъ пріѣду драться съ Сумбуrowымъ; потомъ самъ застрѣлюсь. Не придумала ль ты чего умнѣе? Пріѣзжай посовѣтовать!» Чтеніе письма прерывается появленіемъ француза Трише, бывшаго помаднаго мастера, а нынѣ ростовщика, имѣющаго на 100 тысячъ рублей векселей на Недосчетова, жениха Лизы и соперника Лестова. У Маши въ головѣ возникаетъ планъ, и она напускаетъ Трише съ векселями на пришедшаго въ лавку Сумбуrowа. Сумбуrowъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ и сожалеетъ, что прогналъ Лестова: «Какъ подумаю, такъ и жаль Лестова, и отецъ его былъ мнѣ хорошій пріятель. Полно, вѣдь и Лестовъ повѣса: вздумай спойть слугъ, чтобы поговорить съ Лизой,—гадко, скверно! Однако, все лучше, нежели на-давать векселей на сто тысячъ, и кому же!...»

Сумбуrowъ для экономіи, чтобы часто не ѣздить въ городъ, хочетъ нанять Машу, но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ ей предлагаетъ выгодныя условія, въ магазинъ входитъ его жена и заподозрѣваетъ чистоту намѣреній своего супруга. «Ахъ, ты старая мартышка!» кричитъ разгнѣванная матрона, становясь между мужемъ и Машей: «Да что ты это затѣялъ, въ своемъ ли умѣ?... Какъ, распутная твоя душа, ты отъ живой жены,—грѣховодникъ! а я чтобъ стала терпѣть! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу кричать, пускай всѣ добрые люди соберутся и видятъ... При мнѣ изволилъ притворяться, что не терпитъ французскихъ лавокъ, ругаетъ ихъ, а безъ меня, такъ видно, дѣла идутъ совсѣмъ другою статьей...» Машѣ едва удается

вывернуться и примирить супругов. Она докладывает m-ме Каре; послѣдняя тотчасъ появляется въ лавкѣ, въ сопровожденіи Трише. Во взаимной перебранкѣ эти достойныя дѣти Франціи характеризуютъ другъ друга, рисуя типичныя черты тѣхъ проходимцевъ, которые входили въ жизнь русскаго общества въ качествѣ гувернеровъ и воспитателей подростоющаго поколѣнія и, наживъ несправеднымъ путемъ деньги, становились ростовщиками и содержателями разныхъ притоновъ. Сцена эта въ комедіи Крылова не блещетъ особымъ остроуміемъ, но разоблачаетъ нравственную изнанку этихъ героевъ, которые «ловили деньги въ чужихъ карманахъ», и невинность которыхъ «была въ вѣчной ссорѣ съ парижской полиціей». Сумбуровы выбираютъ наряды въ сосѣдней комнатѣ, куда ихъ уводитъ m-ме Каре, а Маша устраиваетъ свиданіе Лизы съ Лестовымъ въ лавкѣ. Вошедшій внезапно Сумбуровъ застаётъ Лестова на колѣняхъ передъ дочерью; на ихъ извиненія онъ отвѣчаетъ отказомъ: онъ понялъ все. «Молчи, молчи, голубушка», перебиваетъ онъ Машу, «я не такъ простъ и слѣпъ. Ты подкупишь, говорю я, этихъ плутовъ обмануть насъ и доставить тебѣ свиданіе; ты не пожалѣлъ чести и добраго имени друга отца твоего, и передъ этой вѣтреницею, на поношеніе мнѣ и чтобъ видѣлъ малый и большой, конный и пѣшій!... нѣтъ, нѣтъ, мы больше не знакомы!... Вонъ отсель, вонъ изъ этого дьявольскаго гнѣзда!»

Въ третьемъ актѣ наступаетъ постепенно подготовляющаяся развязка. Трише, поссорившійся съ m-ме Каре, донесъ полиціи, что въ модной лавкѣ есть много контрабанды, и вотъ Маша съ другой дѣвушкой спѣшатъ кое-что припрятать до обыска. Лестовъ узнаетъ Трише: оказывается, что этотъ французъ, подъ фамиліей Дюпре, былъ у него камердинеромъ и, обокравъ, бѣжалъ. Лестовъ надѣется изъ этого обыска извлечь себѣ выгоду и, пользуясь суматохой, похитить Лизу. Онъ посылаетъ своего слугу, какъ бы отъ лица хозяйки модной лавки, сказать Сумбуровой, чтобъ пріѣзжала посмотрѣть запрещенные и рѣдкіе товары и кое-что пріобрѣсти, если пожелаетъ, за безцѣнокъ. Послѣ нѣсколькихъ сценъ (явленія V—X), совершенно излишнихъ, въ лавку является потихоньку отъ мужа Сумбурова, но едва успѣваетъ переговорить съ Машей, — стукъ въ двери: это самъ Сумбуровъ возвращается за забытымъ второпяхъ бумажникомъ. Его долго не впускаютъ, пока, наконецъ, не удастся усадить Сумбурову въ шкапъ. Вошедшій Сумбуровъ рассказываетъ о глупости Антропа, но его рассказыванія прерываетъ появленіе Трише съ квартальнымъ и покаянными для обыска. Сумбуровъ съ радостью принимаетъ сторону полиціи: «...Посмотримъ, какъ-то вы отдѣляетесь. Ага, госпожи плутовки, конецъ вашимъ праздникамъ; не будете больше разорять и обманывать нашихъ простаковъ; не будете расторгиваться запрещенными товарами; не будете въ своей дьявольской лавкѣ давать свиданія, — по дѣломъ вамъ!» M-ме Каре принимаетъ видъ оскорбленной невинности. Обыскъ продолжается, и дѣло доходить

до шкапа. Маша совѣтуетъ Сумбурову, во избѣжаніе скандала, не отпирать его и по секрету сообщаетъ, какой тамъ товаръ. Въ эту минуту Лестовъ выручаетъ всѣхъ и приказываетъ арестовать вора Трише-Дюпре. Послѣдній отказывается отъ доноса и все устраивается къ лучшему. Сумбуровъ благодаренъ молодому человѣку за его помощь и согласенъ выдать за него Лизу. Онъ выпускаетъ жену изъ шкапа и сообщаетъ ей о помолвкѣ Лестова и Лизы. «Я не знаю, гдѣ я? У меня голова кружится», говоритъ натерпѣвшаяся страху Сумбурова, выйдя изъ своего заключенія. Мужъ прощаетъ ее, «только съ тѣмъ условіемъ, чтобы впередъ на версту не подѣзжать къ французскимъ лавкамъ».

Какъ мы уже замѣтили выше, главнымъ недостаткомъ этой пьесы является чрезмѣрная растянутасть нѣкоторыхъ сценъ. Помимо отмѣченныхъ V—X явленій третьяго акта, можно было бы смѣло выкинуть нѣкоторыя явленія, а отчасти и сократить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Тогда комедія значительно выиграла бы, и ея несомнѣнные достоинства были бы ярче. На этотъ разъ Крыловъ пытался и сумѣлъ придать оригинальность даже такому избитому и захватанному сюжету, какъ обличеніе женской страсти къ французскимъ нарядамъ. Какое впечатлѣніе произвела эта пьеса на его сверстниковъ и литературныхъ друзей, можно судить по отзыву Лобанова. «Эта комедія», пишетъ послѣдній, «изобрѣтена, расположена, написана истинно мастерски; множество истинно комическихъ сценъ; всѣ дѣйствія отчетисты; языкъ ловкій и умный; ни одной пошлости. Остроты, шутки — веселы, забавны, умны; характеры до такой степени вѣрны, что кажутся живой натурою. Замѣчено было въ свое время, и весьма справедливо, что комедія получила бы высшее совершенство, если бы Лестовъ былъ выведенъ менѣе вѣтрогономъ, чтобъ и въ самой вѣтренности его болѣе видно было доброе сердце и хорошій нравъ; зритель принималъ бы въ судьбахъ его большее участіе и болѣе былъ бы увѣренъ, что Лиза, ставъ его женою, будетъ счастлива. «Модная лавка» есть истинно оригинальная комедія, безъ всякой примѣси подражанія. Она доказываетъ великій комическій талантъ Крылова и занимаетъ мѣсто между первѣйшими театральными произведеніями нашей словесности»¹⁾. Не соглашаясь безусловно съ мнѣніемъ почтеннаго академика и друга Крылова, мы все-таки должны отмѣтить, что, сравнительно съ прежними пьесами подражательнаго характера, «Модная лавка» представляетъ значительный шагъ впередъ. Хотя Лобановъ и хвалитъ въ ней естественность, однако, мы видимъ эту естественность лишь въ созданіи нѣсколькихъ лицъ.

Главное лицо пьесы, безспорно, Сумбурова. Это — «степная щеголиха, которая лѣтъ 15 сидитъ на 30-мъ году; вдобавокъ, свое-

¹⁾ Лобановъ, стран. 32.

нравная, злая, скупая (только не на наряды), коварная, бѣшенная», какъ характеризуетъ ее авторъ словами Лестова. Прибавимъ къ этому списку ея достоинствъ еще глупость и грубость, доходящую до того, что она чуть не лѣзетъ въ драку съ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, — и мы получимъ полное и вѣрное изображеніе характера г-жи Сумбуровой. Мужъ ея, какъ видно изъ рассказанной пьесы, — человѣкъ скуповатый, немного мелочный, надоѣдающій всѣмъ со своими нравоученіями, скорый на слово и на дѣло, отчего кажется нѣсколько рѣзкимъ въ обращеніи, но на самомъ дѣлѣ, — добрый человѣкъ и отецъ, понимающій и берущій къ сердцу интересы и симпатіи дочери. Его роль — обычнаго въ пьесахъ той эпохи резонера. Даже въ «Недорослѣ» Фонвизина есть такой резонеръ, играющій важную роль въ развязкѣ пьесы. Если же мы попробуемъ сравнить Сумбурова со Стародумомъ, то, оставивъ въ сторонѣ степень умственного развитія каждаго изъ нихъ, найдемъ, что съ точки зрѣнія развитія драматическаго дѣйствія и естественности характера первенство останется за героемъ Крылова. Конечно, послѣдній не повторяетъ фразъ изъ «Наказа», незнакомъ, быть можетъ, съ сочиненіями Монтескье, Руссо и друг., но зато онъ болѣе умѣстенъ и не похожъ на куклу, за спиною которой говоритъ авторъ пьесы. Хотя жена и пытается обмануть его бдительность, тайкомъ отправляясь во французскія лавки, тѣмъ не менѣе, сильно побавляется его: онъ человѣкъ упрямый, «съ нимъ не сладишь». «Ну, право, боюсь, чтобы муженекъ не узналъ: оборони Богъ грѣха, это выйдетъ такая кутерьма, что и святыхъ вонъ понеси», говоритъ она, боясь, что мужъ застанетъ ее въ лавкѣ. «Я вѣдь за модой не гонюсь», говоритъ о себѣ Сумбуровъ, «и, какъ мужъ стариннаго русскаго разбора, хочу, чтобы жена меня слушалась!» Онъ презираетъ все иностранное: иностранцы, и особенно французы, — «это піявицы, которыя сосутъ нашу кровь, обманываютъ насъ, разоряютъ и послѣ, уѣхавши съ нашими деньгами, надъ нами же смѣются». Не менѣе жалки и отвратительны въ его глазахъ тѣ русскіе, которые увлекаются иностраннымъ: «я думаю, они скоро будутъ къ намъ пузыри съ англійскимъ воздухомъ выписывать», иронизируетъ онъ надъ подражателями всего иноземнаго. «Хорошая женщина безъ помощи французскихъ торговцевъ хороша, на чтожь онѣ ей?» — такъ заключаетъ Сумбуровъ свою рѣчь о переимчивости русскихъ.

О характерѣ Лестова достаточно, кажется намъ, сказано въ сужденіи академика Лобанова, приведенномъ нами нѣсколько выше. Очевидно, Крыловъ не мѣтилъ поставить его въ герои пьесы, и потому этотъ молодой повѣса вышелъ нѣсколько блѣденъ.

Лиза, какъ молодая дѣвушка и въ предыдущихъ пьесахъ, вышла безличной и условной фигурой, необходимой для дѣйствія. Видимо, авторъ и не пытался вложить въ нее жизни, а предпочелъ ограничиться лишь однимъ контуромъ безъ красокъ, какъ это мы наблюдаемъ и у другихъ драматурговъ этой эпохи.

Французы — m-me Каре и m-г Трише — характеризованы нами выше. Теперь обратимся къ роли Маши; она представляетъ значительный интересъ. Во-первыхъ, она занимаетъ то положеніе, какое въ предыдущихъ пьесахъ Крылова занимаютъ плутоватыя слуги, дѣлающіе все по-своему и командующіе господами. Маша уже не играетъ на самомъ дѣлѣ такой важной роли распорядительницы судебъ: большая часть событій вытекаетъ въ послѣдовательности, обусловливаемой самимъ ходомъ дѣйствія. Маша лишь помогаетъ, насколько въ ея власти, но и то въ ограниченныхъ предѣлахъ сравнительно съ предшествовавшими пьесами, гдѣ *все* дѣйствіе зависѣло отъ воли слугъ. Во-вторыхъ, Маша уже болѣе походитъ на дѣйствительное лицо, чѣмъ, напримѣръ, Извѣда и т. под. героини водевилей. Она умѣетъ обойти глупую щеголиху, задѣвая ея самолюбіе и льстя ей.

Несмотря на живость и естественность лицъ и драматическихъ положеній, все-таки расположеніе пьесы, дѣйствія ея, завязка и развязка напоминаютъ послужившіе Крылову для подражанія образцы — переводные французскіе водевили и комедіи.

Комедія Крылова „Урокъ дочкамъ“.

На ряду съ усовершенствованіемъ формы и съ пріобрѣтеніемъ навыка въ расположеніи дѣйствія, въ Крыловѣ жило еще чувство народности, давшее такую свѣжую окраску «Кофейницѣ» и «Пирогу». Сліяніе двухъ этихъ стихій и дало въ результатъ безспорно лучшую пьесу Крылова — «Урокъ дочкамъ», посвященную осмѣянію той же нелѣпой французской маніи нашего дворянства, только уже вполнѣ просто, безъ водевильныхъ усложненій сюжета разными приключеніями, въ родѣ увоза, подпаиванья слугъ, ловкаго посредничества классической интригантки и т. под. средствъ. Это отсутствіе обычныхъ театральныхъ пріемовъ, видимо, не понравилось Лобанову, который, при всей своей любви къ многословію, очень кратко отозвался объ этой наиболѣе замѣчательной пьесѣ. «Изобрѣтеніе въ этой комедіи очень удачно, ходъ ея занимателенъ, характеры вѣрны, разговоры превосходны»¹⁾.

Комедія въ одномъ дѣйствіи — «Урокъ дочкамъ»²⁾ замѣчательна тѣмъ, что въ ней авторъ, благодаря ли случайности или преднамѣренно, избѣжалъ шаблоннаго плана французскихъ водевилей, хотя во многихъ подробностяхъ эта пьеса является подражаніемъ: образцомъ Крылову послужилъ Мольеръ, а именно его комедія — «Les

¹⁾ Лобановъ, стран. 44.

²⁾ См. Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, 1859 г., т. III. Первоначально была напечатана отдѣльно въ 1807 г. первымъ, а въ 1816 г. вторымъ изданіемъ. Представлена въ первый разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ 18 іюня 1807 г., при участіи Петровой и Белье — въ роляхъ дочекъ, Черниковой — въ роли няни Василисы, Прыткова — въ роли Семена и друг. П. Арановъ. «Лѣтопись русскаго театра» стран. 181.

Précieuses ridicules». Завязка и развязка вполне естественны, а потому пьеса даже теперь читается съ интересомъ, чему содѣйствуетъ и краткость ея, сжатость и отсутствіе безпредметной болтовни, такъ надоѣдающей въ другихъ пьесахъ Крылова. Хотя по главной своей мысли эта комедія сходна съ вышеразобранной, но по исполненію стоитъ гораздо выше. «Урокъ дочкамъ» навѣрно знакомъ почти всякому образованному человѣку, но мы все-таки возьмемъ на себя трудъ повторить ея содержаніе и набросать характеристики дѣйствующихъ лицъ, чтобъ отъ читателя не укрылись ея особенныя черты и чтобы можно было вполне завершить обзоръ театра Крылова въ наиболѣе важныхъ его произведеніяхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Велькарова, дворянина средней руки, отца двухъ дочерей, любящихъ пофрантить и помѣшанныхъ на всемъ французскомъ. Въ усадьбу Велькарова случайно заѣзжаетъ мотъ Честонъ, проигравшій въ Москвѣ все свое состояніе, и слуга его, Семень, герой комедіи. Семень встрѣчается съ Дарьей, горничной дочерей Велькарова, своей нареченной невѣстой. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ они живутъ по чужимъ людямъ въ услуженіи, въ надеждѣ заработать денегъ на свадьбу и устройство своего гнѣзда. Въ разговорѣ они открываютъ другъ другу, что придется еще долго ждать счастливаго времени, такъ какъ ни у того ни у другого денегъ нѣтъ. Но вотъ Даша рассказываетъ жениху о своихъ барышняхъ и объ ихъ причудахъ, о любви къ нарядамъ и французамъ и о жестокости ихъ отца. «Барышни мои», говоритъ она, «были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ, наконецъ, въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ, чтобы до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ не-русей, между которыхъ бѣдный старикъ скитался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорятъ и чему хохочуть. Выйдя, наконецъ, изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе, — и отгадай, какъ вздумалъ наказъ ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?» Семень перебираетъ возможные наказанія, но ни одно не оказывается примѣненнымъ; старикъ дѣйствительно выдумалъ нѣчто особое, наиболѣе всего чувствительное для модницъ: «онъ запретилъ имъ говорить по-французски», а бѣдныя барышни «безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ». Но этого мало, «чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то онъ приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; и если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса доложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь куда ни пойдутъ...

что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ что отъ няни Василисы приходится хоть въ петлю». Онѣ до того стосковались по всемъ французскомъ, «что теперь вынули бы послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза». У Семена тотчасъ создается въ головѣ планъ, довольно рискованный, но могущій при удачномъ выполненіи доставить ему деньги, тѣмъ болѣе, что барышни щедры и ихъ легко разжалобить «нерусскими слезами». Онъ убѣгаетъ, чтобъ явиться въ иномъ видѣ и начать исполненіе задуманной хитрости. По его уходѣ, Даша садится за шитье, и входятъ двѣ барышни, Фекла и Лукерья, въ сопровожденіи неизмѣнно слѣдующей за ними по пятамъ няни Василисы. Эта послѣдняя все время вяжетъ чулокъ и вслушивается въ разговоры барышень, предлагающихъ ей поминутно убираться вонъ, провалиться сквозь землю или оглохнуть. Разговоръ барышень очень характеренъ: въ немъ прекрасно рисуются идеалы ихъ, взгляды на жизнь и задачи существованія. Вотъ часть третьяго явленія, въ которой высказываются вкусы барышень.

Лукерья. Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями, — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ. Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, — какая райская жизнь! Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя — танцевальный, рисовальный, гитарный, клави-кордный, отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похождение, тамъ отъ мужа жена ушла; тамъ свадьба наворачтывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ — ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставить, — и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всемъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; — на недѣлю будетъ, что рассказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетусшекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, а онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху! (хохочетъ). Танцуешь, какъ полоумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадой дѣвусшекъ, которымъ иначе не удастся танцевать, какъ въ хвостѣ; словомъ, — не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты, полумертвая, ѣдешь домой. А здѣсь въ деревнѣ, съ степи, въ глуши... — ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что... ah! si jamais je suis...

Василиса. Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья. Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья.

Фекла тоскуеть, что не видитъ ни одного «человѣческаго» лица, не слышитъ «человѣческаго голоса, кромѣ русскаго». Она даже съ попугаемъ Жако не можетъ перемолвиться по-французски, — мѣшаетъ няня Василиса.

«Ахъ мои золотыя, ахъ мои жемчужныя!» удивляется бѣдная старуха, не смѣя послушаться барскаго приказа: «Злодѣйка ли я! У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть? — воля барская! Вѣдь вы знаете, каково прогнѣвить батюшку. Да неужели, мои красавицы, по-французскому-то говорить слаще? Кабы я не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой то за нарѣчье». Барышни совѣтуютъ ей послушать, какъ говорить по-французски попугай: «вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно какъ Жако».

Этотъ разговоръ прерывается появленіемъ Велькарова, который даетъ дочерямъ наставленіе, какъ вести себя съ женихами, ожидаемыми съ минуты на минуту. Въ этихъ наставленіяхъ мы находимъ еще новыя черты для характеристики Феклы и Лукерьи: «Да покиньте хоть на часъ свое кривлянье, жеманство, мяуканье въ разговорахъ, кусанье и облизыванье губъ, полусонныя глазки, журавлиныя шейки, — однимъ словомъ, всю эту дурь, и ходите хоть немножко на людей», уговариваетъ отецъ дочерей. Барышни фыркаютъ и заявляютъ, что не ему ихъ учить, когда онѣ воспитывались у самой мадамъ Григри, знающей все, что нужно для благородныхъ дѣвиць. Отецъ, не вытерпѣвъ этой болтовни, схватываетъ ихъ за руки и раздражается гнѣвною рѣчью: здѣсь слышенъ самъ авторъ, говорящій устами Велькарова.

«Молчать, молчать, молчать! тысячу разъ молчать! Вотъ воспитаніе, что отцу не дадутъ слова вымолвить! Чѣмъ болѣе я васъ слушаю, тѣмъ болѣе сожалью, что ввѣрилъ васъ любезной моей сестрицѣ. Стыдно, сударыни, стыдно! Дѣвушки вы уже давно невѣсты, а еще ни голова ваша ни сердце не запасены ничѣмъ, что могло бы сдѣлать счастіе честнаго человѣка. Все ваше остроуміе въ томъ, чтобы перецыганивать и пересмѣшивать людей, часто почтеннѣе себя; вся ваша ловкость, чтобъ не уважать ни лѣта ни достоинство человѣка и дѣлать грубости тѣмъ, кто васъ старѣе. Въ чемъ ваше знаніе? — какъ одѣться или, лучше сказать, какъ раздѣться и надъ которой бровью поманернѣе развѣсить волосы. Какія ваши дарованія? — нѣсколько пѣсенокъ изъ модныхъ оперъ, нѣсколько рисунковъ учительской работы и неутомимость прыгать и кружиться на балахъ; а самое-то главное ваше достоинство то, что вы болтаете по-французски; да только ужъ чѣмъ болтаете, — того не приведи Богъ слышать разсудительному человѣку ни на какомъ языкѣ».

Но вотъ слуга докладываетъ, что какой-то французъ, маркизь, проситъ позволенія войти. Барышни вѣя себя отъ восторга, суетятся, тѣмъ болѣе, что отецъ позволилъ имъ говорить съ маркизомъ по-фран-

цузски. Онѣ стараются принарядиться, открываютъ, насколько возможно, плечи, румянятся, растрепываютъ волосы и принимаютъ позы.

Входитъ Велькаровъ съ маркизомъ, который оказывается Семёномъ во фракѣ. Къ величайшему удовольствію Велькарова маркизь объясняетъ, что, живя въ Россіи, онъ научился русскому языку и что, если угодно, онъ можетъ говорить только по-русски. Велькаровъ оставляетъ его съ барышнями. Онѣ разсыпаются передъ нимъ въ извиненіяхъ за странность отца. Мнимый маркизь пытается рассказать о своихъ несчастіяхъ, принудившихъ его пѣшкомъ странствовать по Россіи, хвалить Францію и поддакиваетъ барышнямъ, когда тѣ называютъ Россію варварской страной. Барышни ахаютъ, едва онъ успѣваетъ заикнуться о своихъ несчастіяхъ, и, ничего еще не зная, плачутъ; имъ вторитъ навзрыдъ и няня Василиса: «согрѣшила я, окаянная, по грѣхамъ меня Богъ наказываетъ», причитаетъ старуха. Мысли о несчастіяхъ француза напомнили ей про внука Егорку, отданнаго въ рекруты. Эта сцена отличается замѣчательной правдивостью, несмотря на нѣсколько карикатурную чувствительность сестеръ.

Велькаровъ со слугой присылаетъ маркизу роскошный кафтанъ и 200 руб. денегъ. Маркизь уходитъ переодѣться. Барышни въ восторгѣ отъ него и обмѣниваются впечатлѣніями, наперерывъ превознося качества новаго знакомаго: «Какой умъ, какая острота!» — «Какое благородство, какая чувствительность!» — «Какъ видна ловкость во всякомъ пальчикѣ маркиза!» — «Въ каждомъ суставчикѣ примѣтно что-то необыкновенное, привлекательное!» — «Русскіе ничего не стоятъ сравнительно съ нимъ; даже тѣ молодые люди, которые были воспитаны французскими гувернерами, и тѣ отзываются чѣмъ-то русскимъ». Барышни уже мечтаютъ стать: одна — «маркизшею», другая — «виконтессою» и уходятъ въ свою комнату.

Маркизь выходитъ разряженный въ подаренный кафтанъ. Слуга пристаётъ къ нему съ разспросами объ его имени и прозваніи. По подсказу Даши, Семень-маркизь называется «Маркизомъ Глаголемъ»¹⁾. Даша и Семень бесѣдуютъ, какъ бы выпутаться изъ самозванства и поудобнѣе устроиться, покончивъ съ этой хитростью.

Барышни тѣмъ временемъ заперли няню у себя въ комнатѣ и спѣшатъ безъ надзора поболтать по-французски съ маркизомъ, который на дѣлѣ не знаетъ двухъ словъ. Чтобы выручить жениха изъ труднаго и опаснаго положенія, Даша бѣжитъ и освобождаетъ няню Василису. Пока старуха сидитъ подъ замкомъ, барышни приступаютъ къ мнимому маркизу съ французскимъ языкомъ, но онъ показываетъ видъ, будто хочетъ сдержатъ слово, данное ихъ отцу, бѣ-

¹⁾ Герой переводнаго романа прошлаго вѣка, до сихъ поръ читаемаго въ народѣ. Романъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ «Маркизь Г.», принадлежитъ перу извѣстнаго французскаго писателя — аббата Прево д'Экзилья, автора «Manon Lescaut» и многихъ другихъ романовъ. Въ подлинникѣ этотъ романъ носить названіе: «Les mémoires de l'homme de qualité».

гаеть отъ нихъ, зажимая уши, пока, выбившись изъ силъ, не падаетъ въ кресло. Въ этотъ критическій моментъ является няня Василиса и выручаетъ на время самозваннаго маркиза.

Велькаровъ, разсерженный тѣмъ, что дочери отказали женихамъ, приходитъ сдѣлать выговоръ. Слуга Сидорка неосторожно называетъ Семена «Маркизомъ Глаголемъ» и Велькаровъ догадывается, что тутъ плутня. Онъ требуетъ, чтобы Семень по-французски расказаль дочерямъ всѣ подробности, какъ его ограбили. Семень признается тогда во всемъ и объясняетъ свои отношенія къ Дашѣ, а также причину, почему онъ рѣшился на обманъ. Велькаровъ прощаетъ ему эту продѣлку и опускаетъ Дашу и Семена. «А вы, сударыни, — я васъ научу грубить добрымъ людямъ», обращается онъ въ заключеніе къ дочерямъ: «я выгоню изъ васъ желаніе сдѣлаться маркизшами! Два года, три года, десять лѣтъ останусь здѣсь въ деревнѣ, пока не бросите вы всѣ вздоры, которыми набила вамъ голову ваша любезная мадамъ Григри; пока не отвыкнете восхищаться всѣмъ, что только носить нерусское имя, пока не научитесь скромности, вѣжливости и кротости, о которыхъ, видно, мадамъ Григри вамъ совсѣмъ не толковала, и пока въ глупомъ своемъ чванствѣ не перестанете морщиться отъ русскаго языка. Няня Василиса! не отходи отъ нихъ». «Ah, ma soeur!», восклицаетъ Лукерья. «Ah, quelle leçon!», отвѣчаетъ ей Фекла, пораженная неожиданнымъ открытіемъ.

Изъ нашего подробнаго изложенія выясняются уже характеры дѣйствующихъ лицъ. Къ сказанному можемъ добавить еще лишь нѣсколько чертъ, ускользнувшихъ въ пересказѣ. Барышни, кромѣ всѣхъ достоинствъ своихъ, отличаются, даже по своему времени, поразительнымъ невѣжествомъ. Книги ихъ нисколько не интересуютъ; а если случается имъ держать въ рукахъ печатный листъ, то это номеръ моднаго журнала. Въ уста глупыхъ дѣвушекъ Крыловъ влагаеть порой чрезвычайно наивныя и мѣткія сужденія, напримѣръ, Лукерья говоритъ сестрѣ (явленіе XI): «Посмотри на многихъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, воспитаніе которыхъ совершенно повѣрено было гувернерамъ: похожи ли они на русскихъ?».

Мысли о воспитаніи, легшія въ основу этой лучшей комедіи Крылова, были имъ не разъ высказываемы и позже — въ басняхъ («Воспитаніе льва», «Двѣ бочки» и друг.) и ранѣе — въ «Почтѣ Духовъ». За много лѣтъ до созданія «Модной лавки» и «Урока дочкамъ» Крыловъ писалъ въ «Почтѣ» слѣдующее: «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе (сообщаетъ духъ Зорь) сами воспитывали дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія... Теперь же по прошествіи *варварскихъ* временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски цѣлый день, не затворяя рта въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ

пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учать ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ... Въ сатирѣ мысль Крылова высказана сжато, — въ комедіи же она развита на частныхъ примѣрахъ, наглядно показывающихъ нелѣпость и глупость неумѣстной французоманіи.

Не можемъ не остановиться также на одномъ лицѣ, выведенномъ Крыловымъ въ «Урокѣ дочкамъ», — на проницательномъ Семенѣ. Это не тотъ уже слуга, съ которымъ мы встрѣчались выше, въ пьесахъ «Бѣшеная семья», «Пирогъ» и друг. Семень не лишень оригинальныхъ чертъ. Его предпріимчивость, умѣнье пользоваться удачно сложившимися обстоятельствами, его самозванство, мысль о которомъ является у него внезапно при вѣсти о слабости барышень, наконецъ, развязка, показывающая въ немъ робѣющаго плута, увлекшагося игрой не по силамъ, — всѣ эти черты, равно какъ и сходство положеній, даютъ какъ бы намекъ на героя первой русской комедіи — на Хлестакова.

Эта пьеса Крылова до сихъ поръ представляетъ интересъ для читателя, такъ какъ въ ней, несмотря на нѣкоторыя несомнѣнныя заимствованія у Мольера, отразился бытъ, жизнь современнаго автору общества; въ ней подмѣчены типическія черты недостатковъ и слабостей того вѣка и, помимо достоинствъ сценическихъ, о которыхъ мы выше уже упоминали, она важна, какъ пьеса нравоописательная. Конечно, въ ней Крыловъ не достигъ совершенства въ драматическомъ творчествѣ, но эта пьеса все-таки свидѣтельствуетъ о значительномъ прогрессѣ въ развитіи его дарованія. *Перетигъ.*

Настроеніе русскаго общества времени появленія комедій: „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, какъ одна изъ причинъ ихъ успѣха.

Успѣхъ обѣихъ комедій нетрудно объяснить особеннымъ настроеніемъ русскаго общества въ тѣ годы. Послѣ пораженія нашихъ войскъ подъ Аустерлицемъ общество было охвачено жаждой отмщенія, сильно возбужденнымъ національнымъ чувствомъ и самоувѣренностью; фридландское пораженіе только усилило до степени аффекта первое чувство, раздраженное вслѣдъ затѣмъ тильзитскимъ договоромъ. Выразителями и возбудителями этихъ чувствъ явились литературныя произведенія; возникла въ короткое время цѣлая патриотическая литература: «Мысли на Красномъ крыльцѣ» гр. Растопчина, «Дмитрій Донской» Озерова, «Пожарскій» Крюковскаго, «Русскій Вѣстникъ» С. Глинки, «Дмитрій Донской» былъ данъ въ январѣ 1807 года и имѣлъ успѣхъ, которому нѣтъ равнаго во всей исторіи русскаго театра. Вѣроятно, то же настроеніе побудило и Крылова выступить снова на театрѣ.

Разсматриваемыя съ вышеуказанной точки зрѣнія, комедіи Крылова должны были достигать своей цѣли; въ обѣихъ осмѣиваются французы и страсть русскихъ ко всему французскому; самая карикатурность образовъ, въ которой мы справедливо видимъ погрѣшность, была цѣлесообразна, какъ лирическое средство: авторъ «карикатуриль» потому, что слишкомъ живо и страстно чувствовалъ, и этимъ попадалъ въ тонъ публикѣ, вовсе не расположенной къ безпристрастію. Сюжетъ «Модной лавки» намѣченъ уже въ «Почтѣ Духовъ», а, можетъ быть, и раньше — въ «Утреннихъ Часахъ»; въ пьесѣ затронуть, однако, болѣе матеріальный ущербъ, причиняемый русскимъ семьямъ алчными французами: помѣщица Сумбурова разоряетъ мужа на наряды; Сумбуровъ — здравомысль пьесы, вопреки своему имени — выхваляетъ чистоту коренныхъ русскихъ нравовъ; французская нація представлена владѣлицей магазина и плутомъ, бывшимъ лакеемъ, Трише; пьеса чрезвычайно растянута. Послѣ успѣха въ публикѣ, она была играна во дворцѣ, на половинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Сюжетъ «Урока дочкамъ», болѣе складный и живой, почти цѣликомъ повторяетъ «*Précieuses ridicules*» Мольера, съ очень слабымъ переложеніемъ на русскіе нравы. Высмѣивается то, что служило для толпы самымъ нагляднымъ выраженіемъ французоманіи — привычка говорить по-французски; французовъ на сценѣ нѣтъ: ихъ изображаетъ въ карикатурѣ плутъ-слуга Семень да упоминается о m-me Григри, бывшей воспитательницѣ двухъ жертвъ французоманіи — Ѳеклы и Лукерьи; здравомысленный идеаль, противопоставленный французскому легкомыслію, очень элементаренъ: помѣщикъ Велькаровъ выдаетъ дочекъ замужъ по старинѣ — за имъ выбранныхъ жениховъ. Къ чести Крылова слѣдуетъ замѣтить, что самое живое лицо комедіи то, которое онъ внесъ въ пьесу самостоятельно; это няня Василиса, обрисованная довольно типично: слушая рассказъ мнимаго маркиза — Семена о его злополучіяхъ, она плачетъ, потому что вспомнила, какъ «внука Егорку за пьянство въ солдаты отдавали». Несмотря на всѣ недостатки комедіи «Урокъ дочкамъ» имѣла успѣхъ и держалась на сценѣ до 50-хъ годовъ. Послѣднимъ слѣдомъ интереса Крылова къ сценѣ является его участіе въ основаніи журнала «Драматическій Вѣстникъ» въ 1808 году, въ которомъ имъ были помѣщены 18 басенъ; въ числѣ ихъ уже нѣсколько оригинальныхъ. *Шальгинъ.*

Общность мотивовъ сатиры Крылова въ его журналахъ и басняхъ.

Очень долго съ догматическою самоувѣренностію повторяли у насъ да и теперь едва ли не повторяютъ ту общеизвѣстную мысль, что Крыловъ до 38-го года своей жизни (до 1806 г.) не понималъ настоящаго своего призванія, переходя отъ комедіи къ трагедіи, отъ

оперы къ сатирѣ, бросаясь то къ театру, то къ журналистикѣ. Лишь послѣ перевода двухъ басенъ Лафонтена «Дубъ и трость» и «Разборчивая невѣста», когда Дмитріевъ посовѣтовалъ переводчику не покидать такого рода поэзіи и раскрылъ, такъ сказать, глаза на его собственное призваніе, онъ вступилъ на прямую истинную дорогу, которая привела его къ безсмертію. Мнѣніе едва ли вѣрное. Характеръ сатиры, какимъ отличаются басни Крылова, ясно обозначился уже въ первыхъ его сочиненіяхъ. Въ перепискѣ волшебника Маликульмулька съ гномами Зоромъ, Буристономъ и др. дѣло идетъ, между прочимъ, о страшной суматохѣ, которую въ царствѣ Плутона произвела увлекавшаяся французскими модами жена его Прозерпина. Вся аллегорія этой сатиры, гдѣ духи и мифологическія существа принимаютъ участіе въ дѣлахъ людей или раздѣляютъ ихъ пороки, очень напоминаютъ басню. вмѣсто сходства, какое находимъ въ баснѣ между людьми и животными, здѣсь началомъ ироніи служитъ противоположность между міромъ духовъ и человѣческимъ. Въ «Почтѣ Духовъ» аллегорія принимаетъ иногда и совершенно символическій характеръ басни. Такъ въ магазинѣ разговариваютъ между собою англійская шляпка, французскій токъ, покоевый (спальный) чепчикъ и блондовая косынка. Каждый изъ нарядовъ хвастаетъ своимъ преимуществомъ («П. Д.» пис. VI). Такимъ образомъ этотъ отрывокъ по своей формѣ прямо принадлежитъ уже къ разряду басенъ. Повѣсть «Каибъ», помѣщенная въ «Зритель», представляетъ также аллегорію, въ которой современная истина скрыта подъ покровомъ разсказа о какомъ-то старинномъ восточномъ калифѣ. Въ этотъ разсказъ вводитъ уже настоящую басенку о томъ, какъ славный живописецъ нарисовалъ Венеру. Всѣ любовались картиною, а полотно, на которомъ такъ мастерски была нарисована богиня, вообразивъ себя причиною общаго восторга, вздумало хвалиться и чваниться. Во всемъ этомъ нельзя не узнать того сатирико-дидактическаго содержанія, которое впоследствии въ басняхъ расширило только свою область и облечено въ художественную форму.

Поставивъ себѣ задачу — изобразить удаленіе общества отъ природы и разладъ дѣйствительности съ идеаломъ, самъ вдохновляется живымъ представленіемъ того идеала, печальное или смѣшное отпаденіе отъ котораго представляетъ общество, и насъ сатирическими своими картинами настраиваетъ къ тѣмъ же идеаламъ. Такая сатира можетъ рождаться только «въ душѣ возвышенной» или «въ сердцѣ прекрасномъ». Истинный сатирикъ вдохновляется не мелочными эгоистическими обидами и оскорбленіями, не побужденіями корыстной зависти или личной вражды; нѣтъ, его вдохновляетъ высокое чувство горячей любви къ добру и красотѣ, ко благу горячо любимой родины, къ счастью отечества и человѣчества. Яркія картины нравственной порчи общества выливаются изъ души, глубоко потрясенной тиной и мелочами опутавшей жизни, изъ прекраснаго сердца, много и долго болѣвшаго при видѣ попраиіа людьми ихъ человѣческаго

достоинства, глубокаго отпаденія ихъ отъ своего долга, отъ своего нравственнаго назначенія, отъ идеала. Справедливо сказалъ Гоголь, что сатирическій поэтъ только съ виду кажется больше всѣхъ смѣется, а на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ души онъ больше всѣхъ плачетъ. Да, истинный сатирикъ такой же жаркій патріотъ, какъ и самый возвышенный поэтъ. Таковъ А. И. Крыловъ; такимъ является онъ предъ нами уже въ первыхъ еще юношескихъ, но уже ярко обнаруживающихъ высокій талантъ, сатирическихъ произведеніяхъ, которыми наполнялись издаваемые имъ журналы. Главная цѣль изданія этихъ журналовъ было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, языка, который и въ то время въ высшемъ кругу нашего общества вытѣсняемъ былъ, къ стыду нашему, языкомъ французскимъ.

Въ одномъ мѣстѣ поэтъ жалуется, что сатира столько же дѣйствуетъ на злыхъ людей, сколько на лѣниваго осла брань и понуканья хозяина. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ склонялся на сторону тѣхъ, которые требовали въ сатирѣ прямого указанія на лица. Самыя названія выведенныхъ имъ типовъ (Звенигородъ, Припрыжкинъ, Безстыда, Неотказа и т. п.) уже показываютъ, что Крыловъ имѣлъ въ виду пороки общества во всей его массѣ, не затрогивая ничьей личности. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо указываетъ на этотъ характеръ своей сатиры. «Сатира есть камень, которымъ бросаютъ въ кучу безумныхъ; а вы знаете, что, бросая камень въ многолюдную толпу дураковъ, нельзя остережеться, чтобы въ кого не попастьъ... Камень, дѣйствительно, попадалъ въ цѣль, потому что слишкомъ густа толпа безумныхъ.

И предметы порвоначальной сатиры Крылова во многихъ отношеніяхъ тѣ же, какіе находимъ въ его басняхъ. Такъ онъ очень ядовито шутитъ надъ одописцами и одами. Въ повѣсти «Кайбъ» какой-то стихотворецъ рассказываетъ, что онъ написалъ оду визирю, въ надеждѣ получить за нее награду; но, къ сожалѣнію, этотъ визирь вскорѣ былъ повѣшенъ. Это не смутило одописца. Онъ представилъ свое твореніе непріятелю повѣшеннаго визиря, хотя въ немъ не было ни ума ни добродѣтели, и хотя за оды платили хуже, нежели за битыя стекла, и ода пришлась, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Подобныя же насмѣшки встрѣчаются у Крылова и надъ идилліями. Кайбъ, начитавшись эклогъ и идиллій, такъ заманчиво рисующихъ невинныхъ, счастливыхъ и беззаботныхъ пастуховъ и пастушекъ золотого вѣка, захотѣлъ самъ удостовѣриться въ ихъ завидномъ счастіи, искалъ счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ... И дѣйствительно увидѣлъ онъ на берегу рѣчки запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью, босоное, такъ что калифъ усумнился было: чловѣкъ ли это. Счастливый пастухъ размачивалъ въ ручейкѣ черствую корку хлѣба, чтобы лучше ее разжевать. Калифъ, узнавъ, что это тотъ именно пастухъ, котораго онъ

искаль и который долженъ быть, наслаждаясь дарами золотого вѣка, прекрасно играть на свирѣли, но вмѣсто того глодалъ черствую корку хлѣба, желалъ узнать, по крайней мѣрѣ, гдѣ его пастушка? «Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицей, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться и не замерзнуть зимою», отвѣчалъ пастухъ.

Правда, въ періодъ журнальной дѣятельности воображеніе Крылова не создало еще ни слоновъ ни орловъ, тѣмъ не менѣе поэтъ выводитъ на сцену и клеймитъ насмѣшкою тѣ же типы, какіе потомъ выведены имъ въ басняхъ подъ этими титлами. Въ лицѣ Каиба и Плутона онъ осмѣиваетъ людей, облеченныхъ грубою властію силы, тѣхъ «боговъ тунеядцевъ, которые не заслуживаютъ и фунта телятины, а пользуются такими жервами, что могутъ жить богаче всякаго», между тѣмъ какъ они дѣлаютъ народу болѣе зла, чѣмъ добра. «Нашъ хозяинъ самъ», продолжаетъ поэтъ, «не болѣе, какъ шутъ на Олимпѣ, а за свое ремесло получаетъ болѣе дохода, нежели всѣ академіи вмѣстѣ». Каибъ былъ очень остроуменъ и расчетистъ: «обыкновенно одного мудреца сажалъ, въ своемъ диванѣ, между десяти дураковъ и часто говаривалъ, что, для сохраненія добраго порядка, дураки, по крайней мѣрѣ, столь же нужны, какъ и умные люди. Онъ никогда не совѣтовался съ книгами, потому что онѣ, по большей части, писаны не калифами». Сзывая диванъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ, «ибо Каибъ ничего не начиналъ безъ согласія своего дивана, онъ для избѣжанія споровъ, потому что былъ миролюбивъ, начиналъ свои рѣчи такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ ту же минуту онъ получитъ 500 ударовъ воловою жилою по пятамъ, а послѣ разсмотримъ его голосъ». Не слышится ли въ этомъ ѣдкомъ разсказѣ и басня «Соловей и Кошка» съ ея заключительнымъ стихомъ: «плохія пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки», и «Левъ на ловлѣ» и проч., выраженные съ неменьшею рельефностію и силою! Поэтому, когда Каибъ, наскучивъ властію, вздумалъ отправиться путешествовать инкогнито (невидимкою) и спросилъ объ этомъ мнѣніе визирей, то одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «Великій обладатель океана, самовластный повелитель извѣстныхъ земель и проч. Для такой мелкой словесной твари, какъ я, велико уже и то снисхожденіе, что ты попускаешь ей думать... Но солнце можетъ ли отъ земли заимствовать свѣтъ? Нѣтъ, великій обладатель правовѣрныхъ. Подобно и я не рожденъ ни думать, ни говорить предъ тобою, ниже знать, что ты думаешь!» Палаты Каиба отличались необычайною роскошью; власти его нѣтъ предѣла; все передъ нимъ раболѣпствуетъ. Несмотря на все, онъ все болѣе скучаетъ. Смыслъ повѣсти ясенъ: ни пышность, ни богатство, ни униженіе подобныхъ себѣ людей не даютъ человѣку отрады.

Въ противоположность строгому Каибу Плутонъ довольно добрый воевода; къ несчастію, состоитъ подъ башмакомъ у жены своей Прозерпины. А она увлекалась до помѣшательства французскими модами,

французскими обычаями. И въ угоду дорогой супругѣ подземный владыка согласенъ отдать весь адъ во власть танцмейстера Фурбинія. «Что же можетъ болѣе льстить владѣтелю, какъ не то, чтобы заставить весь народъ почитать умною такую тварь, въ которой нѣтъ и золотника мозгу, а плутомъ человѣка, посвятившаго себя добродѣтели... Калигула сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ — и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе».

Съ большимъ искусствомъ Крыловъ описываетъ пріемную знатнаго барина, гдѣ всякое утро бываетъ поклоненіе «глухому и сѣдому идолу, гдѣ нѣтъ ни одного лица, которое говорило бы то, что думало, не выключая и самого этого божества, гдѣ, какъ въ аукціонной палатѣ, продаются съ молотка публичныя достоинства». Должность секретаря, по представленію Крылова, такова, что, получая 450 руб. годового жалованья, онъ можетъ проживать ежегодно по 12.000 руб. Гномъ Буристонъ долго искалъ по свѣту честнаго, добродѣтельнаго судью, наконецъ, встрѣтилъ такого, который принялъ сторону небогатой вдовы въ тяжбѣ ея съ богачомъ. Но Буристонъ все-таки усумнился въ его честности, тайкомъ закрался въ его кабинетъ и прочиталъ его письмо къ сыну. Честный судья такія правила внушалъ сыну: «Низко ходить на поклонъ къ своему судѣ, говоришь ты? Какой вздоръ! Да я, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, зато нынѣ и у себя въ прихожей людей вырациваю. Учтливость, другъ мой, шею не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится... Будто велика бѣда въ праздникъ сходить на поклонъ! Къ обѣднѣ, другъ мой, успѣешь сходить и отъ начальника, а если и некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ... Богъ, по своей благодати, проститъ, когда покаешься; а бояре, вѣдь, и покаенія не принимаютъ... Лучше было бы, если бы прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить воскресенье, не постоявъ въ передней у своего покровителя. Всѣ мы собаки, Лентулушка, и всѣхъ насъ можно бить палками». Этотъ судья, вѣрный своимъ правиламъ, рѣшаетъ дѣло въ пользу вдовы, потому что она сестра ключницы того начальника, у котораго служить его сынъ. Да и въ адъ къ Плутону большая часть судей приходитъ въ богатыхъ кафтанахъ, а тѣни челобитчиковъ нагія... Кто не узнаетъ въ этихъ типахъ такъ всѣмъ извѣстныхъ басенныхъ героевъ: болонки — Жужу, попавшей въ милость за искусное хожденіе на заднихъ лапкахъ, судьи — лисы съ пушкомъ на рыльцѣ и т. п.

Но съ особенною силою, согласно съ обстоятельствами, а еще болѣе съ духомъ времени, устремляетъ Крыловъ свою сатиру противъ безумной роскоши и мотовства, сильно развившихся подъ вліяніемъ моды. Тогда за связку соломы, по выраженію его, платили по 400 и 500 руб. Припрыжкинъ сдираетъ съ 400 душъ своихъ крестьянъ до 80.000 руб. для однихъ свадебныхъ нарядовъ. Разоренные крестьяне идутъ въ города вымещать свою потерю на ремесленникахъ; ремесленники вымещаютъ свое на купцахъ, а купцы на госпо-

дахъ: «Города терпятъ недостатокъ, деревня — голодъ, граждане — дороговизну, а его сѣятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу». Французы научили даже, какъ самихъ нашихъ крестьянъ превращать въ модные товары. Модные люди, запрягая табунъ лошадей, заставили себя возить въ ящикахъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ, засыпали свои головы мукой — и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перешеголяли всѣхъ европейцевъ. Но, осмѣивая рабское подражаніе модамъ и мотовство, Крыловъ ярко и ѣдко выставляетъ и разные обманы и плутни французскихъ модистокъ, устраивавшихъ тайныя свиданія въ своихъ лавкахъ, дармоѣдство французовъ — воспитателей, невѣждъ, незнавшихъ даже грамоты и т. п., и съ точностію высчитываетъ всѣ ущербы, наносимые нашему хозяйству модами. Касается нашъ поэтъ и многихъ другихъ сторонъ общественной порчи: женщина большого свѣта въ тотъ вѣкъ, по словамъ его, сравнена была съ голландскимъ сыромъ, который тогда только и хорошъ, когда попорченъ.

Но наибольшаго совершенства сатира Крылова достигаетъ въ «Похвальной рѣчи въ память дѣдушкѣ». («Зритель» 1792.) Онъ клеймитъ позоромъ тѣхъ праздныхъ дворянъ, которые, не мало не заботясь о пользѣ своихъ крестьянъ, проводили время въ однихъ грубыхъ забавахъ. «Дѣдушка», говоритъ Крыловъ, «гоняясь за зайцемъ, свалился въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски». Но не одною любовію къ охотѣ прославился онъ, а и тѣмъ, что умѣлъ въ недѣлю прожить то, что 2.000 подвластныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ! и успѣвалъ эти 2.000 пересѣчь въ годъ раза два, три съ пользою... Подъѣзжая къ нему въ деревню и видя всѣхъ крестьянъ блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся, бывало, сами умереть за его столомъ голодною смертію... но, какое пріятное удивленіе! Садясь за столъ, находили мы богатство и изобиліе». Я не стану распространяться о понятіяхъ, взглядѣ на вещи и правилахъ жизни, какіе имѣлъ выведенный въ сатирѣ Крылова дѣдушка и какія проповѣдовалъ онъ сынку. Довольно сказать, что онъ стыдится той философіи, которая твердитъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, и согласенъ лучше признать своимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго происхожденія съ слугами. Крестьяне для него «ниже его дворовыхъ животныхъ». Когда собачонка задира ущипнула его сына, примѣрный родитель пожурилъ сына: «Другъ мой! развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? Собака, не слуга! съ нею надобно осторожниѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ». Неудивительно, если при такихъ наставленіяхъ сынокъ «еще ребенкомъ царапалъ глаза и кусалъ уши своей кормилицѣ». Зато, выросши, онъ часто подъ вечерокъ изъ толпы игроковъ возвращался домой смиреннько, безъ кафтана. Но онъ былъ незлопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ. «Все суета суетъ! заключалъ

онъ обыкновенно и, обставясь дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ». Въ «три года обрилъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти, а крестьяне пошли по міру». Приведенная сатира, совсѣмъ почти не имѣя басенной формы, по своей тонкой ироніи близка къ лучшимъ баснямъ Крылова.

Кажется, достаточно ясно показали мы, что начало такого направленія, которое съ такою художественностію развито Крыловымъ въ басняхъ, заключается въ его сатирахъ, наполнявшихъ издаваемые имъ журналы, нѣкоторыя представляютъ даже первые опыты басни. Самая сатира его съ годами становится опредѣленнѣе и остроумнѣе, хотя дидактическій тонъ остается господствующимъ. Наконецъ, и самый языкъ Крылова запечатлѣвъ такую простоту и легкостію, какой почти не встрѣчаемъ въ то время. Въ этомъ отношеніи онъ предшественникъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина.

Если безспорно признано давно всею Россіею высокое значеніе — и общественное и художественное — басенъ Крылова, то и журнальная сатирическая дѣятельность его заслуживаетъ нашего глубокаго уваженія. И она, эта яркая, хотя подчасъ и ѣдкая картина общественныхъ недуговъ, какъ и басни, свидѣтельствуетъ о геніальности своего творца, и глубокой любви его къ Россіи, о горячемъ его патріотизмѣ. Да, И. А. былъ истинный сынъ Россіи, глубокій патріотъ, для котораго счастье и слава отечества были дороже собственнаго счастья. Другъ Жуковскаго и Карамзина могъ ли онъ не быть истиннымъ другомъ Россіи? Изъ этой-то любви къ Россіи, изъ прекраснаго любящаго сердца излились эти яркія картины современныхъ недостатковъ родного общества, въ которыхъ съ возвышенно благородною цѣлію содѣйствія къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, языка, заклеены они тѣмъ смѣхомъ, который, по словамъ Гоголя, достоинъ стать на ряду съ высокимъ лирическимъ пареніемъ.

И. А. Крыловъ жилъ въ такія времена, хотя и недалекія отъ насъ, когда правдолюбивому поэту, честному гражданину надо было облекать святую правду дѣйствительности въ аллегорическіе покровы сатиры и басни, чтобы не раздражить гусей. Времена тѣ прошли безвозвратно, но миновали ли тѣ нравы и обычаи, тѣ недостатки и слабости, которые, возмущая до слезъ душу безсмертнаго Крылова, диктовали ему художественныя картины сатиръ и басенъ? Какъ счастлива была бы Россія, если бы никто изъ живыхъ сыновъ ея не находилъ себя ни въ сатирахъ ни въ басняхъ Крылова, если бы ни для кого не служили они зеркаломъ и имѣли бы уже не значеніе живой, художественной картины того, что насъ окружаетъ, а значеніе лишь историческое геніальныхъ сатиръ на отжившіе пороки! Съ какою радостію примчался тогда духъ безсмертнаго Крылова въ нашу среду на торжественное празднованіе своей столѣтней годовщины!

Линиченко.

Сатирическіе журналы Крылова, какъ обширный прологъ къ его баснямъ.

Все, что только написалъ Крыловъ въ прозѣ въ «Почтѣ Духовъ», «Зрителѣ» и «С.-Петербургскомъ Меркуріи», я бы позволилъ себѣ назвать обширнымъ прологомъ къ художественнымъ его баснямъ, прибавивъ къ нему и двѣ комедіи, которыя, сравнительно съ другими, можно назвать лучшими («Модная лавка», «Урокъ дочкамъ»). Эти прозаическія статьи почти всѣ до одной характера сатирическаго; въ нихъ, изучающій Крылова, прежде всего желаетъ знать, какъ авторъ двухъ трагедій, принимаясь за сатирическіе журналы, смотритъ на поэзію положительнаго (важнаго) и отрицательнаго характера. Посѣщая, какъ страстный любитель, недавно открытый народный театръ, Крыловъ, вѣроятно, обращалъ вниманіе на ту надпись, которую зрители могли читать на занавѣсѣ: «Польза отъ слезъ и смѣха». Не изъ подражанія, разумѣется, а по сходству въ пониманіи и Крыловъ также думалъ: и онъ высказывалъ такой же положительный, чисто русскій взглядъ на искусство и на трагедію и на комедію въ особенности. Иронически потакая свѣтскому предразсудку, въ одномъ разговорѣ онъ выводитъ актера, какъ шута, и вотъ какъ надѣляетъ его своимъ оригинальнымъ умомъ и остроумными замѣчаніями:

— Быть народнымъ шутомъ! Это очень тягостно!

— Напротивъ того, весело. Лучше заставлять народъ смѣяться или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не происками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести; мы и предъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожъ истину; между тѣмъ какъ вельможи, не смѣя предъ ними раскрывать философическихъ книгъ, «читаютъ только оды и надутыя записки о побѣдахъ».

Въ томъ же разговорѣ Крыловъ выражаетъ совершенно своеобразныя понятія о сущности сатирическихъ сочиненій; особенно старается онъ поставить на видъ благотворное ихъ вліяніе на очищеніе общественной нравственности, и при этомъ высказываетъ ту справедливую мысль, что честная сатира, чуждая недостойныхъ личныхъ побужденій, самая лучшая помощница цивилизующаго правительства; она можетъ гораздо вѣрнѣе достигать своихъ благородныхъ цѣлей: «комедіантъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда, угнетать какимъ-нибудь откупомъ цѣлый городъ, проманивать по 20 лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Онъ можетъ поправить часто тѣ злоупотребленія, до которыхъ не дости-

гають законы, и которыя приносятъ государству болѣе вреда и разоренія, нежели самыя хищныя откупщики».

Далѣе видно, что Крыловъ измѣняетъ трагедіи и явно предпочитаетъ сатирическій родъ сочиненіямъ важнаго характера; онъ самъ принимается за торжественныя оды, а между тѣмъ смотритъ на нихъ не только безъ сочувствія, но даже готовъ преслѣдовать идеальную, т.-е. реальную поэзію. Писать сатиру значить, по его мнѣнію, уловлять порокъ, и даже указывать на мелочи, чтобъ порицаемый могъ узнать себя; въ одѣ, напротивъ, можно нанизать сколько угодно похвалъ и поднести любому изъ вельможъ, «и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы. Она, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу». Точно также нападаетъ онъ и на идиллію, ставя противъ вымышленнаго пастуха золотого вѣка дѣйствительнаго пастуха, горькаго бѣдняка, загорѣлаго отъ солнца, заметаннаго грязью, безъ свирѣли и безъ пастушки, потому что дѣйствительная-то пастушка, т.-е. жена этого горемыки, отправилась въ городъ продать возъ дровъ и послѣднюю курицу, чтобы прикрыть себя чѣмъ-нибудь и не замерзнуть отъ холода. Въ заключеніе авторъ даетъ себѣ слово не судить о счастіи поселянъ «по описанію стихотворцевъ».

Ясно показываютъ приведенныя мѣста, что прежняго трагика Крылова ужъ не видно; прочитавши «Филомелу», никто не скажетъ, чтобы онъ былъ истинный талантъ, и какъ будто у себя дома: откуда взялась необыкновенная для возраста наблюдательность (ему еще только 21 годъ), тонкій умъ и такой колкій сарказмъ. И читатель видитъ, что онъ, долго бродивши ощупью, выходитъ, по крайней мѣрѣ, на настоящую дорогу, хотя до мѣста истиннаго назначенія надо еще пройти необразимое пространство.

Ознакомившись съ положительнымъ, фактическимъ взглядомъ на искусство, замѣтивъ его явную симпатію къ поэзіи отрицательнаго характера, доходящую до несправедливаго пристрастія къ литературѣ противоположнаго направленія, посмотримъ, что онъ нашель дурного въ современномъ обществѣ.

Во-первыхъ. Онъ видитъ, что лучшее, или такъ называемое высшее образованное общество — совсѣмъ не русское; оно рабски благоговѣетъ предъ иностранцами, особенно передъ французами, и старается болѣе всего о томъ, какъ бы уподобиться этимъ благодѣтелямъ Россіи¹⁾:

«Французы растолковали намъ, что у насъ нѣтъ ничего необходимаго, и мы устыдились своего невѣжества. Насъ стали возить въ ящикѣ, какъ деревенскіе мужики возятъ куръ на продажу; мы посыпали голову мукой и думаемъ, что стали просвѣщеннѣе европейцевъ. Насъ посвятили въ тайны — превращать куля четыре муки

¹⁾ Примѣры эти сведены изъ разныхъ мѣстъ.

въ посредственную англійскую шляпку и не менѣ кулей 10 на простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Этого мало, насъ научили и людей превращать въ модные товары. Вельможа, украшенный драгоценными бездѣлицами, внушаетъ великое о себѣ мнѣніе иностранцамъ; правда, отъ этого русскіе мужики умираютъ иногда съ голоду, но это бездѣлица... вотъ французъ — другое дѣло: что бы онъ ни натворилъ, не потеряетъ въ Россіи уваженія; за что тамъ пошлютъ его на галеры, за то у насъ назовутъ острякомъ. Особенно хорошо танцмейстеру; его принимаютъ лучше, чѣмъ заслуженнаго офицера... да и такъ и слѣдуетъ, потому что въ просвѣщенномъ свѣтѣ хорошія ноги въ большомъ уваженіи, нежели головы. Французы — истинные мастера разорять Россію модными товарами, рукодѣльемъ, особенно чесаніемъ волосъ и учительствомъ. Они воспитываютъ нашихъ дѣтей не для отечества, а собственно для себя, и плоды прекрасныя; съ тѣхъ поръ какъ взяли подъ свое покровительство наше юношество, всякая наша дѣвушка въ 15 лѣтъ становится хитрѣе своей матушки и, смѣясь надъ скучнымъ предразсудкомъ бабушекъ, не останавливается передъ совѣстію.

Нарочно останавливаюсь на послѣднемъ тяжеломъ мѣстѣ: социальный порокъ и та правда, которая слишкомъ больно колетъ глаза родителямъ и, надо признаться, смущаетъ читателя, далеко не такъ ядовита, а между тѣмъ еще поразительнѣе будетъ изображена въ оригинальной баснѣ, въ высшей степени художественной: «Кукушка и Горлинка». Въ этой аллегорической картинѣ превосходно объяснены непочтеніе и нелюбовь дѣтей къ родителямъ, ввѣрившимъ ихъ наемникамъ: Горлинка на жалобу Кукушки, которая клала яйца въ чужія гнѣзда, отвѣчаетъ:

Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?

Едва ли есть у Крылова другая басня, которая была бы исполнена такой неподражаемой граціи, и притомъ задумана такъ творчески-вѣрно, какъ «Горлинка и Кукушка». Кто найдетъ въ природѣ, особенно въ царствѣ животномъ, настоящей родинѣ басни, другой лучшей примѣръ для изображенія безопасности родителей? Крыловъ, вскормленный народными поэтическими преданіями, указалъ именно на ту птицу, которая и гнѣзда для дѣтей не имѣетъ.

Всѣ эти плачевные образцы невѣжества, грубаго понятія о воспитаніи, неумѣнья уважать свое нравственное достоинство, вызывавшіе глубокое негодованіе честнаго писателя, превратятся потомъ въ самыя художественныя картины. Онъ олицетворитъ потомъ тѣ же самыя мысли въ образѣ «Эмѣи», которая приползла къ крестьянину съ предложеніемъ нанять дѣтей. Въ другой баснѣ нагляднымъ и вѣрнымъ сравненіемъ Крыловъ представляетъ слѣдствія дурныхъ внушеній: если разъ не усмотришь, какъ что-нибудь вредное войдетъ въ душу питомца, то послѣ, хватай онъ звѣзды съ неба, а въ поступкахъ и дѣлахъ будетъ отзываться, какъ «Бочка» виномъ. Воспи-

таніе льва есть живописное изображеніе главной науки государей — знать свойства управляемаго народа и блюсти выгоды отечества. Сюда же можно отнести басню: «Червонецъ», который отъ слишкомъ усерднаго тренія о кирпичъ и всякія полирующія вещи теряетъ свой природный вѣсъ и цѣнность.

Во-вторыхъ. Въ современномъ обществѣ русскомъ Крыловъ представляетъ на видъ и неумолимо преслѣдуетъ неуваженіе къ человѣческому достоинству, непризнаніе истинныхъ заслугъ, величаніе знатностію рода, высокомѣріе и барскую спесь. «Сколько не бредятъ философы, что мы братья и дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, а вина природы. Къ стыду ея и сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества предъ крестьяниномъ? Неужели она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Вотъ болѣе 300 лѣтъ прошло, какъ въ родѣ Звениголова появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія... наконецъ, появился Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная душа его чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ восхищенный отецъ, онъ еще не знаетъ толкомъ приказывать, но учится уже наказывать; по этому можно отгадать, что онъ благородной крови!»

Сколько такихъ встрѣчъ понадобилось автору, сколько ощущеній нужно было ему пережить, сколько образовъ лелѣяла его фантазія пока, наконецъ (1811), цѣлое поколѣніе, пораженное блестящимъ живописнымъ рассказомъ и художествомъ драматизма не начало повторять въ слѣдъ за Крыловымъ.

Предлинной хворостиной

Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать.

Во-третьихъ. Крыловъ обнажаетъ и безпощадно преслѣдуетъ взяточничество, порокъ еще старой Руси, но и при немъ повсемѣстный, и при томъ едва ли не болѣе всѣхъ ему знакомый, потому что съ ранняго возраста онъ встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу въ землѣ нашей, великой и обильной, въ самыхъ мелкихъ и въ самыхъ крупныхъ видахъ и во всемъ разнообразіи, въ соединеніи съ заискиваніемъ у низшихъ и съ угодливостію высшимъ. Вотъ письмо взяточника — судьи: онъ журить племянника за слишкомъ частое употребленіе буквы ѣ, двоеточій, запятыхъ и точекъ:

пожалуй, скажутъ, не кстати умничаютъ. «Съ чего ты взялъ бросать службу. Да знаешь-ли, что твой дѣдъ нажилъ болѣе 40.000 рублей; твой отецъ приобрѣлъ большой каменный домъ въ четыре этажа. Да и ты, мой свѣтъ, доколѣ я тебя изъ этой службы не вытащу, или не будь надъ тобой мое благословеніе: а ты знаешь, что этимъ шутить дурно».

«Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! Да я, братъ, да и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ; зато теперь и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, мой другъ, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Велика бѣда въ праздникъ сходить на поклонъ. Къ обѣднѣ, скажешь ты мнѣ. — Къ обѣднѣ, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ: Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда прогуляешь обѣдню; а совѣтникъ станетъ сердиться, и можетъ за это отомстить».

Весьма замѣчательно, что на обличеніе этого закоренѣлаго порока Крыловъ написалъ самое большое количество басенъ. Если взять всѣ эти басни, поставить ихъ цѣлымъ рядомъ картинъ, отнять у нихъ забавный тонъ и веселую, игривую форму, уничтожить всѣ аллегоріи, превратить дѣйствующія лица въ людей, то невозможно будетъ смѣяться; внезапно вы будете поражены ужасною картиною несправосудія, грабительства, безправій, продажности, обмановъ: вотъ бѣдные крестьяне пришли къ «Большой рѣкѣ» съ жалобой на ручьи и ручейки, и вдругъ видятъ, что половину расхищеннаго ихъ добра наибольшая-то Рѣка несетъ на себѣ; а тамъ могучій Левъ разрываетъ на части добычу, налагаетъ лапу на всѣ четыре и грозитъ смертію тому, кто посмѣетъ итти противъ его силы. Посмотрите на этого беззащитнаго Ягненка, котораго сейчасъ растерзаютъ: онъ виноватъ даже тѣмъ, что Волку захотѣлось кушать. Всѣмъ извѣстно, что овцы не ѣдятъ мясного, но послушайте, какъ судья-Лиса, наведя справки, читаетъ приговоръ за сѣденіе куръ:

Казнить овцу

И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Тамъ благодушный Слонь-воевода строго-на-строго приказываетъ всѣмъ... что же? Не брать съ овецъ больше одной шкуры! Здѣсь звѣри собрали дань Льву, и каждый сумѣлъ сдѣлать изъ ней запасъ на зиму. Какая горькая иронія слышится въ рѣшеніи закона: Овца властна схватить за шиворотъ обидчика Волка и представить его въ судъ! Здѣсь плотоядные звѣри, каюсъ въ грѣхахъ во время чумы, приговариваютъ Вола къ сожженію на кострѣ, а онъ согрѣшилъ меньше всѣхъ: только взялъ у попа съ воза небольшой клочъ сѣна. Тутъ слабая власть въ лицѣ повара безъ умолку разглагольствуетъ и увѣщаетъ вора-Кота, а онъ подъ эту брань успѣлъ уже съѣсть все жаркое. Вотъ бѣжить Лиса и жалуется, что ее прогнали за взятки, тогда какъ она отъ усердія къ службѣ и не доѣдала и

не досыпала; а въ этой теплой берлогѣ сосеть лапу Медвѣдь, падкій къ меду и ждетъ погоды. Здѣсь строгіе судьи приговорили вора къ позорной казни; «этого мало», говоритъ прокуроръ-Лиса, «утопить Щуку и бросить ее въ рѣку!» Тамъ раздается крикъ: это Волкъ, скликающій народъ: онъ увидѣлъ мышенка, утащившаго косточку, и кричитъ «карауль», а самъ съѣлъ почти цѣлую овцу. Савва, пастухъ изъ опальныхъ поваренковъ, въ горькой кручинѣ жалуется міру на страшнаго волка, который терзаетъ овецъ, а потомъ оказалось, что овецъ-то ѣлъ Савва. Всѣ хвалятъ Лису-строителя за огражденіе отъ воровъ, а куры между тѣмъ исчезаютъ. Тутъ самъ левъ поймалъ похитителя на мѣстѣ преступленія: онъ жарилъ рыбъ, и тѣ прыгаютъ на сковородѣ, но виновникъ нагло увѣряетъ: «Рыбы пляшутъ отъ радости, что видятъ царя звѣрей!» Кажется, очевидно, что отъ такихъ объективныхъ описаній, аллегорическихъ картинъ и забавныхъ рассказовъ становится гораздо страшнѣе, нежели отъ всей «Почты Духовъ», отъ «Зрителя», отъ «С.-Петербургскаго Меркурія» и отъ всѣхъ комедій Крылова. Чтобы сколько-нибудь успокоить возмущенное нравственное чувство, невольно спрашиваете вы: кто же спасется въ этой кромѣшной тѣмѣ беззаконій и войдетъ въ рай? Только одинъ нищій духомъ, тотъ сатрапъ, который жилъ растительною жизнію: пилъ, ѣлъ и спалъ и только подписывалъ все, что ни подавалъ ему секретарь!

Наконецъ, сатирическія статьи, названныя нами прологомъ къ баснямъ, сами по себѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, представляютъ фазисы въ развитіи поэтическаго таланта Крылова. Въ первомъ значеніи онѣ отличаются крайне рѣзкимъ тономъ, беспощадностію обличенія и очевиднымъ преувеличеніемъ. На первомъ планѣ личное чувство автора: онъ не столько занятъ изображеніемъ предметовъ, сколько изліяніемъ собственныхъ ощущеній, которыя они возбуждаютъ въ немъ; читателя не столько поражаетъ вѣрная картина пороковъ, сколько негодованіе самого сатирика, ѣдкая его насмѣшка, иногда аттическая иронія и ядовитый сарказмъ: «Чѣмъ болѣе живу между людьми, тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ — и въ ту же минуту всѣ лица вокругъ нея сморщатся; большой баринъ улыбнется — и вдругъ собранныя вокругъ его машинки на красивыхъ каблучкахъ начинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ, но всѣ какъ будто на пружинахъ, которыми движутъ такія же машины: «свѣтская благопристойность, щекотливая честь, обряды и моды». Возрѣнія эти на жизнь и людей возвышаются иногда до мрачнаго трагическаго паѳоса: «всѣ жалуются, всѣ толкуютъ, что жить нечѣмъ: у всѣхъ недостатокъ въ необходимости, и всѣ говорятъ, что будто приближается послѣдній вѣкъ; а я такъ думаю что свѣта прѣставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли,

а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ»...

Въ 1792 году Крыловъ почти отступаетъ отъ сатиры, точно такъ какъ нѣкогда оставилъ онъ трагедію; вотъ почему нельзя не обратить вниманія на высказанную имъ мысль: «пиши такъ, чтобы всякій улыбался, читая твои писанія, иные бы краснѣли, но чтобы на тебя не сердился никто: это-то и есть искусство сатиры». Здѣсь Крыловъ начинаетъ уяснять собственный свой талантъ: вмѣсто личныхъ чувствъ — осмѣянія слабостей и негодованія къ пороку — что и составляютъ сущность сатиры — онъ уже стремится стать въ положеніе живописца, котораго бы не видно было за картиной, требуетъ описанія, т.-е. вѣрнаго изображенія дѣйствительности, а не изліяній душевныхъ. Итакъ, съ внутренней стороны, мы видимъ не только переходъ отъ лирическаго вдохновенія, отъ выраженія личныхъ чувствъ къ эпическому изображенію явленій жизни, но и постепенное движеніе таланта къ уразумѣнію истиннаго своего назначенія. Уже въ басняхъ, и только тамъ, Крыловъ высказываетъ съ совершенною ясностію, какое настроеніе души необходимо ему для того, чтобы геній его могъ принять смѣлый полетъ и явиться во всей полнотѣ, во всей силѣ поэтическаго творчества. Это сознаніе онъ высказалъ, когда уже написалъ почти 90 басенъ и когда онъ, можно сказать, царствовалъ уже въ этой области поэзіи, именно — въ трехъ знаменательныхъ словахъ аполога «Волкъ и Лисица» (1816 г.):

Истина сносно въ воплоткрыта.

Не даромъ ихъ написалъ на портретѣ профессоръ Волковъ, изобразившій Крылова на 44-мъ году жизни, въ моментъ эпическаго вдохновенія, глубоко спокойнаго созерцанія явленій жизни, которыя шумною, разнообразною толпою несутся мимо, отражаясь на зеркальной поверхности его невозмутимой фантазіи. На этомъ лицѣ, вдохновенномъ олимпійски-спокойно, художникъ изобразилъ всю сущность, весь характеръ поэзіи Крылова, изобразилъ именно такъ, какъ долженъ опредѣлить ихъ ученый критикъ.

Съ другой, внѣшней стороны, невольно обращаетъ на себя вниманіе мѣняющаяся разнообразная форма сатирическихъ сочиненій: то повѣствовательная, то драматическая: или оживленный разговоръ, или группа разговаривающихъ лицъ. У богатаго именника ведутъ бесѣду случайные пріятели: вельможка Припрыжкинъ, съ головы до ногъ офранцузенный, горой стоитъ за отечество и превозноситъ любовь къ нему; купецъ Плуторѣзъ хвалитъ безкорыстіе; судья Тихокрадовъ выше всего ставитъ честь, но всѣ, въ томъ числѣ и капитанъ Рубакинъ, желаютъ ослабить законы, уже слишкомъ строгіе къ мошенникамъ.

Итакъ Крыловъ, подмѣчая общественные пороки, облакалъ ихъ въ прозрачныя имена и характеры; отсюда Вѣтродумы, Промоты,

Подлоны и т. д.; этого мало, въ первомъ своемъ журналѣ онъ уже начинаетъ переходить въ тотъ видъ поэзіи, который далъ ему безсмертіе, т.-е. въ басню: забравшись невидимкой, гномъ слышитъ разговоръ: наперерывъ хвалятся преимуществами и знаніемъ житейскихъ тайнъ англійская шляпка, французскій токъ, покоевый чепчикъ и блондовая косынка. Въ той же «Почтѣ Духовъ» у Крылова выводятся на сцену хвастливое полотно, на которомъ изображена Венера, и насмѣшливый паукъ, раскинувшій на немъ свою сѣть. Для меня это явленіе въ литературной жизни Крылова въ высшей степени замѣчательное: случайно напасть на свою дорогу на 22-мъ году жизни, потомъ сойти съ ней, и около 40 лѣтъ отъ роду не снова попасть, а быть поставленнымъ на ней, и уже не сходить съ нея! Поэтъ какимъ-то художественнымъ инстинктомъ обнаружилъ свою природу: еще тогда талантъ его изъ оковъ школы пробивался на вольный воздухъ, стоялъ у самаго входа въ міръ аллегорій, разнообразнаго царства растений и животныхъ, откуда Крыловъ переселить ихъ всѣхъ въ русскую своеобразную землю, надѣлать свойствами русскаго человѣка и одарить народной русской рѣчью. *Селингъ.*

„Почта Духовъ“.

Въ концѣ 1788 года прочли въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что въ книжной лавкѣ на Милліонной раздаются безденежно подробныя печатныя объявленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи: «Почта Духовъ», или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслужить такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходовъ противъ того или другаго современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго къ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. «Слухъ-де носится, — говоритъ онъ, — что нѣкоторые изъ издателей собираютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, нимаго не страшась справедливаго порицанія публики; а потому-де онъ, издатель сихъ листовъ, ... паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т.-е. первой книжки) къ 1 числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, а если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному

еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку.

Если «Почта Духовъ» Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то, спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними «Почту Духовъ», мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же недостатки, на которые они нападали, напр. французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ тогда называли, «петиметровъ», спесь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволь и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставяя, главнымъ образомъ, бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій рассказчикъ, часто облакающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. «Почта Духовъ» представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во «Вступленіи» къ «Почтѣ Духовъ» Крыловъ рассказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался разсерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому восемь мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать завтра (черта нравовъ, которую вообще любить выставяя наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатыя хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же какъ были, т.-е. пустыми сараями. «Оставь, другъ мой, думать людей», говоритъ волшебникъ, «что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состояніе человѣка не потому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другіе о томъ думаютъ, но потому, какъ онъ самъ себя почитаетъ». Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. «Итакъ», говоритъ онъ, «я рѣшился остаться въ томъ домѣ; пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ;

что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ». Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ разсказовъ, которые познакомятъ насъ со взглядами молодого писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣвъ¹⁾ угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особенно судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣвъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. «Другъ мой», сказалъ придворный, «оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военного корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобы видѣть насъ во всемъ великолѣпнн, на усовершеніе котораго портные, брильянтчики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, приемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Грамоты предковъ нашихъ

¹⁾ «Почта Духовъ» ч. I, стран. 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моею цѣлю.

явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ отечества, а наши ливреи и экипажи неложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однакожь это несправедливо, зато и мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не сущая ли бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обещаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!» Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: «Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступающая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки, итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присваивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самыя законы» Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. «Любезный Плуторѣзъ», говоритъ онъ хозяину, «если ты хочешь доставить сыну своему счастье какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе край, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за-моря. — «Нѣтъ, милостивые государи», сказалъ хозяинъ, «я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю и оставляю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!» Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ, какъ маленькій царекъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т.-е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, въ послѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожь не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т.-е. пишущую братію вообще, разумъя и литераторовъ и ученыхъ. Если бъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума¹⁾. Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолубіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожь, въ заключеніе Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожь не всѣ къ достиженію употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинаковую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности, не что иное, какъ плохіе переводчики²⁾. Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: «Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?»—«Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то

¹⁾ «П. Д.» ч. II, письмо 40.

²⁾ «П. Д.» ч. II, письмо 30.

здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ!»

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, гнусныхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера¹⁾. То же патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью то легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы приобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія выставлены имъ въ комедіи «Урокъ дочкамъ», а позже и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста «Почты Духовъ». Французы, по его замѣчанію²⁾, удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и собираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ писателей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не собиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Образчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ³⁾. «Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утверженія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ голоды. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ».

1) «П. Д.» ч. I, п. 9.

2) «П. Д.» ч. II, п. 39.

3) «П. Д.» ч. I, п. 9.

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ «Почтѣ Духовъ» русскій саллонный щеголь графъ Припрыжкинъ¹⁾. Этотъ 20-лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего не значащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками къ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и рассказываетъ объ этой прогулкѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80 тыс. руб. Мужики, не надѣясь хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ обыкновенно можно выработать болѣе денегъ; вмѣсто сохи и бороны, берутъ они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками и разносчиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдають 80 тыс. руб. господину, а на остальные 10 тыс. посылають въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приносить пользу государству».

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. «Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значать, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мужчины не что иное, какъ ходатаи

¹⁾ «П. Д.» ч. I, п. 9 и 17.

и правители ихъ дѣль и исполнители ихъ предпріятій»¹⁾). Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула—говорить она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей невозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ-быть, будущіе вѣка будутъ также смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ, новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества, и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разрабатывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ «Почты Духовъ» еще одну замѣчательную притчу²⁾. Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно, укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ къ живописи, онъ усовершенствовался въ чужихъ краяхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что жъ вышло? «Мои картины, — говоритъ онъ, — хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были Апеллесовы, Рубensoвы, Рафаэлевые, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлерейхъ. Это лишило меня бодрости и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнущающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы, и вошелъ богато одѣтый господинъ: всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ итти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. «Кто это, — спросилъ сатирикъ у одного изъ стоящихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?» — Это одинъ преступникъ, — отвѣчалъ ему тотъ на ухо, — который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — «Пропадшій же онъ человекъ, сказалъ сатирикъ, — его,

¹⁾ «П. Д». ч. II, п. 24.

²⁾ «П. Д». ч. I, п. 21.

конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями». — «Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона, а чтъ бѣ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ подолѣ, такъ и увидите всего поболѣ».

Кто не узнаетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о вороненкѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,

Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ:

Что сходить съ рукъ ворами, за то ворешекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтителю суда удивлялся тому, чтѣ видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено закономъ и подвергается наказанію, разсказалъ ему слышанное отъ дѣда: «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе началось умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались старшинами и законниками, другіе купцами, а третьи ремесленниками и поселянами; но перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что, наконецъ, оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самыя честныя виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семь хранитъ умѣренность, украденное яблоко можетъ стоять головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе».

Этотъ взглядъ не вполне измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ «Купецъ» (1830 г.), для которой выписанный сей часъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментариемъ. Вотъ эта басня, или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по моему, такъ будешь не въ накладѣ —
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ,
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ, что онъ и старъ, и подмочёнъ, и гниль.
Вѣдь это я сукно за англійское сбывъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взявъ за него сотняжку:
Богъ олушка послалъ.
— Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взявъ фальшивую бумажку. —
Обмануть, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ,
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ,—
Увидить, что и тамъ на ту же стать идетъ,
Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ расчетъ:
Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотой и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позже встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ, въ «Почтѣ Духовъ»¹⁾ и въ «Мысляхъ философа по модѣ»²⁾ мы находимъ первообразъ «Слона и Моськи». Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодого человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: «При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно курить трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается она на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ». Идея басни, сравнивающей мѣшокъ, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи Ночи³⁾: «Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ ни о нивѣ». Первое начертаніе басни о гусяхъ, хвальнохся, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣ-

1) Ч. I, п. 9.

2) «Зритель», ч. II, стран. 288.

3) «Зритель», ч. I, стран. 149.

дующихъ строкахъ «Почты Духовъ»¹⁾: «Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня въ сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, счисляющаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющихъ никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число бесплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева».

Въ примѣрѣ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ²⁾. Тема басни «Вельможа», направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ «Почтѣ Духовъ». Одно цѣлое письмо³⁾ посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ смыслѣ и формѣ басенъ Крылова. — Въ «Почтѣ Духовъ» и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напримѣръ, весь его разсказъ: «Ночи»; такова и восточная повѣсть «Каибъ», гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенка, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; если бъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ «Мысляхъ философа по модѣ» несправимость людей наперекоръ сатирѣ сравнивается съ упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ и продолжаетъ свой путь по-прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь его уговорить. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдален-

1) «П. Д.», ч. II, п. 37.

2) «П. Д.», ч. I, п. 10.

3) «П. Д.», ч. I, п. 18.

ное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ «Почты Духовъ»¹⁾: «Нравоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не оттого, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но оттого, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти».

Несмотря на талантъ, высказанный Крыловымъ въ «Почтѣ Духовъ», изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ «Почтѣ Духовъ»; на примѣръ въ одномъ мѣстѣ²⁾ замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерей времени, а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожь, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если «Почта Духовъ» и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни ни въ литературѣ, зато она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на «Почту Духовъ», вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ю, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два тома, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р.³⁾ Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ однакожь не имѣлъ серьезныхъ неприятностей за «Почту Духовъ», доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ «Зритель» и, подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда выска-

1) Ч. II. п. 49.

2) «П. Д.», ч. I, п. 9.

3) «С.-Пб. Вѣд.» 1789 г., окт. 2, № 79.

зывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что, при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что «Почта Духовъ» не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служить то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Межѣ счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ называемое «Полное собраніе сочиненій Крылова», изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся «Почта Духовъ», даже не вся та часть ея, которая въ этомъ изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще незадолго до того вполне безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ. Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась въ 40-хъ годахъ наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 году сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной нравоученіемъ:

Худя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Гротъ.

„Почта Духовъ“, „Зритель“, „С.-Петербургскій Меркурій“ и общественный характеръ ихъ сатиры.

«Что есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками».

«Зритель», 1792 года, ч. I.

Съ именемъ Крылова для cadaго изъ читателей связано представленіе о знаменитомъ русскомъ баснописцѣ, который, по словамъ князя Вяземскаго:

Забавою людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль.

И въ самомъ дѣлѣ, своими баснями Крыловъ поднялся на такую высоту, что біографъ его, Плетневъ, имѣлъ полное право замѣтить: «Крыловъ родился для насъ только въ сорокъ лѣтъ». И наша критика, не разъ касаясь литературной дѣятельности баснописца, останавливалась преимущественно на его позднѣйшемъ творествѣ — басняхъ. А между тѣмъ, простая сообразительность заставляла бы,

кажется, подумать, что писатель не может въ сорокъ лѣтъ до такой степени переродиться, чтобы начать новую дѣятельность, не имѣющую ничего общаго съ предшествующей. Другими словами: для уясненія мотивовъ басенъ необходимо обратиться къ его предшествующимъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что сатира была его конькомъ, той красной нитью, которая съ ранняго дѣтства до поздней старости отпѣчивала его произведенія. Можно сказать, что онъ только мѣнялъ форму ея. Начавъ съ аллегоріи въ прозѣ, съ журнальныхъ статей, онъ переходитъ къ комедіи и, наконецъ, къ баснѣ. Само собой разумѣется, что ранніе его труды—въ журналахъ—всего болѣе интересны, и къ нимъ мы, пользуясь удобнымъ случаемъ, и обратимся.

XVIII вѣкъ представляетъ небывалое явленіе по части журналистики. А. Н. Неустроевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ¹⁾ насчитываетъ и описываетъ 119 журналовъ, относящихся къ XVIII вѣку. Неудивительно, что молодой, увлекающійся Крыловъ, чувствовавшій призваніе къ литературѣ, охваченъ былъ, такъ сказать, журнальнымъ духомъ и, не находя притомъ никакого удовлетворенія въ скромной канцелярской работѣ, рѣшилъ посвятить себя дѣлу журнальному. Это рѣшеніе тѣмъ легче было привести въ исполненіе, что нашему писателю въ это время было не болѣе 20 лѣтъ. Познакомившись съ Рахманиновымъ²⁾, содержателемъ типографіи и издателемъ журнала «Утренніе Часы», Крыловъ, принимавшій участіе въ этомъ изданіи, порѣшилъ выступить, наконецъ, и съ собственнымъ журналомъ. Примѣръ Новикова былъ еще свѣжъ въ памяти, не забыть былъ еще и «Собесѣдникъ» Дашковой, въ которомъ принимала участіе сама Екатерина, но общій тонъ журнальной сатиры сталъ понижаться, и Крыловъ рѣшился насколько возможно его приподнять. Можетъ быть, сюда присоединились и меркантильныя соображенія, хотя ими довольно трудно было руководиться издателямъ журналовъ прошлаго вѣка, въ виду незначительнаго числа охотниковъ до чтенія.

Какъ бы то ни было, но въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1788 года отъ 15 декабря было помѣщено слѣдующее объявленіе³⁾: «Въ книжной лавкѣ книгопродавца Миллера, состоящей въ луговой Милліонной подъ № 77, раздаются безденежно печатныя объявленія съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго ежемѣсячнаго изданія, подъ заглавіемъ «Почта Духовъ», или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ воздушными, водяными и подземными духами, на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяць будущаго 1789 года». «Печатное

¹⁾ Историческое розысканіе др. поврем. изд., С.-Пб., 1875 года.

²⁾ О немъ Жихарева «Дневникъ чиновника», «Отеч. Зап.», 1855 года, 101, стран. 133.

³⁾ «С.-Пб. Вѣд.», 1788 года, № 100.

объявленіе» было приложено впоследствии къ первой книжкѣ новаго журнала, вышедшей въ январѣ 1789 года, и въ немъ издатель объявлялъ читателямъ свое *profession de foi* въ такихъ выраженіяхъ. «Секретарь недавно пріѣхавшаго сюда арапскаго волшебника Маликульмулька... симъ объявляетъ, что онъ по намѣренію и обѣщанію своему началъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина съ водяными, подземными и воздушными духами. Изданіе сіе будетъ очень любопытно для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ духи очень знающіе; *но только иные не любятъ крошечтвовъ, ростовщицковъ и лицемеровъ; а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства*. Уже изъ послѣднихъ словъ видно, какова должна быть программа новаго журнала, но читатель ошибся бы, если бы предположилъ, что Крыловъ только и рассчитывалъ повторять избитыя темы, наводнявшія изданія его литературныхъ предшественниковъ. Изъ слѣдующихъ словъ видно, что Крыловъ понималъ свою задачу гораздо шире, очевидно забывая совѣтъ Новикова, который, умудренный опытомъ, рекомендовалъ своимъ собратьямъ по перу—не разлучаться съ «женщиной, которая называется—Осторожностью»¹⁾. Двадцатилѣтній писатель проектировалъ слѣдующее: «духи бываютъ такъ дерзки, что посѣщаютъ въ самые критическіе часы комнаты щеголихъ, *присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемеровъ*» и т. д. Правда, Крыловъ укрылся за гномовъ и сильфовъ, которые писали ему письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ, но эта аллегорія, вызванная условіями времени, не притупляла, какъ увидимъ, ни на волосъ сатирическаго острія молодого писателя. Да и самая форма Крыловской аллегоріи была для читателя довольно прозрачна, такъ какъ практиковалась еще 20 лѣтъ назадъ. Въ 1769 году, въ самый разгаръ журнальной сатиры, Федоръ Эминъ выступилъ съ «Адской Почтой», гдѣ помѣщались quasi-адскія вѣдомости и переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. Въ свою очередь Эминъ былъ увлеченъ успѣхомъ во Франціи извѣстнаго романа Лесажа: «*Le Diable Boiteux*» (Хромой бѣсъ). Что же касается до вопроса, почему Крыловъ взялъ за образецъ—по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны—произведеніе очень посредственнаго писателя, то онъ рѣшается весьма просто. Во-первыхъ, Крыловъ былъ друженъ съ сыномъ Эмина²⁾, во-вторыхъ, въ 1788 году «Адская Почта» вышла 2-мъ изданіемъ³⁾, и, наконецъ, въ-третьихъ, немаловажнымъ поводомъ къ этому подражанію могло служить то обстоятельство, что Крыловъ съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ, помимо условій времени, тяготѣніе къ аллегоріи.

Но если Крыловъ подражалъ внѣшности Эминскаго изданія, то содержаніемъ своего журнала онъ далеко выдвигается изъ ряду лите-

¹⁾ «Живописецъ», л. 2, изд. 1864 года.

²⁾ Собрн. ст., чит. въ Акад. Н., 1869 года, т. 6.

³⁾ «На иждивеніе П. Б.» (Петра Богдановича).

ратурныхъ соратниковъ. Онъ уже не ограничивается картинкой нравовъ, указаніемъ людскихъ пороковъ и недостатковъ, онъ идетъ дальше, заглядываетъ глубже въ общественный организмъ и безбожно обнаруживаетъ тѣ причины, которыя ихъ вызывали. Эта черта Крыловской сатиры становится со временемъ все ярче, достигая, напр. въ «Зритель», своей твердости и полной рельефности.

Прежде всего Крыловъ является въ своемъ журналѣ горячимъ поборникомъ истиннаго просвѣщенія, благодѣтельную силу котораго онъ не разъ доказывалъ потомъ въ своихъ басняхъ. Отзываясь иногда съ ироніей о незавидномъ положеніи въ обществѣ пишущей братіи, онъ указываетъ недостатки самихъ писателей, которые зачастую забываютъ свои обязанности — сѣять добро и правду. Онъ искренно сожалѣетъ, что большинство ученыхъ руководится не прямыми цѣлями, а тщеславіемъ и славолубіемъ. Особенно возстаетъ онъ противъ обычая специалистовъ выхвалять и превозносить свою излюбленную науку и порицать и даже игнорировать всѣ другія отрасли знанія. «Ученые думаютъ—говоритъ Крыловъ—что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то черезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть большее почтеніе». Въ заключеніе своей справедливой тирады, Крыловъ, однако, проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что ихъ соревнованіе поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія¹⁾, притомъ же не всѣ ученые простираютъ свое рвеніе до крайнихъ предѣловъ.

Затронувъ вопросъ о сочинителяхъ, Крыловъ поднимаетъ завѣсу съ тѣхъ сочинителей, которые чужія произведенія выдаютъ за свои, напр. переводы съ иностранныхъ языковъ приписываютъ себѣ въ качествѣ оригинальныхъ произведеній. Критикъ спрашиваетъ у книгопродавца, отчего такъ мало хорошихъ книгъ? «Оттого, сударь — отвѣчаетъ тотъ—что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобы написать что-нибудь, но чтобы что-нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжды. Оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями стихотворцевъ»²⁾.

Трезвый умъ Крылова трудно уживался съ различными «бреднями» современныхъ ему лжеклассическихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ въ своихъ бездарныхъ «риемачествахъ» и «райскій кринь» и «небеса отверсты», и онъ не щадитъ тѣхъ описцевъ, которые изъ личныхъ выгодъ щедро сыпали лестью знатнымъ, тщательно закрывая глаза на бьющіе своей наготой пороки. Тѣ же недостатки замѣчаетъ Крыловъ и въ трагедіи, которую осмѣиваетъ довольно ядовито: «авторъ, который имѣетъ терпѣніе набрать изъ разныхъ мѣстъ большую тетрадь стиховъ, думаетъ — говоритъ «неугомонный критикъ» — что онъ уже исполнилъ всѣ правила, если поставилъ надъ

¹⁾ «Почта Духовъ», ч. II, письмо 40.

²⁾ Ibid., п. 30.

этимъ собраніемъ стиховъ въ красной строкѣ: «Трагедія» и потомъ раздѣлилъ на пять равныхъ долей, которыя назвалъ «дѣйствіями»¹⁾. Надо признаться, что врядь ли можно сыскать болѣе рѣзкій и въ то же время болѣе правдивый приговоръ лжеклассической пятиактной трагедіи, которой такъ гордился, напр. Сумароковъ, гордо заявлявшій, что онъ «Расиновъ театръ явилъ Россамъ».

Если въ литературѣ возможны были такія явленія, какъ плагиатъ и появленіе бездарныхъ произведеній въ печати и на сценѣ, которымъ иногда публика аплодировала «метаніемъ кошелековъ», то, очевидно, общество было довольно беззаботно относительно литературы. А тамъ, гдѣ отсутствуетъ умственное развитіе, и нравственное не должно быть особенно высоко. Крыловъ и указываетъ на два-три портрета, которые, встрѣчаясь и ранѣе въ журналахъ, являются въ «Почтѣ Духовъ» гораздо отчетливѣе и яснѣе, чѣмъ прежде. Одна изъ «щеголихъ», не забытыхъ Крыловымъ, говоритъ слѣдующее: «каковъ бы женихъ невѣстѣ ни казался, но недѣлю спустя послѣ свадьбы, навѣрное, всякій мужчина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа»²⁾. Неудивительно, что, при такихъ возрѣніяхъ на мужа, молодья «вѣтреницы» — *Безстыды* да *Неотказы* — заботятся о присканіи себѣ такихъ простачковъ, «которые бы назывались мужьями, но отнюдь не вмѣшивались въ ихъ дѣла». Чтобы сатира была яснѣе, Крыловъ заключаетъ обрисовку портретовъ собственными разсужденіями о послѣдствіяхъ, къ которымъ приведуть въ недалекомъ будущемъ подобные браки.

Не меньшей яркостью отличается и портретъ «петиметра», прошедшаго полный курсъ салонной педагогики у господъ французовъ, собирающихъ съ «просвѣщенныхъ туземцевъ» такую тяжкую дань, «какой не собиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей». Таковъ, напр., графъ Припрыжкинъ.

Этотъ 20-лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми радуется родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. п. Тѣмъ не менѣе для него «окромѣ честности есть множество наградъ»: во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничтожное его словцо считаютъ за остроуту; если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, терпѣливо ожидая, когда онъ откроетъ причину своего смѣха. Развѣ не прозорливо угадываетъ эта характеристика появленіе въ будущемъ такого петиметра новѣйшей формаціи, какъ Евгенийъ Онѣгинъ, о которомъ на основаніи одной внѣшности

Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ?

¹⁾ «Почта Дух.» , ч. II, стран. 128.

²⁾ Ibid., стран. 103.

Но эти жанровыя картинки совершенно блѣднѣютъ передъ смѣлыми набросками общественныхъ язвъ, которыя, несмотря на аллегорическій способъ изображенія, до поразительности ясны и очевидны. Мало того, Крыловъ уже тѣмъ опережаетъ своихъ собратьевъ по перу, что его сатира направлена *не на лица*, а на пороки, и его изображенія являются типическими, что составляетъ крупное превосходство писателя. Тотъ дидактизмъ, который такъ ясенъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Крылова—въ басняхъ—достаточно оформился и отлился и въ «Почтѣ Духовъ». «Надлежало бы — говорить онъ въ концѣ изданія—поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти». Во имя этого, сознаннаго очень рано, призванія—поучать другихъ—Крыловъ ведетъ свои обличенія общественныхъ золь. Вотъ что говоритъ онъ по поводу неправильнаго и несправедливаго судопроизводства. «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что, наконецъ, оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому, однакожъ, даны самыя честныя виды, одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семь хранитъ умѣренность: *украденное яблоко можетъ стоить головы, а миллионы золота принесутъ уваженіе*¹⁾. До такой прямоты и откровенности, надо признаться, никогда не доходила сатира Новикова, даже въ свои лучшіе дни. А вотъ какую сцену видѣлъ, на примѣръ, сатирикъ въ судѣ. Одного бѣдняка за кражу платка правдолюбивые судьи приговорили повѣсить. Несчастный объяснилъ, что онъ, имѣя врожденный талантъ къ живописи, усовершенствовался за границей въ искусствѣ, рассчитывая найти на родинѣ безбѣдное существованіе. Но живопись никому не нужна, и художнику грозила голодная смерть,—онъ рѣшился на кражу. «Итакъ, рассмотрите теперь,—обращается къ судьямъ,—я ли виновенъ, что *по необходимости* прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Въ это время вошелъ въ залу пышно-одѣтый господинъ, передъ которымъ судьи встали и попросили его сѣсть. Этотъ господинъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, выкупилъ великодушно художника и предложилъ ему *разрисовать паркетъ въ своей передней?* «Кто это?» — спросилъ сатирикъ у одного изъ публики. — «Это одинъ преступникъ, — отвѣчалъ тотъ на ухо,—который судится въ похищеніи и грабительствѣ. На него

¹⁾ «П. Дух.», ч. I, 12.

донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ и разграбилъ цѣлую врученную ему область». Но бывшій воръ уже оправданъ правосудіемъ, и это ему стоило всего милліонъ, а передъ обществомъ онъ рассчитываетъ оправдаться различными дѣлами милости и пожертвованіями на благотворительныя учрежденія. «Что сходить съ рукъ ворами, за то воришекъ бьютъ», скажетъ въ послѣдствіи, не обинуясь, Крыловъ въ послѣсловіи къ баснѣ «Вороненокъ».

Другая слабая сторона Крыловскаго времени — фаворитизмъ и протекція — нашли себѣ также достойное мѣсто въ «Почтѣ Духовъ». Сатирикъ указываетъ на ту роль, которую играли женщины при особѣ сильныхъ міра. «Женщины играютъ въ политикѣ не малую роль: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хоть ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значать, но очень ошибешься и, посмотри хорошенько, увидишь, что мужчины ни что иное, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители тѣхъ предприятий»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Крыловъ выводитъ придворнаго, который довольно цинично высказываетъ, что ради денегъ онъ можетъ сдѣлать, что угодно. «Другъ мой, — обращается онъ къ хозяину дома, — *изъ дружбы къ тебѣ я не совѣтуюсь занимать у тебя деньги, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дай мнѣ въ руки 20 тыс., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору; *сколь же такое состояніе блистательно*, — заставляеть острить вельможу Крыловъ, — ты самъ это знаешь»²⁾.*

Отсутствіе нравственныхъ принциповъ, господствовавшее во всѣхъ слояхъ общества, не могло не возмутить такого серьезнаго наблюдателя русской жизни, какимъ являлся и въ сатирѣ и въ басняхъ Крыловъ. Доискиваясь причинъ этого легкомыслія, онъ видитъ ихъ въ отсутствіи правильнаго взгляда на воспитаніе, въ стремленіи къ внѣшнему лоску, какъ высшему благу безпечальнаго житія. Изъ массы примѣровъ этой безпринципности, стоящей въ тѣсной связи съ отсутствіемъ правильнаго воспитанія, приведу исповѣдь судьи Тихокрадова, откровенно объясняющаго преимущества своего положенія. «Я могу сказать, — говоритъ этотъ типичный представитель русскихъ людей XVIII вѣка, — что службѣ моей обязанъ знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 тысячъ; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ, — продолжаетъ откровенничать судья, — имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая

¹⁾ «П. Дух.», ч. II, 34; сравн. «Зритель», 1792 года, сентябрь, стран. 63.

«П. Дух.», ч. I, письмо 11.

себя видимой опасности, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить имъ, и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи примешь. Сверхъ сего статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ той только разницей, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете — заканчиваетъ сатирикъ, — что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что *въ свѣтъ обыкновенія столь же сильны, какъ и самыя законы*¹⁾. Хорошо зная общественные недостатки и пороки, Крыловъ, подобно Карамзину, полагалъ, что писатель долженъ жить въ кабинетѣ, и только заглядывать въ общество. И если его станутъ считать за это «мизантропомъ», то онъ, по крайней мѣрѣ, убережетъ себя отъ заѣдающей человѣка пошлости и сохранитъ душу-живу, что для него должно быть дороже всего. Такой человѣкъ, не будучи связанъ никакими узами, отважно подниметъ знамя правды и смѣло рѣшится высказать въ глаза истину. «Если бы при дворахъ государей, — говоритъ Крыловъ, — находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастье послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая голосу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа. *Ничто*, — сказали бы они, — *не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины*²⁾. Эти слова для насъ особенно дороги, потому что они указываютъ взглядъ Крылова на задачи честной печати, которая, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, не зря на лица, должна была, — по выраженію Державина: «истину царямъ съ улыбкой говорить». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой тирадѣ нельзя не видѣть скорбнаго вопля писателя на отсутствіе среди его современниковъ дѣйствительно честныхъ, правдивыхъ людей, проникнутыхъ горячей любовью къ добру и свѣту, которые бы не задумались принести свои личные интересы въ пользу общественныхъ, широко проповѣдуя въ обществѣ высокіе и гуманные принципы. Что именно такъ смотрѣлъ юношески неопытный Крыловъ на дѣло, ясно видно изъ разсужденія его: «Кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи»³⁾.

«Великая разность, — говоритъ онъ, — между честнымъ человекомъ, почитающимся таковымъ между философами, и между честнымъ человекомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній часто не

1) «Почта Дух.», ч. I.

2) «П. Дух.», ч. I, письмо 4.

3) «П. Дух.», ч. II, письмо 24.

что иное, как хитрый обманщикъ или человѣкъ, который, хотя никому не дѣлаетъ зла, однакожь и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія. *Истинно-полезному человеку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всякъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе*. Переходя къ отдѣльнымъ сословіямъ, Крыловъ говоритъ слѣдующее: «Въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ ихъ подробное разсмотрѣніе». Но съ принципіальной или, по выраженію Крылова, съ философской точки зрѣнія этого мало. «Судья, хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ, когда безпристрастіе заставитъ его почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать несправедливаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. *Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человека, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними!* И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей ихъ гораздо бы поуменилось», заключаетъ сатирикъ, на горькомъ опытѣ извѣдавшій, какъ мало среди его современниковъ было дѣйствительно честныхъ людей, настоящихъ работниковъ на пользу общую. И въ этомъ отношеніи молодого писателя никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ пессимизмъ или утрировку. Надо припомнить, что Фонвизинъ лучшимъ эпитетомъ для самой Екатерины считалъ имя «честный человѣкъ», слѣдовательно, этотъ эпитетъ былъ явленіемъ довольно рѣдкимъ въ примѣненіи къ конкретному случаю.

Отсутствіемъ честности объясняетъ сатирикъ и стремленіе людей его времени жить на счетъ другихъ и беззащѣтное раззореніе крестьянъ любящими роскошь помѣщиками. Господину нужно жениться, а для этого необходимы расходы, которые обязаны покрыть его крестьяне. Въ одну минуту онъ посылаетъ приказъ: собрать съ 400 душъ 80 тысячъ рублей въ теченіе года. Мужички, не надѣясь на хлѣбопашество, бредутъ въ городъ, и здѣсь начинается своеобразный обмѣнъ труда и капитала. Въмѣсто бороны и сохи берутъ они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками и разносчиками; днемъ работаютъ, а чтобы лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его по ночамъ съ прохожихъ. Отъ такихъ незваныхъ гостей происходитъ постепенное повышеніе цѣнъ на разные предметы необходимости. Къ концу года крестьяне возвращаются домой и приносятъ господину 80 тысячъ, а на 10 тысячъ покупаютъ хлѣба, котораго столоваться мало до будущаго года. «Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну; а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтен-

ною невѣстой, которая съ своей стороны приноситъ щегольствомъ такую же пользу государству»¹⁾.

Изъ нашего бѣглаго обзора статей перваго Крыловскаго журнала читатель, думается, вполне убѣдился въ сильномъ сатирическомъ талантѣ будущаго баснописца. И тѣмъ не менѣе въ разныхъ мѣстахъ изданія не разъ попадаются жалобы Крылова на равнодушіе публики къ его дѣтищу. Такъ, наприимѣръ, онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ большомъ свѣтѣ «почитаются невѣжествомъ не знать именъ современныхъ писателей, но читать ихъ произведенія считается потерей времени, а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ, ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожь, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые»²⁾. Равнодушіе публики, сгубившее не одинъ журналъ въ XVIII вѣкѣ, было причиной того, что «Почта Духовъ» не дождала даже до конца года и закончила свое существованіе августовской книжкой и въ томъ году продавалась за весь годъ по 1 руб. 80 коп., хотя годовая подписка была объявлена въ 5 рублей³⁾. Но, несмотря на это равнодушіе (журналъ имѣлъ 80 подписчиковъ) можно по нѣкоторымъ намекамъ догадаться, что стрѣлы Крылова попадали въ цѣль и съ этой точки зрѣнія крыловская «проба пера» сослужила свою службу обществу. Что «Почта Духовъ» не осталась незамѣченной, видно изъ того, что черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1802 году, она была перепечатана вторымъ изданіемъ. Что же касается до самого Крылова, то «Почта Духовъ» для него лично имѣла огромное значеніе; будучи, по словамъ Грота, школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, она укрѣпила его гражданское мужество, закалила на борьбу, дала увѣренность въ силѣ и завязала его связи съ обществомъ, которое черезъ нѣсколько десятилѣтій уже не могло отдѣлать баснописца отъ себя, — до такой степени личность Крылова тѣсно срослась съ русскимъ обществомъ. Такимъ образомъ, лично издатель не могъ не вынести удовлетворенія отъ своей дѣятельности и, черезъ три года возобновивъ ее, началъ издавать «Зритель». Къ разбору этого журнала мы и перейдемъ теперь.

Нельзя не замѣтить прежде всего, что новый журналъ поставленъ былъ Крыловымъ солиднѣе перваго. Въ числѣ сотрудниковъ былъ А. И. Клушинъ, впоследствии соиздатель Крылова, писавшій «много весьма изрядныхъ лирическихъ стихотвореній, кои печатаны были въ разныхъ журналахъ»⁴⁾, нѣсколько комедій, оперъ и романъ «Вертеровы чувствованія», Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ⁵⁾, къ сожалѣнію, не подписывавшіе своихъ статей. Въ началѣ первой книги было помѣщено слѣдующее «Введеніе».

1) «П. Дух.», ч. I, стр. 9 и 17.

2) «П. Дух.», ч. I, 9.

3) «С.-Пб. Вѣд.», 1789 года, № 79.

4) М. Евгеній. «Словарь свѣт. пис.», 287

5) «Письма Карамзина къ Дмитріеву». С.-Пб. 1886 года.

«Пускай читатели представляют челоѡка, который любопытнымъ взоромъ смотритъ на все и дѣлаетъ свои примѣчанія; сей-то во-ображаемый Зритель позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію, *не дерзая ни мало касаться личности*; подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуетъ челоѡка во всѣхъ пра-вилахъ естества, но ничьего прямо лица не изображаетъ. Право пи-сателя представлять пороки во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ правомъ вознамѣрился воспользо-ваться Зритель». По предложенной въ томъ же предисловіи про-граммѣ, въ журналѣ предполагалось помѣщать прозу и стихи, ори-гинальныя статьи и переводныя, и въ каждой изъ 12 книжекъ есть то и другое.

Первое мѣсто въ новомъ журналѣ занимаетъ, по прежнему, алле-горія, которою покрыты лучшія произведенія «Зрителя» — «Ночи» и восточная повѣсть «Кайбъ», принадлежащія перу Крылова. Но ря-домъ съ этими, такъ сказать, замаскированными статьями мы встрѣ-чаемъ и откровенную сатиру, въ родѣ: «Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ», «Мысли философа по модѣ» и «Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ». Всѣ эти статьи опять-таки имѣютъ значеніе сатиры на нравы, и авторъ ихъ обнаруживаетъ недюжинный литера-турный талантъ и полное остроуміе, приправленное здоровымъ юмо-ромъ. Кайбъ былъ восточный государь и слава его наполняла всю вселенную. Богатства его были неисчерпаемы; дворець былъ обне-сенъ тысячею яшмовыхъ столбовъ; окна были новѣйшаго фасона, въ каждомъ по одному стеклу, которыя были такъ тверды, что «по-татчики мужья не въ состояніи были бы прошибить ихъ лбомъ». Внутренность дворца строго гармонировала съ его внѣшностью. Мно-гія комнаты были украшены живописью, и надо отдать справедливость Кайбу, что хотя не пускалъ онъ ученыхъ во дворець, но изображенія ихъ дѣлали не малое украшеніе его стѣнамъ. Правда, стихотворцы его были бѣдны, но Кайбъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатыхъ платьяхъ, ибо онъ старался всячески поощрить науки. И подлинно, — острить сатирикъ, — не было въ Кайбовомъ владѣніи ни одного стихотворца, который бы не завидовалъ своему портрету. Внутреннія комнаты его убраны были такими коврами, что величайшіе цари пріѣзжали играть на нихъ шемелой и приказывали историографамъ записывать это въ число своихъ величайшихъ подвиговъ. Въ нѣкоторыхъ ком-натахъ рѣзвились обезьяны на золотыхъ цѣпочкахъ и кривлялись съ такой любезностью, что искуснѣйшіе придворные ставили за честь у нихъ перенимать; а не рѣдко по слабости своей выдумки обезьянъ выдавали за свои¹⁾. Тысячи попугаевъ говорили въ клѣткахъ скоро-постижные вирши и были краснорѣчивѣе тогдашнихъ академикомъ,

¹⁾ «Полное собр. соч. Крылова», т. I, 191—193.

хотя академія Каибова почиталась первою на свѣтѣ, потому что ни въ какой академіи не было такого богатаго набора плѣшивыхъ головъ, какъ у него. Но, несмотря на всю эту роскошь, несмотря на рядъ праздниковъ (календарь Каибовъ былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были тамъ рѣже, нежели именины Касьяновъ), громаднѣйшій сераль, составленный изъ рѣдкой красеты дѣвушекъ не старѣе 17 лѣтъ, — Каибъ чувствовалъ какое-то неопредѣленное желаніе и томящую вѣчно тоску. Чтобы сколько-нибудь развлечься, Каибъ рѣшилъ предпринять путешествіе по странѣ и предварительно хотѣлъ посовѣтоваться съ своимъ Диваномъ. Надо замѣтить, что Каибъ ничего не начиналъ безъ его согласія. Но такъ какъ онъ былъ миролюбивъ, то для избѣжанія споровъ всѣ свои рѣчи начиналъ такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ его свободно объявить: въ ту же минуту получить онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы рассмотримъ его голосъ». «Мнѣ надобны визирѣ, — любилъ говаривать этотъ правдивый правитель, — у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пятоть, ничего не начиналъ»¹⁾. Уже по этому началу видно, что легкая, шутливая сатира Крылова дѣлается въ новомъ изданіи каралоющей, серьезной, выходя изъ круга повседневныхъ мелочишекъ и поднимаясь на высоту политическихъ обличеній. И если намъ, отодвинутымъ отъ «Зрителя» на сотню лѣтъ, довольно трудно истолковать истинный смыслъ каибовскихъ приключеній, то характеристика членовъ Дивана до извѣстной степени даетъ намъ понятіе о тѣхъ реальныхъ фактахъ, которые, несомнѣнно легли въ ея основу. Нѣтъ сомнѣнія, что Крыловъ былъ близокъ къ натурѣ, давая такую характеристику каибовыхъ совѣтниковъ. «Калифъ былъ расчетливъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ онъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки, по крайней мѣрѣ, столько же нужны, какъ и умные люди. Вотъ причина, что и Диванъ Калифа былъ изобилень дураками»²⁾.

Характеристика отдѣльныхъ визирей Каиба поражаетъ своей мѣткостью и наблюдательностью. Главнымъ достоинствомъ одного изъ нихъ, Дурсана, была длинная по колѣни борода, которой онъ вполнѣ основательно гордился. Когда же при дворѣ калифа бывалъ праздникъ, онъ наряжался пышнѣе всѣхъ женщинъ, а въ случаѣ безсонницы Каиба рассказывалъ ему сказки. Тѣмъ не менѣе длиннородый вельможа былъ о себѣ весьма высокаго мнѣнія и предлагалъ себя замѣстителемъ государства на время отъѣзда Каиба. Другой, Ослахидъ, носилъ бѣлую чалму, которую надѣли ему, какъ потомку Магомета, при рожденіи и которая давала ему *eo ipso* право на высшія почести. Правда, что

Ibid., 203.

²⁾ Loco cit. 214 и 215.

голова его не знала, какъ она попала подъ бѣлую чалму, дающую право на такія почести, но вельможа не унывалъ, и все свое счастье полагалъ въ роскошной жизни. Третій, Грабилей, былъ сынъ сапожника, но «прискуча видѣть съ младенчества трудную работу отца», задумалъ блистать въ свѣтѣ и искалъ способовъ «какъ бы современемъ разувать тотъ народъ, который отецъ его обувалъ съ такимъ успѣхомъ». Поступивъ въ гражданскую службу, онъ дралъ съ однихъ, чтобы передавать другимъ, былъ замѣченъ начальствомъ, какъ исправный служака, и сдѣланъ былъ кадиємъ. Весьма скоро Грабилей достигъ вершины счастья: онъ сталъ изъ числа тѣхъ немногихъ людей, «которые снабжены способами утѣнять бѣдныхъ и получать удавку изъ рукъ самого султана».

Нѣтъ надобности послѣ характеристики этихъ совѣтниковъ Каиба приводить ихъ мнѣнія по поводу затруднительныхъ обстоятельствъ государства и правителя. Помимо своего прямого назначенія повѣсть «Каибъ» имѣетъ въ виду выставить и иные недостатки ея времени. Остановимся на необыкновенно мѣткой характеристикѣ лжеклассическихъ поэтовъ, передъ которой въ силу ея простоты и безыскусственности меркнутъ нападки другихъ писателей. На изумленіе калифа, какъ можно хвалить человѣка, если онъ того не заслуживаетъ, авторъ торжественныхъ одъ съ развязностью, достойной нашихъ дней, отвѣчаетъ: «Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣ всякое имя вставить можно было. Въ одѣ можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно, и нѣтъ визиря, который бы описаніе всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы». Вотъ прототипъ той морали, которую сжато формулировалъ позже Крыловъ въ баснѣ «Ворона и Лисица»: «и въ сердцѣ льстецъ всегда отыщеть уголокъ».

Въ сказкѣ «Ночи» происходитъ на пирушкѣ у бога Момуса споръ между *Днемъ* и *Ночью*, кто изъ нихъ видитъ болѣе людскихъ безобразій, и богиня Ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что случается въ время ея владычества. Весь рассказъ здѣсь сводится къ похожденіямъ молодыхъ женщинъ, обманывающихъ довѣрчивыхъ мужей, но одно мѣсто выдѣляется изъ всей повѣсти, давая намъ понятіе объ одномъ общественномъ злѣ прошлаго вѣка, на которое, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ указаній въ другихъ изданіяхъ того времени. «Честныя француженки нерѣдко доставляютъ молоденькимъ дѣвушкамъ случай видѣться съ своими любовниками, и за это берутъ порядочную пошлину. Этого мало: онѣ держатъ у себя въ лавкѣ много молодыхъ ученицъ, съ тѣмъ, чтобы приманивать волокитъ, и мнимою строгостію и препятствіями своимъ дѣвушкамъ увеличиваютъ желанія воздыхателей; а когда увидятъ, что надобная минута наступила и кошелекъ любовника тугъ, тогда изъ-подъ руки даютъ своимъ дѣвушкамъ согласіе на побѣгъ, и такимъ образомъ

вдругъ получаютъ и деньги и остаются съ добрымъ именемъ: ибо такихъ похищеній не смѣютъ приписывать на ихъ счетъ, видя, что онѣ сами болѣе всего за то шумятъ и жалуются¹⁾.

«Рѣчь», говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ²⁾, напоминаетъ намъ вновь лучшія страницы «Почты Духовъ» художественными характеристиками и мѣткостью сатиры. Съ ужасомъ вспоминая о томъ «варварскомъ» времени, когда молодой человѣкъ съ перваго слова обнаруживалъ свое невѣжество въ наукахъ, ораторъ обращаетъ вниманіе своихъ «просвѣщенныхъ» слушателей на молодежь его времени, въ какія счастливыя условія она поставлена. «Теперь молодой человѣкъ, желающій слыть ученымъ, не имѣетъ большой нужды въ грамотѣ: за недостаткомъ своего ума можно имѣть у себя на полкахъ тысячи чужихъ умовъ, переплетенныхъ въ сафьянъ и въ золотомъ обрѣзѣ, и этого уже довольно, что бы перещегоолять своей славой лучшаго академика». И чѣмъ дальше, тѣмъ сатира становится ядовитѣе, злѣе, хотя въ то же время иронія все совершенствуется и дѣлается тоньше и умнѣе. «Стоитъ намъ только взглянуть другъ на друга, чтобы видѣть истину моихъ доказательствъ — говорить повѣса — и почувствовать выгоду нашего состоянія, приманчиваго для человѣка. Были дерзкіе писатели, которые утверждали, что петиметры ниже человѣка и причисляли ихъ къ животнымъ. Безумцы! они не примѣтили, что такимъ заключеніемъ дѣлали нашу славу. Согласимся, что петиметръ не человѣкъ; но если онъ скотъ, то во всякомъ случаѣ умнѣ всякой скотины. Такъ не лучше ли быть первымъ между скотами, нежели послѣднимъ между людьми, — и это-то лестное первенство получили мы въ нынѣшній вѣкъ, и оно-то посѣяло ядъ зависти въ безпокойныхъ сердцахъ и вооружило на насъ сатиру, или лучше сказать, пасквиль, покушающійся сдѣлать щеголя жалкимъ въ большомъ свѣтѣ, гдѣ играетъ онъ первое забавное лицо». Въ той же «рѣчи» находимъ мы любопытное указаніе на крайнюю щепетильность и обидчивость общества, которое готово было во всякой сатирической статейкѣ усматривать намекъ на себя и приходивъ въ благородное негодованіе, грозясь на зеркало, что «рожа крива». Изъ описанія дѣйствій нѣкоего Таранула, задѣтаго сатирой, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе, при этомъ, о незавидной роли писателя, на котораго ополчался за справедливыя обличенія старъ и младъ, потому что у всѣхъ безъ исключенія «рыльце было въ пуху». Этотъ господинъ (а такихъ была, разумѣется, масса) оцущью «по рогамъ» узналъ свой портретъ «и сталъ разсѣвать, подобно Бомаршеву Базилію, зловердые на сатиру толки, и тамъ, гдѣ говорятъ о пуговицахъ, доказываетъ, что обличается чье-нибудь лицо; тамъ, гдѣ бранятъ пьянство, онъ силится доказать, что оскорбляютъ честь; а тамъ, гдѣ осмѣи-

¹⁾ Op. cit. 269.

²⁾ «Зритель», ч. II, май.

вають податливаго мужа, торгующаго рогами, онъ силится увѣрить, что оскорбляютъ добродѣтель и человѣчество». Помимо личныхъ наметокъ, которыхъ, быть можетъ, не чужды были эти строки, онъ для насъ интересенъ, какъ характеристика отношеній общества къ писателю, которое всякій разъ волнуется и возмущается, когда его, дѣйствительно, задѣнутъ за живое и ясно докажутъ, что его «святое святыхъ», за которое онъ готовъ распинаться, не иное что, какъ Авгіевы конюшни, нуждающіяся въ заботливомъ и быстромъ переустройствѣ и вычищеніи. Такъ было позже съ Гоголемъ и на нашей памяти съ Щедринымъ, и этотъ протестъ узнавшихъ въ сатиру себя, разумѣется, лучше всего говорить въ пользу автора, его таланта и умѣнья тонко и больно уколотъ человѣка подъ мягкой и приличной формой сатиры на порокъ. Это умѣнье, не всегда удававшееся сатирикамъ XVIII вѣка, вполне удалось Крылову, и въ этомъ, я думаю, можно искать причинъ недолговѣчности его изданій.

Перехожу къ знаменитой «Похвальной рѣчи моему дѣдушкѣ», которая одна, и съ литературной и съ публицистической точки зрѣнія, могла бы создать неувыдаемую славу нашему сатирику. Какъ въ лучшей панорамѣ проходить въ этомъ произведеніи вся жизнь помѣщиковъ средней руки не только прошлаго, но и доброй половины XIX вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ, изображая *одно* лицо, Крыловъ сумѣлъ до такой степени сгруппировать и освѣтить типичнѣйшія черты цѣлаго класса людей, что читатель на нѣсколькихъ страницахъ имѣетъ передъ собою превосходную жанровую картинку «добраго стараго времени», безъ указанія на лица, безъ всякой утрировки и какой бы то ни было затаенной мысли. Художественный объективизмъ достигаетъ здѣсь своего апогея и обнаруживаетъ въ авторѣ недоужинное дарованіе, заставляя читателя глубоко сожалѣть, что различныя обстоятельства не позволили Крылову совершенствоваться на почвѣ чистой сатиры, не прикрытой никакой аллегоріей.

Милый дѣдушка — по словамъ оратора — былъ страстнымъ охотникомъ и въ одну изъ охотъ сломалъ себѣ шею, свернувшись въ ровъ вмѣстѣ съ своей любимой лошадыю. Но помимо главнаго дарованія, онъ имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ дворянину. Онъ показалъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ два-три раза съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдается величайшій постъ, и такимъ искусствомъ гостямъ дѣлалъ пріятныя нечаянности.

«Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертыю, но — какое пріятное удивленіе! — садясь за столъ, на-

ходили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, тѣни котораго не было въ его благодѣяніяхъ. Искуснѣйшіе не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ».

Порѣшивъ въ принципѣ, что дворянинъ долженъ «одной породой» отличаться отъ остальныхъ смертныхъ и что лучше признать праотцемъ осла, нежели быть равнаго со слугами происхожденія, помѣщикъ гордится тѣмъ, что у него много знатныхъ предковъ и заслуги отцовъ и дѣдовъ безцеремонно приписываетъ себѣ для большаго престижа. «Чѣмъ блистательнѣе и древнѣе отъ насъ знаменитый предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство», говоритъ авторъ «Рѣчи». Благородная порода сказывается, впрочемъ, въ ребенкѣ такъ рано, что нечего ходить далеко за ея доказательствами. «Дѣдушка» еще на пятомъ году своего возраста примѣтилъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ «перекусать и перещарапать», когда ему угодно. Не дальше, чѣмъ въ области нравственности, ушелъ герой нашъ и въ области науки. Когда его выучили читать, отецъ порѣшилъ, что учиться большому — неприлично. «Стыдись знать болѣе, ты у меня будешь знатный, такъ не пристойно читать тебѣ книги». Сомнѣвающимся въ этой характеристикѣ образованія прошлаго вѣка могутъ въ запискахъ Данилова и Добрынина найти неопровержимыя доказательства ея правдивости.

Съ этихъ поръ любимой книгой нашего героя сдѣлалось сочиненіе Руссо о вредѣ наукъ, но и ее не читалъ онъ, и лишь указывалъ на нее и имѣлъ ее всегда подъ руками для вразумленія невѣждъ, которые полагали силу въ наукѣ. Какъ проходилъ службу этотъ достойный родоначальникъ «скучающихъ россиянъ» — распространяться не будемъ, не будемъ говорить и о томъ, какъ жилъ онъ въ столицѣ, моталъ деньги и, наконецъ, промотался до послѣдней крайности. Все это не ново и обстоятельно извѣстно изъ сатирическихъ и изъ историческихъ произведеній XVIII вѣка. По счастью, наканунѣ полнаго разоренія, въ ту минуту, когда для него всѣ двери были закрыты, кромѣ дверей долговой тюрьмы, онъ получилъ наслѣдство и уѣхалъ въ деревню. Почувствовавъ вновь свободу, онъ занялся своими крестьянами, началъ заботиться объ ихъ нуждахъ и оберегая ихъ посѣвы отъ «трусливыхъ грабителей» зайцевъ, обрилъ своей охотой такъ чисто крестьянскія земли, что на нихъ нельзя было уже укрыться не только зайцу, но даже и мыши. Чтобы окончательно вытѣснить опаснаго врага, онъ вырубилъ и продалъ всѣ принадлежавшіе ему лѣса и окончательно пустилъ по мѣру своихъ крестьянъ.

Въ этой превосходной картинкѣ помѣщичьяго хозяйничанья нѣтъ, разумѣется, ничего новаго, чего бы не сказали предшественники Крылова. Но заслуга послѣдняго состоитъ въ томъ, что указывая эту язву, Крыловъ указываетъ ея, такъ сказать, органическое развитіе: главное зло нечеловѣчныхъ и даже безчеловѣчныхъ отношеній сильныхъ къ слабымъ заключается, по его мнѣнію, въ отсут-

ствіи нравственныхъ принциповъ, въ полнѣйшемъ непониманіи долга, что, въ свою очередь, имѣетъ ближайшую причину въ ненормальности воспитанія и отсутствіи умственного развитія. Эта жанровая картинка, написанная очень бойко и живо, является горячимъ протестомъ противъ невѣжества, которымъ одинаково были поработаны и сторонники «старинны зачадѣлой» и люди, вкусившіе на ходу отъ плода европейской цивилизаціи. Сквозь эту, повидимому, веселенькую эпопею ясно просвѣчиваетъ гражданская скорбь, скорбь о поруганномъ человѣческомъ достоинствѣ, страстное негодованіе на произволъ и грубое насиліе, царящіе въ непребродившемъ еще обществѣ, идущемъ въ полутьмѣ и не видящемъ слабаго свѣточа, который брезжится вдали въ видѣ научнаго знанія и твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Эти «невидимыя слезы» сквозь «видимый міру смѣхъ», несомнѣнно, знаменуютъ собой умственный и нравственный ростъ лучшихъ представителей русской литературы, характеризуя послѣднюю, какъ нарождающуюся силу, съ которой въ недалекомъ будущемъ придется считаться русскимъ «межеумкамъ» и «вѣтреникамъ». А это уже важный шагъ впередъ, и Карамзинъ черезъ нѣсколько лѣтъ уже свободно (не въ формѣ сатиры) заговорилъ о необходимости реформировать воспитаніе въ связи съ реорганизаціей семейной обстановки, такъ вліяющей на дѣтей¹⁾.

Къ сожалѣнію, блестящія статьи Крылова были его «лебединой» сатирической пѣсню. «Зритель» издавался 11 мѣсяцевъ и въ слѣдующемъ году превратился въ «С.-Петербургскій Меркурій», который знаменуетъ полнѣйшій упадокъ крыловской сатиры. Остротѣ сатиры здѣсь въ сильной степени вредятъ личныя нападки, которымъ отдаль данъ талантливый писатель. Такъ, напримѣръ, «Похвальная рѣчь Ермалафиду», безъ сомнѣнія, имѣла бы большее значеніе, если бы не такъ замѣтна была здѣсь сатира на Карамзина, съ которымъ рѣшительно расходился Крыловъ, не понимавшій, да въ силу особенностей своего воспитанія и развитія и не могшій понять его.

Объ этой непріязни Карамзинъ замѣтилъ въ письмѣ къ Дмитріеву: «Итакъ, Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманскій не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе!»²⁾.

Подведемъ теперь итогъ нашимъ экскурсіямъ въ область Крыловскихъ журналовъ.

Если мы сравнимъ дѣятельность Крылова на поприщѣ обличенія нравовъ съ дѣятельностью его предшественниковъ и собратьевъ по оружію, то, отдавая имъ должное, мы должны признать первую роль за Крыловымъ. Чѣмъ-то молодымъ, увѣреннымъ вѣтъ отъ произведеній нашего писателя, еще не искушеннаго жизненнымъ опытомъ и потому рѣшительно поднимающаго Ювеналовъ бичъ и грозно и властно кричащаго: quos ego!

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» 1802 г., № 12, «Пріятные виды, надежда и желаніе нынѣшняго времени».

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб., 1889 г., стран. 33.

Отдаваясь всецѣло журнальной дѣятельности и выбравъ для своихъ благородныхъ цѣлей сатиру, Крыловъ твердо вѣрить въ великую силу печати, упорно борется, создаетъ и отстаиваетъ себѣ положеніе, терпитъ не разъ крушеніе, снова собирается съ новыми силами, снова выходитъ на борьбу со зломъ во имя непреложныхъ истинъ, снова падаетъ, снова подымается, и только тогда выходитъ изъ борьбы, когда у него окончательно истощаются силы, не нравственныя, конечно, а матеріальныя, потому что нельзя было вести журналъ, даже при даровыхъ сотрудникахъ, имѣя всего на всего 170 подписчиковъ, напримѣръ на «Зритель». Равнодушіе публики, этого набалованнаго капризнаго дитяти, отсутствіе въ обществѣ интереса къ печатному слову, погубили журнальную дѣятельность Крылова, какъ губили они не разъ, и даже на нашей памяти, прекрасныя органы печати. Но если Крыловъ былъ уничтоженъ съ матеріальной стороны, то онъ сохранилъ духъ бодръ и повелъ борьбу инымъ оружіемъ — и стяжалъ себѣ славу великаго баснописца.

Не легко испытаніе для журнала, если черезъ сто лѣтъ снова вьзяться за него и читать его не отрывками и мало-по-малу, какъ читали его прежде, а быстро, сряду, какъ цѣлую книгу. Рѣдкія изданія прошлаго вѣка выдерживаютъ подобное испытаніе. Журнальныя статьи Крылова съ честью выходятъ изъ него, а «Похвальная рѣчь дѣдушкѣ» слушается до сихъ поръ, какъ убѣдилъ меня опытъ, съ величайшимъ не ослабѣвающимъ интересомъ отъ начала до конца простыми людьми самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, положеній и возрастовъ. А это — удѣлъ немногихъ, дѣйствительно великихъ произведеній.

И теперь, присутствуя на столѣтїи Крыловскихъ журналовъ и вновь пересматривая ихъ, мы убѣждаемся, что дѣятельность его юности ничуть не ниже работъ послѣдующаго зрѣлаго возраста, и что Крыловъ пророчески предугадалъ роль и значеніе своихъ журналовъ еще въ 1792 году, на страницахъ «Зрителя»: «Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ». Пусть же «безсмертный духъ» русскаго журналиста Крылова осѣняетъ его «позднѣйшее» литературное «потомство», и пусть это послѣднее на примѣрѣ дорогого учителя учится уважать высокіе принципы правды, добра и свѣта, проводя ихъ неуклонно въ жизнь и твердо — по примѣру своего благороднаго предшественника — стоя на защитѣ чловѣческихъ правъ и интересовъ.

Тимоѣевъ.

И вотъ содержительница французской модной лавки, ускользнувшая изъ Парижскаго смирительнаго дома, учить своего брата, только что выскочившаго изъ Бастилии и увернувагося отъ висѣлицы, какъ онъ долженъ вести себя въ званіи учителя русскихъ дѣтей:

Будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что не во французскомъ вкусѣ, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называть опрятствомъ... берегись передъ дѣтьми раскрывать умныя книги, твердя ученикамъ только то, какъ должно жить въ большомъ свѣтѣ; а когда они вырастутъ, старайся потакать порокамъ: они тебѣ тѣмъ болѣе полюбятъ и удвоятъ твое жалованье... маленькихъ приучай къ разнымъ шалостямъ, а когда вырастутъ, помогай имъ мотать и дѣлать разные денежные переводы, набири съ нихъ векселей черезъ третьи руки, и если только будетъ можно, разори ихъ (I, 158—169).

Отсюда мотовство, картежная игра, господство модъ и разврата и полнѣйшая распущенность семейной жизни. Польза отъ мотовства великая — мнѣніе иностранцевъ о нашемъ неистоцимомъ богатствѣ, а вредъ — бездѣлица, почти непримѣтенъ, и состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умираютъ съ голоду, а въ городахъ всему необходимому великая дороговизна. Доходившая до крайности семейная распущенность, разрывавшая всякія связи между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, постоянно встрѣчала сильнѣйшее обличеніе во всѣхъ нашихъ журналахъ. Описывая свадьбу одного моднаго щеголя, Крыловъ рисуетъ цѣлую картину самаго отвратительнаго разврата (80—86).

Дѣти, которыя приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ равною съ обѣихъ сторонъ прилежностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя; а жена, видя, какъ мало о нихъ думаетъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи, и такія-то прекрасныя отрасли готовятся со временемъ занимать какія-нибудь важныя мѣста въ государствѣ (84).

Отъ этой, изъ-чужа занесенной, заразы Крыловъ неоднократно обращался къ нашимъ домашнимъ грѣхамъ. Въ его изображеніи вельможи (115—123), въ передней котораго просители тщетно ожидаютъ двадцать лѣтъ милости, который, «закутавшись въ свой плащъ», какъ молнія пролетаетъ переднюю или «выѣзжаетъ со двора совсѣмъ съ другого подъѣзда», — вѣрныя и знакомыя черты времени. Столь же вѣрныя и знакомыя черты того времени, перешедшія и въ позднѣйшее, въ его судѣ, соглашающемся за весьма сходную цѣну уморить въ тюрьмѣ подсудимаго (26), которому такъ же естественно продавать правосудіе, какъ придворному не платить долговъ, или купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрныя вѣсы (54), у котораго вѣсы правосудія могли повиноваться одному взгляду молоденькой жены подсудимаго (141). Судъ, въ которомъ возможны были подобныя явленія, благодаря великой реформѣ, совершившейся на нашихъ гла-

захъ, безвозвратно отошелъ въ прошедшее и сдѣлался достояніемъ исторіи. Безвозвратно отошелъ въ прошедшее и образъ той помѣщицы, для которой крестьяне были только *res vilis*, предметъ непрерывнаго упражненія языка и рукъ, которая, пересѣкши десятки ихъ, съ невозмутимо-спокойнымъ сердцемъ отправлялась въ церковь (139). Отходить въ прошедшее и образъ того военнаго, которому оказывался болѣе нужнымъ лобъ, нежели мозгъ, который пилъ для храбрости, перемѣнялъ любовницъ, чтобы не быть ни чѣмъ плѣнникомъ, игралъ, чтобы привыкнуть къ непостоянству счастья, обманывалъ, чтобы приучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ и т. д. (51). Должны отойти въ прошедшее и тѣ начальники, которые, какъ Авдѣй Частобраловъ Крылова, измѣряютъ достоинство своихъ подчиненныхъ лестью и униженіемъ, утѣшая себя тѣмъ, что «вѣдомости не животная книга, въ нихъ не одни праведные вписываются» (149). Интересенъ и вѣренъ отзывъ Крылова о положеніи ученыхъ въ его время въ большомъ свѣтѣ, подтверждаемый множествомъ современныхъ свидѣтельствъ.

Мнѣ случалось видѣть, пишетъ тотъ же Зорь Маликульмулку, въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ портреты ученыхъ людей, хотя тѣ самые ученые совсѣмъ не имѣли входу и въ ихъ прихожія. Здѣсь, въ большомъ свѣтѣ почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній, или чтобъ не знать именъ современныхъ писателей; но чтобъ читать тѣ сочиненія, то считается за потерю времени: а чтобъ имѣть знакомство съ авторами, то считается низостію; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однакоже несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые (34).

Всѣ приведенныя нами мѣста изъ перваго журнала Крылова свидѣтельствуютъ ясно о смѣлости, бойкости, рѣзвости и жизненности его сатиры — о качествахъ, за которыя читателю не трудно примириться съ нѣкоторыми недостатками статей двадцатилѣтняго журналиста: съ понятнымъ преувеличеніемъ въ изображеніяхъ, доходящимъ иногда до неестественности, съ красками, слишкомъ густыми и яркими, съ немногими скандалѣзными сценами и съ недостаточною еще выработкою языка, иногда несвободнаго отъ тяжелыхъ и иногда не совсѣмъ правильныхъ оборотовъ и выраженій.

Статьи въ «Зрителѣ» и «Меркуріи», какъ и должно ожидать, отличаются еще большими достоинствами: большею естественностью и непринужденностью въ развитіи содержанія, большею серіозностью и разнообразіемъ самаго содержанія, большею тонкостью, игривостію остроумія, всегда умѣстнаго, и, наконецъ, болѣе обработаннымъ, живымъ и бойкимъ языкомъ. Вы слѣдите за развитіемъ мысли Крылова и невольно замѣчаете, что она отъ постоянного упражненія становится шире, разнообразнѣе и глубже. Здѣсь онъ иногда задается вопросами общаго и отвлеченнаго характера, вдумывается въ нихъ и отвѣчаетъ на нихъ ясно, здраво и остроумно. Его «восточная повѣсть Каибъ», образчикъ множества повѣстей этого рода, основанная на давно извѣстныхъ сказочныхъ мотивахъ, въ описаніи

блестящаго двора калифа и особенно его дивана, обсуждающаго намѣреніе повелителя правовѣрныхъ предпринять тайно, для разсѣянія скуки, путешествіе по своему государству, отличается бойкимъ и живымъ разговоромъ, легкимъ и ѣдкимъ остроуміемъ.

Калибъ ничего не начиналъ безъ согласія своего дивана; но какъ онъ былъ миролюбивъ, то для избѣжанія споровъ, начиналъ свои рѣчи такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ ту же минуту получить онъ пятьсотъ ударовъ воловьей жилою по пятамъ, а послѣ мы рассмотримъ его голосъ». Такимъ удачнымъ предисловіемъ поддерживалъ онъ совершенное согласіе между собою и совѣтомъ и придавалъ своимъ мнѣніямъ такую вѣроятность, что разумнѣйшіе изъ дивана удивлялись ихъ премудрости. И для того-то хотя иногда терпѣлъ онъ визирей съ крѣпкою головою, но не могъ терпѣть тѣхъ, у которыхъ были крѣпки подошвы. Такіе люди, говаривалъ онъ, всегда думаютъ, что они умнѣе другихъ, и они для меня не годятся. Мнѣ надобны визири, у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пятокъ, ничего не начиналъ (I, 202).

Забравшись въ ненастную погоду къ кропателью одъ, онъ выслушиваетъ отъ него слѣдующую характеристику оды: «Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу... Можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно, и нѣтъ визиря, котсрый бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы» (220). Крыловъ неоднократно возвращается къ одѣ, сильно надоѣвшей въ то время. Въ своихъ «Ночахъ», отдѣльваясь отъ своей докучливой посѣтительницы, богини ночи, онъ притворяется самъ писателемъ одъ.

Мы съ пріятелемъ, говоритъ онъ, подрядились поставить къ завтраму оду, и на мою часть досталось сдѣлать пятьдесятъ двѣ строфы похвалъ; и хотя надежда, что мнѣ заплатятъ наличными, придаетъ крыльямъ моему воображенію, и я списалъ уже изъ разныхъ одъ три строфы, но все еще остается выписывать сорокъ девять, а еще и писателей не выбралъ, съ которыхъ бы можно было бы собрать такой большой оброкъ (249).

Та же посѣтительница даетъ нашему автору слѣдующій совѣтъ:

Если ты увидишь Парнаскаго нищаго, который, схватя, вмѣсто ножа, свою оду, нападаетъ съ нею на перваго денежнаго прохожаго и перечитываетъ наугадъ достоинства того, кто едва по имени только ему извѣстенъ; если увидишь ты, что онъ потѣетъ надъ продажными похвалами и хочетъ переупрямить цѣлый свѣтъ, навязываясь ему на шею своими одами, въ которыхъ, наперекоръ здравому разсудку и истинѣ, отводитъ онъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онъ заглянуть боятся, и ставитъ престоль разуму въ такой головѣ, въ которой сквозной вѣтеръ, то запиши это и скажи свое мнѣніе (255).

Въ уста той же богини онъ влагаетъ слѣдующее правило для сатирика: «Пиши такъ, чтобъ всякій улыбался, читая твои описанія, иные бы краснѣли, но чтобъ на тебя никто не сердился» (255). Изъ тѣхъ же «Ночей» видно, какой возвышенный идеалъ великаго поэта и мудреца носился предъ воображеніемъ двадцатилѣтняго Крылова.

Его слово, его мысли — вот одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вот одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преобораеъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣкомъ! Сильнѣйшія монархіи пали, съ ними исчезли полки мнимыхъ героевъ, идоловъ народа. Все разрушается: владѣнія и племена исчезаютъ; на что ни обратимъ взоры, все скорыми шагами течетъ къ своему ничтожеству. Но Орфей и Гомеръ цвѣтутъ, и голосъ ихъ столь же плѣнительнъ, какъ и въ ту минуту, когда онъ ими произносился... Нравоучитель, управляемый страхомъ и пресмыкающеюся лестью, есть скопецъ, проповѣдующій дѣвство, котораго скованныя насильствомъ чувства производятъ себѣ не подражаніе, но посмѣяніе (242).

Четыре рѣчи Крылова въ «Зрителѣ» и «Меркуріи» «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ», «Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ», «Рѣчь о наукѣ убивать время» и «Похвальная рѣчь Ермалафиду» — отличаются такими новыми сатирическими оборотами, такою зрѣлостію и обдуманностію мысли, такимъ непринужденнымъ остроуміемъ и такимъ прекраснымъ языкомъ, что кажется невѣроятнымъ, чтобъ онѣ могли быть написаны семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ. На современниковъ эти статьи должны были производить весьма сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что все ихъ содержаніе затрогиваетъ весьма серіозныя стороны жизни. Первая, посвященная, по видимому, похвалѣ отъ имени внука дѣдушкѣ-помѣщику, заключаетъ въ себѣ самую острую и ѣдкую сатиру на тогдашній безпутный помѣщичій бытъ. Ораторъ-внукъ, употребляя извѣстный ораторскій приѣмъ, выражаетъ недоумѣніе, кого хвалить, дѣдушку ли, сваливагося вмѣстѣ съ лошадыю въ ровъ на охотѣ и погибшаго достойною его смертію, или лошадь, раздѣлившую судьбу своего хозяина, и только желаніе доказать, что сердце покойника не было однимъ стойломъ для его гнѣдой лошади, что онъ удѣлялъ и внуку частичку своего сердца, склоняетъ его на сторону перваго. Страшное разореніе и ограбленіе крестьянъ, блѣдныхъ, изнуренныхъ, умирающихъ съ голоду, заставлявшихъ заключать, что на сто верстъ вокругъ нѣтъ ни корки хлѣба ни чахотной курицы, ораторъ изображаетъ простодушнымъ изумленіемъ предъ богатствомъ и роскошью стола дѣдушки. Изумленіе это объясняется необыкновеннымъ дарованіемъ хозяина обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда въ нихъ наблюдался величайшій постъ. Переходя, послѣ этого приступа, къ самой темѣ рѣчи, ораторъ, естественно, обращается прежде всего къ благородному происхожденію покойника. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь это мѣсто.

Сколько ни бредятъ философы, что по родословной всего свѣта мы братья, и сколько ни твердятъ, что все мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи... Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что

никакими выгодами не отличаетъ нашего брата, дворянина: это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! И если бы эта природа была существо, то ей очень было бы стыдно, что тогда какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію, когда самое мелкое насекомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности, когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи, — тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ (295).

И дѣйствительно, продолжаетъ ораторъ, покойный былъ истиннымъ дворяниномъ по рожденію: еще на второмъ году онъ началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицы. Въ товарищи дѣтства дана была ему болонская собачка — и здѣсь крылась первая причина, что герой нашъ во всю жизнь любилъ больше собакъ, нежели людей. Изыскивая средства пріучить животныхъ покорно и безгласно переносить побои и мученія и встрѣчая въ нихъ постоянно дерзость огрызаться, онъ пришелъ къ заключенію, которое онъ умѣлъ сохранить во всю свою жизнь, что крестьяне ниже животныхъ. Образование его окончилось скоро, вмѣстѣ съ послѣднею страницей букваря, такъ какъ отецъ его искренно раздѣлялъ всеобщее дворянское убѣжденіе, что «знатному барину непристойно читать книги». Послѣдствія такого воспитанія и образованія были блистательны: трактирная жизнь, картежная игра и пьянство, разстроившія его состояніе, переселили его въ деревню, гдѣ онъ тотчасъ же объявилъ ожесточенную войну зайцамъ, рѣшившись истребить у себя весь заячій родъ — и погибъ съ честію на полѣ брани! Рѣчь оканчивается заключеніемъ, достойнымъ ея предмета. Оканчивая рѣчь и обозрѣвая слушателей, ораторъ замѣчаетъ, что они всѣ заснули отъ умиленія. «Торжествуй, покойный, мой другъ, въ невольномъ восторгѣ воскликнулъ ораторъ: твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, вполонину съ окунутымъ въ ендову носомъ».

Въ рѣчи, посвященной наукѣ убивать время, ораторъ сначала старается расположить къ себѣ слушателей, отвѣчая на сдѣланное имъ себѣ возраженіе, что напрасно хвалить науку, которая и безъ того всегда процвѣтала.

Въ самомъ здѣшнемъ собраніи я вижу примѣры природныхъ способностей; вижу съ восхищеніемъ прелестницъ нашихъ праотцевъ, которыя, переживъ три поколѣнія, и теперь не могутъ догадаться, что онѣ не шестнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Въ другомъ мѣстѣ вижу я почтенныхъ старичковъ, которые съ такимъ же просвѣщеніемъ входятъ въ могилу, съ какимъ вошли въ колыбель, и еще кажутся младенцами; они примѣчаютъ глубокую свою старость только потому, что имъ нельзя щелкать орѣховъ. Какая скромность: проносить семьдесятъ лѣтъ свою голову и не сдѣлать изъ нея никакого употребленія! (335).

Соглашаясь отчасти съ дѣльностью возраженія, онъ однако заключаетъ, что словесныя возбужденія необходимы, потому что благородная жадность къ похвалѣ есть общая всему человѣческому роду. Раздѣливъ новую науку на двѣ части, — на науку ничего не дѣлать и проводить время въ такихъ упражненіяхъ, которыя не оставляютъ въ душѣ никакого впечатлѣнія, ораторъ такъ выражаетъ ея важность сравнительно со всѣми другими науками:

Какой великій предметъ для благороднаго человѣка убивать то, что все убиваетъ, преодолевать то, чему ничто противустоять не можетъ!... Тотъ истинный философъ, говорятъ мудрецы, кто умѣетъ презирать мірскія сокровища; потомъ сказываютъ, что время драгоцѣннѣе золота и лучше всѣхъ земныхъ благъ. Но когда мудрецы эти тщеславятся достоинствомъ, что они презираютъ золото, то сколько же почтеннѣе мы ихъ, пренебрегая самое время, это сокровище, котораго тратить нѣтъ даже и у нихъ твердости духа? Удивляются Сципіону Африканскому, что онъ сжегъ свой флотъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію своему въ Римъ. Рѣдкая вещь! Имѣя храбрыхъ воиновъ, онъ надѣялся сжечь Кароагенъ и возвратиться домой на новыхъ судахъ. Но мы, сожигая, такъ сказать, наше время, не имѣемъ никакой надежды возвратиться къ нашему младенчеству, и, слѣдовательно, всякую минуту превосходимъ Сципіона мужествомъ. Великій Титъ плакалъ, говорятъ, о томъ днѣ, въ который не дѣлалъ добраго дѣла: но мы — о примѣрѣ истиннаго великодушія! — мы проживаемъ лѣтъ по пятидесяти по пустому, и ни разу о томъ не поплачемъ! (358).

Вслѣдъ за тѣмъ ораторъ, извинившись, что нѣсколько потревожить скромность слушателей, перечисляетъ главнѣйшихъ героевъ большого свѣта, посвятившихъ себя наукѣ убивать время. Самаго интереснаго изъ нихъ, бездарнаго, но плодовитаго писателя, убивающаго время даже своихъ потомковъ, онъ приберегъ къ концу.

«Наводняя своими сочиненіями публику, онъ хочетъ и нѣсколько вѣковъ спустя быть орудіемъ убивать время. Какой похвалы заслуживаетъ онъ, когда, просиживая насквозь ночи, занимается важнымъ предметомъ — усыплять даже десятое наше поколѣніе по нисходящей линіи... и, что всего удивительнѣе, никакая академія не въ силахъ различить, что онъ написалъ сквозь сонъ и что на яву» (342).

Впрочемъ, ораторъ счелъ долгомъ оговориться, что этого героя онъ привелъ не на подражаніе, а на удивленіе, такъ какъ благородному человѣку во всякомъ случаѣ вредно и опасно заниматься книгами; онъ совѣтуетъ только не пренебрегать прекрасной способностью, кто ее имѣетъ, писать, никогда не читая, и нагромождать пирамиды печатныхъ бумагъ въ честь Парнаскимъ каникуламъ нынѣшняго времени.

Послѣдняя мысль послужила Крылову темою для похвальной рѣчи Ермалафиду, который и былъ именно героемъ, одареннымъ въ необыкновенной степени даромъ писать, ничего не читая. Наконецъ, въ послѣдней рѣчи онъ вооружается противъ дерзкихъ сатириковъ, осмѣливающихся возставать противъ той общепринятой въ большомъ свѣтѣ истины, что человѣку нуженъ разумъ только

для злословія, вкусъ для кафтана и сердце для волокитства. Честь и хвала укорененія этой истины въ большомъ свѣтѣ, разумѣется, принадлежитъ французамъ. Сюда же могутъ быть отнесены и «Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума». Воздавъ должную похвалу этой модной философіи, Крыловъ формулируетъ ее въ семи положеніяхъ, сущность которыхъ повторяется и въ другихъ его журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Меркуріи» помѣщены Крыловымъ, кромѣ того, два небольшихъ отзыва о двухъ комедіяхъ (Смѣхъ и горе и Алхимистъ) его друга и товарища по изданію двухъ послѣднихъ журналовъ, Клушина. Въ первомъ онъ высказываетъ въ немногихъ словахъ основательное мнѣніе о значеніи литературной критики. «Пристрастная и чрезмѣрная похвала, говоритъ онъ, изнѣживаетъ и расслабляетъ дарованія, колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи; но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою, красоты». Замѣчательенъ и взглядъ его на существенныя условія драматическаго произведенія. Онъ справедливо указываетъ на недостатокъ дѣйствія какъ на слабую сторону комедіи, а также на то, что дѣйствіе не развивается съ внутреннею необходимостію изъ одного центра. Судя по заглавію авторъ хотѣлъ осмѣять порокъ смѣхомъ и плачемъ, а между тѣмъ представители того и другого — лица вставныя, эпизодическія, выводимыя часто безъ надобности. Роль нравоучителя, говорящаго, а не дѣйствующаго, явно нарушаетъ существенное условіе комедіи; «нравоученіе должно извлекаться на театрѣ изъ дѣйствій». Благодаря автора за новизну, живость и краткость развязки, онъ порицаетъ его за введеніе такихъ хитростей, которыя вовсе не оправдываются препятствіями. Въ отзывѣ о другой комедіи онъ замѣчаетъ только, что разговоры въ комедіи, большею частію, отдалены отъ содержанія и наполнены эпизодами, которые ни чуть не служатъ къ направленію главнаго дѣйствующаго лица. Эти два отзыва, единственные опыты Крылова въ литературной критикѣ, приводятъ насъ къ его собственнымъ комедіямъ, появленіе которыхъ относится къ тому же времени.

Лавровскій.

Сатирическіе журналы Крылова и ихъ сотрудники.

Съ 1788 года Крыловъ вступилъ на новый литературный путь. Онъ успѣлъ завести кое-какія литературныя знакомства, напимѣръ, съ Рахманиновымъ — содержателемъ типографіи и переводчикомъ Вольтера, съ редакторомъ журнала «Лѣкарство отъ скуки и заботъ» Ѳ. О. Туманскаго и начинающимъ драматическимъ писателемъ А. И. Клушинымъ. Въ журналѣ Туманскаго въ «Утреннихъ Часахъ» Рахманинова онъ помѣстилъ два стихотворенія: небольшую эпиграмму и стихотвореніе «Утро» (подражаніе Ломоносову). Вмѣстѣ съ Рахма-

ниновымъ Крыловъ задумалъ изданіе сатирическаго журнала. Въ теченіе 1789 года они выпустили 8 номеровъ «Почты Духовъ, или ученой, нравственной и критической переписки арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». «Почта духовъ» — одинъ изъ любопытнѣйшихъ русскихъ журналовъ прошлаго вѣка. Она была какъ бы продолженіемъ прервавшагося въ 1774 году ряда сатирическихъ журналовъ, лучшая пора которыхъ были годы 1769—1774. Уже своимъ названіемъ она можетъ быть сопоставлена съ «Адской Почтой, или перепиской хромоногаго бѣса съ кривымъ», журналомъ Ѡ. А. Эмина (1769), вышедшимъ какъ разъ въ 1788 году вторымъ изданіемъ. Эминъ имѣлъ образцомъ *le Diable Boiteux* Лесажа. «Адская Почта» была однимъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ; издатель ея смотрѣлъ высоко на призваніе сатиры и въ возгорѣвшейся между «Трутнемъ» Н. И. Новикова и «Всякой Всячиной» полемикѣ о сущности сатиры сталъ на сторону перваго. Помимо общихъ журналамъ той поры обличеній фанцузоманіи, разврата, лихоимства, дурного воспитанія, угнетенія крестьянъ, Эминъ затрогивалъ вопросы болѣе общаго характера, онъ рѣшался касаться внутренней и внѣшней политики. Основой славы и благоденствія государства онъ считалъ не военныя приобрѣтенія и милитаризмъ, а внутреннее благосостояніе; по его мнѣнію, усиленные налоги не могутъ улучшить финансовъ государства; онъ указывалъ на трудное положеніе «государей, которые не всегда могутъ имѣть твердаго пріятеля», — вотъ почему имъ неизвѣстна масса злоупотребленій и среди мелкихъ чиновниковъ и среди высшихъ сановниковъ; не безъ цѣли онъ останавливался, наконецъ, на невѣжествѣ духовенства, на жестокомъ управленіи въ Америкѣ испанцевъ, «не трудолюбіемъ, но тиранствомъ власть свою распространять привыкшихъ»¹⁾ и т. т. Указать на эти черты я считаю необходимымъ, такъ какъ до сихъ поръ принято на вѣру мнѣніе, что «Адская Почта» не имѣетъ внутренняго сходства съ журналомъ Рахманинова. Между тѣмъ можно отыскать въ обоихъ журналахъ не только совпадающія мысли, но и цѣлыя картины²⁾. Отношенія Крылова къ «Почтѣ Духовъ» нельзя назвать вполне выясненными. Крыловъ, во всякомъ случаѣ, не былъ единственнымъ вкладчикомъ журнала. Ему принадлежатъ 19 писемъ гномовъ Зора, Буристана и Вѣстодава³⁾. Рахманиновъ, повидимому, тоже былъ не только издателемъ: «онъ былъ хорошо ученъ, зналъ языки, исторію, философію; онъ давалъ намъ матеріалы», — такъ вспоминалъ впоследствии о немъ самъ Крыловъ. Но болѣе важнымъ сотрудникомъ считаютъ извѣстнаго автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», А. Н. Радищева. Такое мнѣніе опирается на свидѣтельство Массона и высказано въ первый разъ

1) «Адская Почта», 46, 47, 44; 115—118; 29, 23, 24; 197.

2) «А. П.», 84; «П. Д.», 193.

3) Въ «Собраніи сочиненій» вошло только 18 писемъ.

А. Н. Пыпинымъ. Уже Плетневъ указалъ, что статьи, принадлежащія собственно Крылову, «составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшилъ нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка». Въ самомъ дѣлѣ, письма Зора, Буристона и Вѣстодава по затронутымъ темамъ мало отличаются отъ обычныхъ въ сатирическихъ журналахъ обличеній: тѣ же нападки на французскія моды, щегольство, внѣшнее образованіе, лесть, продажные суды, развратъ, тѣ же типы французовъ воспитателей. Все это изложено по примѣру прежнихъ изданій въ чисто описательной формѣ; авторъ часто не могъ вдуматься въ эти явленія глубже, указать ихъ причины. Гораздо важнѣе и съ біографической и съ чисто литературной стороны замѣчанія Крылова о литературѣ и театрѣ. Онъ отмѣтилъ отсутствіе въ его время хорошихъ писателей: считающіе же себя хорошими писателями — не что иное, какъ плохіе переводчики. Причина этого явленія та, «что множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобы что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи». Въ «Почтѣ Духовъ» находимъ нѣсколько выходовъ противъ Княжнина (Ринокрада), справедливыхъ замѣчаній о театрѣ и его безсодержательномъ репертуарѣ. Всѣ замѣчанія и характеристики Крылова полны ѣдкой ироніи. Слѣдуетъ указать также на замѣчательный для того времени языкъ, сжатый, энергичный, полный образности.

Между корреспондентами философа Маликульмулька выдаются — безсодержательностью Бореидъ, смѣлостью и оригинальностью — Дальновидъ. Въ послѣднемъ именно съ полнымъ основаніемъ видятъ А. Н. Радищева. Самыя темы, имъ затронутыя, несомнѣнно близки къ темамъ «Путешествія»: правители, придворные, истинно честный человѣкъ, обязательность цѣломудрія для всѣхъ, истинные дворяне. Нѣкоторыя задушевные мысли Радищева несомнѣнно можно прочесть и въ журналѣ Крылова¹⁾.

«Почта Духовъ» прекратилась на августовской книжкѣ. Но Крыловъ при первомъ удобномъ случаѣ возобновилъ свою журналъ-

¹⁾ Оставляя другимъ изслѣдователямъ дальнѣйшее сличеніе, я укажу только нѣкоторыя совпаденія: отрицательное отношеніе къ побѣдителямъ («Почта»), I, 239 слл. «Путешествіе», изд. Суворина, 99 слл.); «мизантропы полезны въ государственствѣ» («Почта» I, 29; «Путешествіе» 75; срвн. «Этюды и характеристики» Алексѣя Веселовскаго, М., 1894, стран. 148); идеалъ государя («Почта», I, 9; «Путешествіе», 278); основа семейнаго счастья — цѣломудріе, отсутствіе ревности («Почта», II, 66, 69; «Путешествіе» 201, 211). При этихъ совпаденіяхъ не могутъ быть случайны и сужденія о суетности міра и счастья въ насъ самихъ («Почта», I, 8—9; и «Путешествіе», 117) и т. п. Дальновиду принадлежатъ письма 2, 4, 7, 20, 22, 24, 25, 29, 31, 33, 37; изъ нихъ только одно, 7-е, представляетъ собою не обычное Дальновиду *разсужденіе, а описаніе*. Общими чертами писемъ Д. можно признать постоянные выводы изъ теоретическихъ положеній, напечатанные курсивомъ, нерѣдкія восклицанія (какъ и въ «Путешествіи», наконецъ, нерѣдко сознаніе того, что авторъ не описываетъ видѣнныя имъ событія, а *представляетъ* ихъ себѣ (срвн., напр., II, 9). Всѣ эти чисто формальныя черты роднятъ Д. съ «Путешествіемъ».

ную дѣятельность. Съ 1792 года въ собственной типографіи, приоб- рѣтенной отъ Рахманинова, онъ сталъ печатать журналъ «Зритель». Направленіе новаго журнала, къ участию въ которомъ были при- глашены А. И. Клушинъ, А. Бухарскій, И. Захаровъ и другіе, оста- лось сатирическое. «Право писателя представлять порокъ во всей гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣ- тель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ прави- ломъ вознамѣрился воспользоваться «Зритель», — читаемъ во «Введе- ніи». Наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ «Зрителя» былъ Клушинъ. Крыловъ помѣстилъ въ немъ рядъ лучшихъ своихъ сатиръ: «Ночи», «Рѣчь, говоренная въ собраніи дураковъ», «Похвальная рѣчь въ па- мять моему дѣдушкѣ», «Каибъ», «Мысли философа по модѣ». «Ночи» — яркая сатира на развратъ современнаго общества. День и Ночь за- спорили, кто изъ нихъ видитъ больше мерзостей; богиня Ночи по- ручаетъ Міроброду описать его странствованія и наблюденія ночью. «Рѣчь въ память моему дѣдушкѣ» — одно изъ лучшихъ сатириче- скихъ сочиненій XVIII вѣка. Она важна и какъ публицистическая выходка противъ крѣпостного права и какъ историческая картина жизни средней руки помѣщиковъ прошлаго вѣка. Этотъ дѣдушка, «разумнѣйшій» въ цѣломъ округѣ помѣщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «лучшій другъ собакъ всего свѣта», умѣлъ показать, «какъ должно прожить въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подданныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ; онъ силь- ные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пе- ресѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣ- дать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ». Основывая свои достоинства только на происхожденіи, едва грамотный, онъ разорилъ поля своихъ крестьянъ, изгоняя изъ нихъ зайцевъ... Восточная повѣсть «Каибъ» по формѣ примыкаетъ къ цѣлому ряду подобныхъ произведеній XVIII вѣка. Описывая востокъ, авторъ всегда имѣлъ въ виду свою страну; но самая форма позволяла ему быть болѣе откровеннымъ. Основная мысль повѣсти — счастье заключается въ сознаніи оказанныхъ благодѣяній и взаимной любви. Авторъ сумѣлъ нарисовать нѣсколько придворной жизни, примѣры льстивыхъ рѣчей, изобразилъ типъ одописца. Нѣ- сколько слабѣе двѣ сатиры Крылова, появившіяся въ новомъ его журналѣ «С.-Петербургскій Меркурій» (1793 г.): «Похвальная рѣчь наукѣ убивать время» и «Похвальная рѣчь Ермалафиду».

Главнымъ сотрудникомъ «Меркурія» и соредакторомъ Крылова былъ Клушинъ. Самый журналъ явился въ противовѣсъ «Московскому Журналу» Карамзина. Издатели находили у насъ недостатокъ въ хоро- шихъ литературныхъ журналахъ. «Для чего не сказать публикѣ о но- выхъ произведеніяхъ російской литературы? — спрашивали они. — Для чего не возвѣстить о театрѣ, что на немъ играно особливо новаго и какъ играно? — Сіе право дозволенное, и мы хотимъ имъ пользо- ваться. Нашими замѣчанія, наши сужденія по сей части не есть сужде-

нія деспотическія». Программа «Меркурія» подходила къ программѣ «Московскаго Журнала»; но выполненіе ея въ журналѣ Крылова было гораздо ниже. Нѣсколько стихотвореній Крылова, Клушина, Бухарскаго, кн. Хованскаго, И. Мартынова, Карабанова, двѣ-три критическія статьи Крылова, переводныя статьи по этнографіи, — вотъ и весь багажъ журнала. Можно прибавить къ этому, что Клушинъ часто писалъ замѣчательно небрежнымъ языкомъ. «Меркурій» не могъ имѣть успѣха и продержался только годъ. Самыя нападки на Карамзину и его новый слогъ, конечно, односторонни. *Лященко.*

Направленіе журналовъ „Зритель“ и „С.-Петербургскій Меркурій“, участіе Крылова въ нихъ и его литературная фізіономія въ эти годы.

Жизнь Крылова за 1791 годъ, намъ совершенно неизвѣстна; но въ слѣдующемъ году мы видимъ его уже издателемъ журнала «Зритель», печатающагося въ собственной типографіи, прибрѣтенной у Рахманинова; журналъ началъ выходить почему-то съ февраля и продолжался до конца года; вышло 11 книжекъ. Главнымъ сотрудникомъ Крылова былъ Александръ Ивановичъ Клушинъ, но, повидимому, еще не на равныхъ правахъ съ Крыловымъ, какъ это было потомъ; отношенія между ними были дружескія; возможно, что они встрѣчались еще въ Твери, гдѣ Клушинъ служилъ; онъ родился въ 1763 году, былъ весьма даровитъ и заявилъ уже себя какъ писатель для театра. Извѣстный А. Т. Болотовъ отзывался съ большой похвалой объ умѣ и талантахъ Клушина, но ужасается его вольнодумства («атеистъ и ругатель христіанскаго закона»); такимъ образомъ мы снова встрѣчаемъ будущаго баснописца и челоуѣка охранительнаго образа мыслей въ обществѣ людей противоположнаго направленія. Сотрудниковъ «Зрителя» было довольно много; кромѣ Крылова и Клушина, насчитывается до 10 именъ; въ число ихъ Карамзинъ (въ письмѣ къ Дмитріеву) помѣщаетъ также актеровъ Дмитревскаго и Плавильщикова, подписи которыхъ подъ статьями впрочемъ, не встрѣчаются. Вѣроятно, это сравнительное многолюдство и пестрота участвующихъ заставили редакцію начать такимъ заявленіемъ: «Одинъ или многіе будутъ издавать «Зрителя», о томъ, кажется нѣтъ нужды увѣдомлять любезнаго читателя». Направленіе журнала серьезное и столько же сатирическое, сколько націоналистическое; поднимается вопросъ о «врожденномъ свойствѣ душъ Россійскихъ» и опровергается обвиненіе русскихъ въ способности къ одному лишь перениманію чужого, при чѣмъ берется однако подъ защиту реформа Петра Великаго. Въ 5 книжкахъ журнала тянется превосходная статья о театрѣ, которую слѣдуетъ приписать Дмитревскому или Плавильщику; въ ней дается критика ложнокласицизма на сценѣ, настаивается на созданіи репертуара, черпающаго прямо изъ жизни;

дѣлаются ссылки на успѣхъ «Мельника» Аблесимова, несмотря на его недостатки, и на равнодушіе публики къ «Нелюдиму» Мольера. Любопытенъ совѣтъ «критику», представителю противоположныхъ мнѣній, прогуляться весной по набережной и прислушаться къ разговорамъ мужиковъ на баркахъ: авторъ статьи въ восторгѣ отъ ихъ ума и врожденнаго комизма. Эти совѣты обращены къ Карамзину, издававшему въ то время «Московскій Журналъ», при чѣмъ вѣрно подмѣчено то, что составляло и потомъ слабую сторону въ его литературныхъ понятіяхъ: отсутствіе чуткости и любви къ народно-русскому элементу въ языкѣ и въ жизни. Біографъ Крылова имѣетъ основаніе остановиться на этихъ замѣчательныхъ для эпохи мысляхъ, высказанныхъ въ его журналѣ, такъ какъ онѣ обрисовываютъ, безъ сомнѣнія, и его литературную фізіономію въ эти годы.

Личное участіе Крылова въ «Зрителѣ» выразилось кромѣ переводной оды «Утро», въ 6 прозаическихъ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ; самая обширная изъ нихъ, «Ночи», помѣщенная въ 4-хъ книжкахъ журнала, представляетъ довольно неискусный опытъ романа приключеній, подсказанный Жиль-Блазомъ съ обычными карикатурными личностями Обманы, Тратосила и пр.; авторъ не замѣчаетъ, что неизвѣжная шаблонность подобныхъ образовъ мѣшаетъ правдоподобию самого разказа; рядомъ съ ними весьма некстати фигурируютъ Діана и Фебъ. Восточная повѣсть «Каибъ», помѣщенная въ двухъ книжкахъ—есть не только лучшая изъ шести крыловскихъ статей въ «Зрителѣ», но и вообще лучшее, что когда-либо было имъ написано прозой; успѣхъ, сдѣланный авторомъ сравнительно съ лучшимъ изъ писемъ «Почты Духовъ», бросается въ глаза. Слогъ «Каиба» гораздо легче, остроуміе тоньше, отчасти потому, что авторъ избѣгаетъ многословія, но главное есть теплота и юморъ, которыхъ ему такъ часто недоставало; черта тривиальности и грубости воображенія, которая замѣчалась раньше, здѣсь отсутствуетъ; нѣсколько натуралистическихъ подробностей («чистительное», «помои») не мѣшаютъ струѣ чисто идеальной — въ любви Каиба и Роксаны, изображенной поэтично и въ то же время безъ слащавости. Каибъ разочаровывается въ одахъ, эклогахъ, идилліяхъ и рѣчахъ ораторовъ, — это даетъ автору поводъ для мѣткихъ критическихъ замѣчаній на тогдашніе литературные вкусы; въ пастушкахъ осмѣивается сентиментализмъ, вводимый Карамзинымъ. «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ въ присутствіи приятелей за чашей пунша», переноситъ насъ къ пріемамъ и темамъ «Трутня» и «Живописца» и любопытна тирадой о помѣщикѣ крѣпостникѣ, которая можетъ удивлять своею смѣлостью черезъ два года послѣ дѣла Радищева. Остальные три сочиненія Крылова въ «Зрителѣ»: «Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ», «Разсужденіе о дружествѣ» и «Мысли философа по модѣ» незамѣчательны. «Зритель» давалъ читателямъ болѣе разнообразное содержаніе, чѣмъ «Почта Духовъ» и имѣлъ больше успѣха; число подписчи-

ковъ дошло до 169; «Московскій Журналъ» Карамзина имѣлъ ихъ, однако, 300.

Съ начала 1793 года «Зритель» превратился въ «Санктпетбургскій Меркурій», просуществовавшій также годъ и вышедшій въ 12 книжкахъ, изъ которыхъ послѣднія печатались уже не въ типографіи «Крылова съ товарищи», а въ академической типографіи. Журналъ начался и кончился совмѣстнымъ обращеніемъ къ публикѣ Крылова и Клушина. Новый журналъ замѣтно отличается отъ предшествующаго: онъ менѣе серьезенъ, больше заботится о томъ, чтобы развлекать читателя, встрѣчается большое количество стиховъ, преимущественно въ сентиментальномъ или игривомъ родѣ, на которыхъ замѣтно вліяніе карамзинской школы и «анакреонтическихъ» пьесъ Державина, «россійскіе анекдоты», повѣсти и т. п. Личный вкладъ Крылова не великъ: 4 прозаическихъ статьи и 8 стихотвореній; болѣе известна: «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», относительно которой постоянно повторяется догадка Я. К. Грота, что она была направлена на Карамзина и его послѣдователей, догадка, очень мало вѣроятная.

На самомъ дѣлѣ «Рѣчь» осмѣиваетъ распатанность литературныхъ понятій и литературную предпримчивость и развязность невѣжественныхъ бездарностей, которыя кичатся знаніемъ иностранныхъ писателей, не умѣя даже произнести ихъ именъ по незнанію иностранныхъ языковъ — могъ ли кто-нибудь такими глазами смотрѣть на Карамзина? Ермалафидъ представленъ крайнимъ неучемъ, берущимся рѣшительно за все, но его трагедіи не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и публика смотрѣла ихъ безчувственно, «какъ цѣлый народъ строгихъ стойковъ», а когда Ермалафидъ взялся за комедію, онъ наполнилъ ее одной грубостью и простонародностью, есть ли возможность отнести хоть что-либо изъ этихъ нападокъ къ Карамзину и карамзинистамъ?... Полемика съ «Московскимъ Журналомъ» въ это время не продолжалась, потому что онъ прекратился въ декабрѣ 1792 года. Заслуживаютъ вниманія двѣ замѣтки Крылова на только что поставленныя пьесы Клушина: «Смѣхъ и горе» и «Алхимистъ»; Крыловъ обнаруживаетъ здѣсь критическое умѣнье и таткъ. — «Похвальная рѣчь наукѣ убивать время» — незначительна. Что касается стихотвореній Крылова въ «Меркуріи», то большая часть ихъ (5) содержитъ исторію сентиментальныхъ отношеній къ какой-то Анетѣ: рѣчь идетъ объ обмѣнѣ нѣжностей, размолвкахъ, «волоскахъ похищенныхъ въ перстень» и заканчивается разлукой (въ стихотвореніи «Мой отъѣздъ»). Была сдѣлана попытка («Русскій Архивъ», 1868 г., стр. 992) отыскать ключъ къ этой сентиментальной страницѣ литературной дѣятельности Крылова: будто бы незадолго передъ тѣмъ Крыловъ встрѣтилъ въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи молоденькую дѣвушку, дочь священника, Анну Алексѣевну Константинову, которую успѣлъ полюбить, нашелъ взаимность, искалъ ей руки, получилъ отказъ родителей въ виду необезпеченности его

положенія, разстался и, нѣсколько лѣтъ спустя, самъ отвѣчалъ отказомъ, когда Константиновы пытались возобновить съ нимъ отношенія. Крыловъ могъ выѣзжать изъ Петербурга только въ 1791 году, но мы не знаемъ ничего положительнаго по этому поводу; въ самихъ стихотвореніяхъ «къ Анетѣ» можно отыскать внутреннее противорѣчіе: подразумевается то красавица, живущая въ деревнѣ, то столичная щеголиха, которую должно разогорчить запрещеніе парижскихъ товаровъ. Но, быть можетъ, романическій эпизодъ въ жизни Крылова все же существовалъ, только разыгрался позже, напр., въ 1794—96 годахъ и стихотворенія «Меркурія» не имѣютъ съ нимъ никакой связи; лицо, сообщившее разсказъ, видѣло А. А. Константинову въ 1864 году глубокой старушкой дѣвицей и передаетъ эпизодъ со словъ ея родныхъ. Къ концу года участіе обоихъ издателей въ журналѣ замѣтно ослабѣваетъ; въ ноябрьской книжкѣ Клушинъ печатаетъ: «Благодарность Екатеринѣ Великой за увольненіе меня въ чужіе края съ жалованьемъ», изложенную въ крайне напыщенныхъ стихахъ, а въ декабрѣ журналъ оканчивается слѣдующимъ заявленіемъ Крылова и Клушина: «Годъ Меркурія кончился—и за отлучкою издателей продолжаться не будетъ». Эти подробности любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ намъ въ сомнительномъ свѣтѣ догадку, высказываемую нѣкоторыми, будто оба писателя навлекли на себя въ это время подозрительный взглядъ правительства; догадка составила, кажется, а priori: въ «Меркуріи» была напечатана статья Клушина о «Вадимѣ» Княжина съ подробнымъ пересказомъ содержанія; но статья, помѣщенная въ отдѣлѣ «Новыя книги» за августъ мѣсяць, очевидно, была написана тотчасъ послѣ появленія пьесы въ «Россійскомъ Театрѣ», когда не была еще инкриминирована, что случилось, какъ извѣстно не сразу; притомъ Клушинъ далъ разборъ ея исключительно со стороны слога и драматической техники, многое не одобряя въ ней и ставя ее граздою ниже «Дидоны».

Шальтинъ.

Крыловъ — публицистъ и критикъ.

Въ чемъ заключались критическія воззрѣнія знаменитаго баснописца, — вопросъ существенный при его художественной талантливости, и въ то же время очень трудный.

Что Крыловъ противникъ подражательности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ томъ же «Зрителѣ» нанесено безчисленное множество жесточайшихъ ударовъ русскому модному обезьянству и притомъ не ради только сатиры, а во имя гуманнаго общественнаго чувства. «Зритель» держался искренняго демократическаго направленія, и въ каждой книгѣ преслѣдовалъ дворянское тунеядство, рабское пристрастіе къ разорительному блеску, къ иноземнымъ модамъ, и особенно — полное отсутствіе умственныхъ интересовъ въ благородной средѣ.

Въ августѣ, напримѣръ, напечатана статья *Мысли философа по модѣ или способъ казаться разумнымъ, не имѣя никакого разума*. Здѣсь описанъ день благороднаго франта, изображены его учителя и руководители — французы, обучающіе русскихъ дворянъ «трудной наукѣ ничего не думать» и предварительно кончившіе курсъ на галерахъ. Все воспитаніе сводится къ такой морали: «Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человекъ, что ты дворянинъ и, слѣдовательно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, который поѣютъ твои крестьяны; словомъ, вообрази, что ты счастливый трутень, у коево не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для того думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать». И здѣсь, слѣдовательно, предъ нами то же самое отношеніе къ народу, какое мы знаемъ изъ произведеній Лукина. Очевидно, Крыловъ будетъ не менѣе убѣжденнымъ врагомъ современной аристократической лживой литературы, чѣмъ авторъ «Щепетильника». У Крылова только насмѣшки выйдутъ несравненно остроумнѣе и ядовитѣе. Это — прирожденный сатирический талантъ, невольно переходящій къ убійственной художественной критикѣ на меценатское развращеніе современной литературы. Ничего не можетъ быть забавнѣе разговора калифа Наиба съ авторомъ оды.

Калифъ начитанъ въ лирической поэзіи, простодушно вѣрять ей чувствамъ, и теперь, во время путешествія по своему царству, на каждомъ шагу принужденъ испытывать жесточайшія разочарованія.

Оказывается, одописаніе просто ремесло, самое безопасное, хотя не всегда прибыльное. Героемъ оды можетъ быть кто угодно, лишь бы сочинитель могъ питать надежду на награду.

Калифъ пораженъ.

— Мнѣ удивительна способность ваша, — говоритъ онъ поэту, — хвалить такихъ, въ коихъ, по вашему признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.

— О, это ничево: повѣрьте, что это бездѣлица: мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода, какъ шелковый чулокъ, которой всякой старается растягивать на свою ногу...

Поэтъ сравниваетъ ее съ сатирой и находитъ громадное преимущество оды. Въ сатирѣ нужно непременно изображать дѣйствительные пороки извѣстнаго лица, а въ одѣ — сколь ни опиши добродѣтелей — никто не откажется признать ихъ своими. Наивный калифъ видитъ важное затрудненіе: вѣдь могутъ узнать ложь, героевъ одописца счесть пустыми пузырями, имъ же надутыми.

Ничего не значить. У поэта имѣется самое солидное оправданіе, изъ классической пѣтики.

— Аристотель иногда очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны. И мы подражаемъ сему благоразумному правилу въ на-

шихъ одахъ, иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. И такъ вы видите, сколь нужно читать правила древнихъ.

Еще любопытнѣе опытъ калифа по поводу другого излюбленнаго жанра классическаго искусства — идилліи и эклоги. Начитавшись сихъ произведеній, калифъ давно уже горѣлъ желаніемъ насладиться золотымъ вѣкомъ, царствующимъ въ деревняхъ, воочію полюбоваться на нѣжности пастушковъ и пастушекъ. Калифъ искренно любилъ своихъ поселянъ и всегда радовался, читая про ихъ счастье въ идилліяхъ. Государь даже завидовалъ ихъ участи: «если бы я не былъ калифомъ», говаривалъ онъ, «то бы хотѣлъ быть пастушкомъ». И вотъ, онъ, наконецъ, видитъ стадо... «Великій Магометъ», вскричалъ онъ, «я нашелъ то, чего давно искалъ», и сошелъ съ дороги въ поле искать счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ.

Прежде всего требовалось открыть ручеекъ: вѣдь пастушки всегда у чистаго источника наслаждаются любовнымъ блаженствомъ, все равно, какъ модные франты ищутъ счастья въ переднихъ знатныхъ господъ. Потомъ неразлучный спутникъ идиллистическаго счастливца свирѣль.

Калифъ идетъ по полю и на берегу рѣчки дѣйствительно находитъ... но кого? Какое-то «запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью». Калифъ даже сначала усумнился, человѣкъ ли это. Но голыя ноги и борода доказывали человѣческое званіе «творенія». Все-таки оно не можетъ быть пастухомъ, калифъ справляется у грязнаго дикаря, гдѣ же искомый счастливецъ? «Это я», отвѣчало твореніе, и въ то же время размачивалъ корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать.

Путешественникъ не можетъ опомниться отъ изумленія. Нѣтъ прежде всего свирѣли: оказывается пастухъ «голодный не охотникъ до пѣсенъ». Потомъ отсутствуетъ пастушка... «Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться, и не замерзнуть зимою отъ холодныхъ утренниковъ».

Калифъ, наконецъ, догадывается въ чемъ дѣло.

— Но поэтому жизнь ваша очень незавидна?

Пастухъ отвѣчаетъ съ истиннымъ «юморомъ висѣлицы».

— О, кто охотникъ умирать съ голоду и мерзнуть отъ стужи, тотъ можетъ лопнуть отъ зависти, глядя на насъ.

Калифъ жестоко раскаивается, что довѣрялъ идилліямъ и эклогамъ. Выходить, стихотворцы обходятся съ людьми, какъ живописцы съ холстомъ: малюютъ все, что угодно ихъ воображенію, и безбожно закрашиваютъ правду. Калифъ даетъ себѣ слово не судить по произведеніямъ поэтовъ о счастьѣ своихъ мусульманъ.

Трудно искуснѣе и остроумнѣ поразить классическую литературу въ самое сердце. И не одну классическую. Авторъ сказки предвосхитилъ критику противъ русскаго сентиментализма. Разго-

воръ калифа съ пастухомъ можно съ полнымъ правомъ обратиться на Карамзинскую школу, и даже съ бѣльшимъ основаніемъ, чѣмъ на ея предшественницу. Именно Карамзинъ ввелъ въ моду блаженнаго просвѣщеннаго земледѣльца и его нѣжную подругу, онъ создалъ повѣтріе чувствительныхъ вздоховъ и поселянскихъ фарсовъ, и на его литературѣ должна была развиться мечта у юнаго Александра I объ идиллическомъ отшельничествѣ и золотомъ вѣкѣ простого смертнаго. Ясно, при такомъ проницательномъ взглядѣ на основной недугъ современной литературы, Крыловъ могъ менѣе всего защищать первоисточникъ этого недуга. Писатель являлся слишкомъ талантливымъ общественнымъ сатирикомъ, чтобы остаться эстетическимъ старовѣромъ. Онъ первый изъ русскихъ журналистовъ рискнулъ предложить читателямъ длинный рядъ статей по литературной критикѣ, безъ всякихъ предварительныхъ оповѣщеній о столь обширномъ отдѣлѣ. Въ глазахъ издателя художественные вопросы въ данномъ случаѣ играли роль настоятельнаго общаго интереса. И вполне естественно по той связи литературной лжи и общественныхъ представлений, какую раскрывалъ авторъ Каиба.

Критическія статьи «Зрителя» принадлежать не Крылову, а его сотруднику Плавильщикову и нѣкоему корреспонденту изъ Орла.

Корреспондентъ ставитъ эпиграфомъ къ своимъ очень запальчивымъ разсужденіямъ правило: «Вода безъ теченія зарастаетъ, словесность безъ критики дремлетъ». Это очень смѣлая мысль. Мы увидимъ, она не скоро получила право считаться правильной въ нашей журналистикѣ. Необходимость и даже пользу критики будутъ отвергать такіе популярныя писатели, какъ Карамзинъ. Крыловъ, очевидно, держался совершенно противоположнаго взгляда.

Рядъ статей посвященъ театру и драмѣ. Основная идея не новая — послѣ предисловія Лукина. Русскіе не могутъ слѣпо подражать ни французамъ ни англичанамъ: «мы имѣемъ свои права, свое свойство и, слѣдовательно, должны быть свой вкусъ». Онъ вполне возможенъ. По мнѣнію автора, у русскихъ не менѣе хорошаго, чѣмъ у иностранцевъ, пожалуй, даже больше. Французскія пьесы, напри- мѣръ, безпрестанно отступаютъ отъ природы. Вся ихъ классическая теорія — сплошное насиліе надъ правдой и естественностью. Критикъ въ совершенствѣ понимаетъ нелѣпость единствъ, основную язву французской трагедіи, отсутствіе дѣйствія и обиліе монологовъ, онъ готовъ вообще сдать въ архивъ драматическія правила. «Есть ли дѣло идетъ о пожертвованіи единству мѣста и времени истинными красотами, то тогда сочинитель погрѣшитъ самъ противъ себя и противу зрителей, представивъ имъ скуку по правиламъ». И авторъ знаетъ не мало пьесъ, написанныхъ безъ правилъ и «полнотою своею» «привлекательныхъ», а пьесы съ правилами «страждутъ недугомъ сухости». Критикъ идетъ гораздо дальше. Онъ будто предчувствуетъ грядущій русскій романтизмъ съ его чудовищными эффектами. Онъ предупреждаетъ писателей, что жестокія злодѣянія

россиянамъ несвойственны, достаточно изображать порокъ «безъ усиленнаго начертанія», и впечатлѣніе будетъ достигнуто. Драма защищается безусловно, потому что она ближе къ природѣ, чѣмъ трагедія. Авторъ возстае на авторитетъ Вольтера и Сумарокова «по естеству вещей», т.-е. на основаніи наблюденій надъ дѣйствительностью, гдѣ постоянно чередуются смѣхъ и слезы. Всѣ эти соображенія пересыпаны крайне рѣзкими выходками, не имѣющими ничего общаго съ искусствомъ. А между тѣмъ они первоисточникъ и основной мотивъ всей критики.

Авторъ — прямолинейный патриотъ. Статьи онъ начинаетъ сътованіемъ на иностранныя нравы, магазины, таланты, вызывающіе у русскихъ самыя пристрастныя, восторженныя чувства. Посредственный, чужой писатель кажется гениемъ, а свой отечественный талантъ находится въ пренебреженіи. На русской сценѣ представляютъ скорѣе Чингисъ-хана, чѣмъ героя родной исторіи. У театра во время французскаго представленія вся площадь заставлена шестернями, а русскимъ интересуются только пѣшеходы. Неужели разумно «гнушаться ощущеніями, внушенными природой?» И «неужели для всѣхъ народовъ на свѣтѣ природа мать, а для насъ однихъ мачеха, которая не дала намъ никакой собственности?» Этотъ мучительный вопросъ, очевидно, и вдохновилъ автора на литературную критику. Подъ влияніемъ оскорбленнаго національнаго чувства, онъ дошелъ до сомнѣній въ классической трагедіи и въ безусловной талантливости французскихъ авторовъ. Предъ нами въ нѣкоторомъ родѣ психологія Чацкаго. Начинаетъ авторъ съ уничтоженія *Свадьбы Фигаровой* и прославленія Козьмы Минина, какъ трагическаго героя, а кончаетъ негодованіемъ на иностранныя гусинныя чиненія перья; они продаются дороже многихъ російскихъ сочиненій! Достается, конечно, и французскому языку — бѣдному и невыразительному. Однимъ словомъ, патриотическое настроеніе разливается широкой волной и раздраженнаго публициста превращаетъ въ очень пронизательнаго критика. Но такъ какъ все дѣло именно въ публицистикѣ, а не въ художественномъ чувствѣ и не въ эстетической вдумчивости, — авторъ доводитъ свою критику только до извѣстныхъ предѣловъ, достаточныхъ для удовлетворенія его національнаго идеала. Въ результатъ остаются неприкосновенными многіе предрасудки того же французскаго происхожденія. Авторъ, напримѣръ, требуетъ въ драмѣ непременно торжествующей добродѣтели; только тогда нравственный смыслъ будетъ извлеченъ изъ пьесы «во всемъ своемъ блистаніи». Не допускается и Шекспиръ со всѣми оригинальными чертами его таланта. У него рядомъ съ «наиблагороднѣйшими трагическими красотою» имѣются такого сорта лица и дѣйствія, коихъ «просвѣщенный вкусъ» одобрить не можетъ. Въ результатъ — «Чексперовы красоты подобны молніи, блистающей въ темнотѣ ночной: всякъ видитъ, сколь далеки они отъ блеску солнечнаго въ срединѣ яснаго дня».

Впослѣдствіи авторъ выразится еще энергичнѣе. Въ отвѣтъ на разсужденія противника онъ заявитъ совершенно въ духѣ только что раскритикованнаго Вольтера и его русскаго послѣдователя: «Для героевъ вы хотите, чтобы родился у насъ *Чексперъ*... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса и видно, что вы, начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсныя предѣлы площадей, рынковъ и кабаковъ».

И это понятно. Авторъ, ратуя за природу, не дерзаетъ признать ее безъ надлежащихъ операций надъ ея безобразіемъ — людей свѣдущихъ. «Всякая природа въ своемъ обнаженіи мало привлекательна, авторъ въ украшеніи, кажется, обновляетъ ее». Очевидно, авторъ не заинтересованъ собственно въ коренномъ преобразованіи искусства, онъ только желаетъ убѣдить соотечественниковъ признать *свое, русское* хорошимъ и годнымъ для театральнаго зрѣлища. Такъ его идею и понялъ орловскій корреспондентъ, потерявшій всякое терпѣніе отъ патріотическихъ разглагольствованій «Зрителя»: «нѣтъ мочи моею выдержать всего того, что вы пишете»... Въ Россіи нѣтъ писателей, равныхъ Расину, Корнелю и Вольтеру, нѣтъ и произведеній, способныхъ соперничать съ французскими. Что же смотрѣть русской публикѣ? Не только нечего въ настоящее время, но, вѣроятно, и долго еще не будетъ созданъ русскій вкусъ по очень простой причинѣ. Русскимъ авторамъ негдѣ брать литературныхъ мотивовъ. Большой свѣтъ въ Россіи болѣе иностранный, чѣмъ русскій, сельскіе жители копятъ въ дыму... Не захочетъ же авторъ-патріотъ видѣть въ оперѣ четырехъ пьяныхъ женщинъ съ ядовой и съ площадными пѣснями. А это картины «въ самомъ природномъ видѣ, достойныя кисти какого-нибудь фламандскаго живописца».

Авторъ предупреждаетъ русскихъ патріотовъ отъ неразумнаго увлеченія отечественнымъ просвѣщеніемъ, художествами, науками. Приемъ крайне опасный подобное самохвальство. Рѣчь автора въ высшей степени любопытна: она долго будетъ повторяться въ русской публицистикѣ. Мы будто присутствуемъ при зароженіи междоусобицы западниковъ и славянофиловъ. «Прекрасное средство», восклицаетъ авторъ, «ободрятъ науки, говоря, что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли изъ любви къ соотечественникамъ показывать ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенить желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнилась со славою російскаго оружія». Прекрасныя мысли! Подъ ними, несомнѣнно подписался бы самъ Крыловъ. По крайней мѣрѣ, къ нему отнюдь не могъ относиться упрекъ въ равнодушномъ отношеніи къ недостаткамъ соотечественниковъ. Всѣ статьи издателя преисполнены сатирическаго духа, и каждая изъ нихъ безпощадный приговоръ надъ притворнымъ просвѣщеніемъ.

Упрекъ слѣдовало направить по адресу противника «Зрителя», его московскаго конкурента, журнала по преимуществу восторженнаго, лирическаго, и склоннаго ко всякаго рода самообольщенію личному и патріотическому. И какъ велика оказывалась разница

въ критическихъ воззрѣнiяхъ того и другого изданiя, прямо въ зависимости отъ того, что одинъ издатель — первостепенный сатирикъ своего времени, а другой всѣми силами открещивался отъ сатиры! «Расположенiе души моей», заявлялъ онъ публикѣ, «слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу». Для благодушнаго автора, очевидно, сатира и брань казались тождественными и одинаково предосудительными. Мы заранѣе можемъ угадать результаты.

«Зритель» именно на почвѣ сатиры вооружился противъ фальшивыхъ направленiй литературы. Сатирической, общественно-отрицательный духъ заставилъ его осмѣять оду и идиллiю, негодование на модное воспитанiе вооружило его на классическую трагедiю и ея теорiю. Чтобы показать всю уродливость манiи подражанiя, логически требовалось обнаружить несостоятельность того, чему подражали. И русскiе націоналисты невольно догадывались о сухости классическихъ пьесъ, о прозаичности французскихъ стиховъ, о посредственности многихъ иноземныхъ авторовъ. Соственно развивался не вкусъ самъ по себѣ, а здравый смыслъ направлялъ свою критику въ область вкуса.

Этого на первое время вполне достаточно.

Французскiя теорiи до такой степени противорѣчили именно разсудку и логикѣ, независимо отъ ихъ художественныхъ изысковъ, что стоило умному наблюдателю отважиться отрицать и противорѣчить, и священное зданiе начинало колебаться. Отвага же внушалась патрiотическимъ гнѣвомъ, даже въ сильнѣйшей степени, чѣмъ это требовалось для чисто-литературнаго протеста.

Отсюда ясны заслуги русской сатиры въ критикѣ, т.-е. *художественнаго* дарованiя и *публицистическаго* направленiя журналистовъ. И то и другое были настолько существенными, рѣшающими силами, что *сатирическiя* статьи Крыловскаго журнала по части критики, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ опередили чисто-художественныхъ судей современной литературы и заранѣе указали путь борьбы съ новымъ росiйско-европейскимъ повѣтриемъ, смѣнявшимъ классицизмъ, — съ карамзинской чувствительностью.

«Зритель» находился въ дѣятельной полемикѣ съ «Московскимъ Журналомъ» Карамзина. Поводъ, какъ увидимъ, на первый взглядъ частный и незначительный, но причина полемики несравненно глубже. Предъ нами два совершенно различныхъ критика по направленiю и даже по личной психологiи. Одинъ — оптимистъ и чистый эстетикъ, другой — одинъ изъ реальнѣйшихъ и, слѣдовательно, далеко не прекраснодушныхъ наблюдателей дѣйствительности и въ силу этого совершенно непричастный чистому искусству и высшему счастью младенчески-восхищеннаго сердца.

Ивановъ.

Общій характеръ морали басенъ Крылова.

Какъ ни язвительна была сатира Крылова, однако онъ самъ видѣлъ, что одною сатирою нельзя исправить людей. Въ комъ найдется столько смиренномудрія, чтобы, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, откровенно сказать самому себѣ: «да, и у меня пушекъ на рыльцѣ есть?» Онъ видѣлъ это, и рядомъ съ баснею о медвѣдѣ, который перетаскалъ весь медъ въ свою берлогу, помѣстилъ *Зеркало и Обезьяна*, которую заключилъ словами:

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любить узнавать никто себя въ сатирѣ.

Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Спесь, чванство, домогательство незаслуженныхъ почестей и всегда соединенное съ этими пороками отсутствіе истинныхъ достоинствъ, находили въ немъ неумолимаго гонителя. Онъ требовалъ отъ людей правды, искренности, требовалъ, чтобы они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Его паукъ, который, уцѣпившись за хвостъ орла, былъ занесенъ имъ на верхъ кавказскихъ горъ и тамъ, возгордившись, задумалъ затмить орлу же солнце, — летитъ внизъ отъ перваго дуновенія вѣтра и служитъ урокомъ тому, кто думаетъ создать свое общественное значеніе только на томъ, что случай доставилъ ему возможность схватиться за хвостъ вельможи.

Онъ мудро совѣтуетъ людямъ держаться той среды, которую имъ опредѣлила судьба, и, утѣшивъ безвѣстнаго труженика, рассказавъ ему о пчелѣ, презрѣнной орломъ, указалъ на примѣръ осла, который, родившись на свѣтъ, почти какъ мошка малъ, сталъ просить у Зевса большого роста, думая, что если бы онъ былъ ростомъ только съ телянка, «то съ барсовъ и со львовъ онъ спеси бы посбилъ» и заставилъ всѣхъ говорить о себѣ.

..... Моленія Осла

Послушался Зевесъ:

И сталъ Осель скотиной превеликой,
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикій,
Что нашъ ушастый Геркулесъ
Перепугалъ было весь лѣсъ.

Не прошло и году, какъ всѣ узнали, кто осель:

Осель мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

Этотъ рассказъ онъ заключилъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Смыслъ басни сей найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучше ль вѣкъ изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ.

При всей своей неподвижности и видимомъ равнодушіи ко всемъ окружающему, Крыловъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило внутри государства, не ограничиваясь одною какою-либо сферою. Вопросы литературы, политики, администраціи, явленія жизни частной и общественной равно были ему извѣстны, и обо всемъ умѣлъ онъ произнести свое мнѣніе, основанное не на минутномъ увлеченіи извѣстнымъ взглядомъ партіи, модномъ философскомъ ученіи, но на здравыхъ, непоколебимыхъ вѣчныхъ началахъ. Проницательный взглядъ его не омраченъ никакими увлеченіями: «ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ (говоритъ Плетневъ) не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой онъ утвердился собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ». Онъ не учился ни въ какой школѣ; самая жизнь была для него школою; изъ нея черпалъ онъ свою мудрость и освѣщаль ея путь для заблудившихся и для тѣхъ, которые, по неопытности, вѣтрености или излишней воспріимчивости, могли заблудиться.

Изученіе его басенъ въ связи съ тѣмъ временемъ, когда онѣ являлись въ свѣтъ, разрѣшаетъ вопросъ, почему современники предрекли ему безсмертіе. Онъ глубоко понималъ ихъ стремленія, живо чувствовалъ ихъ симпатіи и антипатіи, и для всего, что волновало ихъ умы и заставляло биться ихъ сердца, онъ нашелъ выраженіе, все это облекъ въ образы, доступные пониманію каждаго. Онъ разрѣшалъ вопросы, приводившіе ихъ въ недоумѣніе, и въ его рѣшеніяхъ «слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ полного своего совершенства» (Гоголь).

Кеневичъ.

Вопросы воспитанія и образованія въ басняхъ Крылова.

Басня *Воспитаніе Льва* примыкаетъ къ цѣлому разряду другихъ, писанныхъ на тему о правильномъ воспитаніи. Въ своемъ сужденіи о воспитаніи императора Александра Крыловъ вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія тогдашнихъ консерваторовъ-націоналистовъ, выраженную Вигелемъ, по мнѣнію котораго «его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины: образованіе его ума поручила она женевицу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего приѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ». Крайность взгляда Крылова ярко сказывается въ томъ, что молодой *левъ* въ его баснѣ подъ руководствомъ *орла* изучаетъ *птичьи* нужды и, прошедши свою школу, намѣревается учить своихъ подданныхъ *вить нѣзда*; слѣдовательно, по мнѣнію Крылова, между русскимъ народомъ, его нуждами и потребностями, пользами и выгодами, и западно-европейскимъ міромъ, представителемъ котораго въ данномъ случаѣ является Лагарпъ,

не болѣе общаго, чѣмъ между міромъ зрѣрей и пернатыхъ. Несомнѣнно, что идея національной самобытности выражена здѣсь до крайности рѣзко, въ ущербъ мысли о гуманитарныхъ общечеловѣческихъ началахъ, составляющихъ истинную основу воспитанія. Конечно, Лагарпъ не зналъ и не могъ знать Россіи; но не слѣдуетъ забывать, что онъ не одинъ былъ воспитателемъ будущаго императора, и что, если его питомецъ не вынесъ изъ своей школы точнаго и вѣрнаго понятія о насущныхъ потребностяхъ своего государства и народа, то вина въ этомъ падаетъ гораздо болѣе на русскихъ наставниковъ Александра, не сумѣвшихъ или не хотѣвшихъ восполнить этотъ важный пробѣлъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что, несмотря на кратковременность обученія у Лагарпа и на нѣсколько двойственное положеніе послѣдняго при дворѣ, вліяніе этого женева на его воспитанника было и очень сильно и очень продолжительно, что объясняется умственнымъ превосходствомъ Лагарпа надъ прочими наставниками, а главное — самымъ духомъ его уроковъ, отвѣчавшихъ лучшимъ душевнымъ наклонностямъ юнаго Александра. Занятія съ Лагарпомъ расширяли умственный горизонтъ будущаго государя, знакомили его съ жизнью и идеалами древняго міра, съ плодотворными идеями европейскихъ мыслителей и внушали идеалистическую любовь къ свободѣ, гражданскимъ доблестямъ, справедливости, равенству, общему благу, отвращеніе къ деспотизму и рабству, — вообще дѣйствовали возвышающимъ и освѣжающимъ образомъ на воспримчивую, мечтательную душу порфиророднаго отрока. Вліяніе наставника-республиканца, поскольку оно признавалось нежелательнымъ, сдерживалось и ограничивалось другими воспитателями, но, очевидно, ихъ доводы не въ силахъ были перевѣсить запасъ идей, внушенныхъ Александру Лагарпомъ, тѣмъ болѣе, что, подобно послѣднему, одинъ изъ русскихъ наставниковъ молодого великаго князя, именно М. Н. Муравьевъ, также былъ одушевленъ помыслами объ общественномъ благѣ и ненавистью къ рабству и угнетенію. Во всякомъ случаѣ, одно безспорно, что настоящаго, живаго знакомства съ положеніемъ и потребностями народа не могли при условіяхъ того времени дать Александру ни туземные, ни иностранные наставники, ни сановники, до тонкости изучившіе придворную науку, ни опытные администраторы, хорошо знавшіе рутину государственнаго механизма, ни люди науки, черпавшіе свои познанія изъ книгъ, главнымъ образомъ, изъ древнихъ и новыхъ европейскихъ классиковъ. Даже знаніе общаго хода историческаго развитія примѣнительно къ родной странѣ, основательное знакомство съ прошлыми судьбами народа, съ его общественною и духовною жизнью въ теченіе ряда вѣковъ, при уровнѣ историческихъ знаній въ концѣ XVIII вѣка, должно было носить характеръ неполный, отрывочный, поверхностный и односторонній. Трудно въ виду всего этого обвинять Екатерину за то, что она, желая поставить на разумныхъ основаніяхъ воспитаніе своего внука, обратилась за помощью

къ Западу, къ идеямъ Локка и Руссо, какъ къ лучшимъ результатамъ человѣческаго мышленія, не находя у себя дома ничего, что можно было бы поставить вровень или въ противовѣсъ этому культурному запасу.

Если полученное воспитаніе отрывало будущаго императора отъ реальной почвы, на которой ему впослѣдствіи пришлось работать, не обогатило его необходимыми, насущными свѣдѣніями и вообще носило отпечатокъ идеально-мечтательнаго дилетантизма, — оно, по крайней мѣрѣ, способствовало развитію общечеловѣческихъ принциповъ, во исполненіе пожеланія, такъ кратко и ясно выраженнаго Державинымъ въ его знаменитой одѣ: «Будь на тронѣ *человѣкъ!*» — «Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не *славянами*. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я *человѣкъ!*» Такъ писалъ въ свое время Карамзинъ, но не всѣ и не всегда думали и думаютъ такимъ образомъ, не всегда и самъ авторъ этихъ словъ оставался вѣренъ провозглашенному имъ принципу. Въ «Воспитаніи Льва» Крылова мы видимъ выраженіе идеи національной особенности, которая въ крайнемъ развитіи приводитъ къ неменьшимъ несообразностямъ, чѣмъ и абсолютный космополитизмъ.

Вопросу о воспитаніи и просвѣщеніи Крыловъ посвятилъ, какъ извѣстно, еще басни: «Кукушка и Горленка», «Крестьянинъ и Змѣя», «Червонецъ», «Бочка» и «Водолазы». Изъ нихъ первыя двѣ написаны на специальную тему о вредѣ воспитанія черезъ наемныхъ лицъ, главнымъ образомъ, иностранцевъ; двѣ слѣдующія, хотя также несомнѣнно имѣютъ въ виду то же явленіе въ жизни русскаго общества, ставятъ, однако, проблему нѣсколько шире, особенно «Червонецъ», прямо начинающійся общимъ вопросомъ: «Полезно ль просвѣщеніе?» Наконецъ, въ «Водолазахъ» мы находимъ еще болѣе принципиальную постановку вопроса — о пользѣ или вредѣ не одного только *просвѣщенія*, болѣе или менѣе внѣшняго, а ученя, науки, знанія вообще, независимо отъ его правильного или ложнаго направленія. Въ «Кукушкѣ и Горленкѣ» выражена простая и безусловно вѣрная мысль о томъ, что родители, ввѣряющіе своихъ дѣтей «наемничьимъ рукамъ», не могутъ и не въ правѣ ожидать привязанности отъ нихъ. Вопросъ національный въ этой баснѣ не затрогивается прямо, говорится вообще о «наемникахъ», кто бы они ни были, хотя, при соображеніи съ тогдашними условіями, трудно сомнѣваться, что рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о воспитателяхъ-иностранцахъ. Однако, заключающіяся въ нравоученіи къ баснѣ слова: «но, если выросли они *въ разлукѣ съ вами...*» могутъ быть приняты также по адресу воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; только едва ли основательно было бы обвинять родителей за отдачу дѣтей въ интернаты въ такое время, когда выборъ между существующими училищами былъ, во всякомъ случаѣ, не особенно великъ, и разлука родителей съ дѣтьми предста-

влялась нерѣдко неизбѣжною, если вообще хотѣли дать дѣтямъ какое-нибудь образованіе, не имѣя возможности всецѣло сосредоточить дѣло воспитанія и обученія въ стѣнахъ родного дома. Въ «Бочкѣ» авторъ указываетъ на тлетворное вліяніе «вреднаго ученья», которымъ стоитъ лишь напитаться съ юныхъ дней, чтобы потомъ отзывать имъ постоянно. Можетъ-быть, такое утвержденіе слишкомъ рѣшительно высказано; но главный вопросъ заключается не въ этомъ: намъ любопытно было бы знать, какія именно вредныя ученія имѣеть здѣсь Крыловъ въ виду. Понятіе о вредномъ весьма растяжимо, и выясненіе вопроса въ данномъ случаѣ могло бы пролить свѣтъ на отношеніе Крылова къ современнымъ ему умственнымъ теченіямъ въ русскомъ обществѣ. Къ сожалѣнію, прямого отвѣта на интересующій насъ вопросъ мы не имѣемъ и можемъ только предполагать, что рѣчь идетъ или о матеріализмѣ, или о модныхъ въ то время увлеченіяхъ мистицизмомъ, масонствомъ, иллюминатствомъ и т. д., или, наконецъ, о политическомъ вольнодумствѣ, проявленія котораго тѣсно связывались, по убѣжденію консерваторовъ того времени, съ обѣими названными противоположностями.

Басня «Крестьянинъ и Змѣя» принадлежитъ къ числу наиболѣе характерныхъ какъ для самого ея автора, такъ и вообще для той эпохи, когда появилась въ печати (1813 г.). Не даромъ она помѣщена въ «Сынѣ Отечества», начавшемъ выходить въ свѣтъ въ годину непріятельскаго нашествія и поставившемъ своею задачею борьбу во имя патріотизма и національности противъ преобладанія иноземныхъ вліяній. Съ возбужденнымъ до крайности настроеніемъ тогдашняго общества вполне гармонируетъ рѣзкій приговоръ, произнесенный Крыловымъ надъ всѣми воспитателями-французами безъ разбора: не подвергая сомнѣнію добрыхъ качествъ змѣи, просящейся къ нему въ домъ, крестьянинъ тѣмъ не менѣе отказывается принять ее изъ опасенія дурного примѣра: за одной доброй змѣей вползуть сто злыхъ; сверхъ того, и лучшая змѣя все же остается змѣей и *ни къ чорту не годится*. Здѣсь, слѣдовательно, кладется позорное клеймо на цѣлую націю, изображаемую въ видѣ скопища змѣй, отъ которыхъ нельзя ничего ожидать, кромѣ зла. Что въ данномъ случаѣ Крыловъ выражалъ не одно свое личное воззрѣніе, видно уже изъ того, что вмѣсто всякаго разъяснительнаго нравоученія онъ на этотъ разъ ограничился однимъ короткимъ вопросомъ: «Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?» Идея басни, стало-быть по мнѣнію автора, достаточно ясна сама по себѣ. Въ высшей степени характерны (приведенныя въ примѣчаніяхъ Кеневича)¹⁾ выдержки изъ того же «Сына Отечества» за 1812—1813 года, посвященныя тому же вопросу о тлетворности французскаго духа, французскаго воспитанія, — выдержки, отражающія озлобленіе современнаго общества противъ враговъ, грозившихъ поработить Россію. Какъ всегда бываетъ въ по-

¹⁾ Стран. 119—123.

добныхъ случаяхъ, озлобленіе не знало границъ, обобщалось на весь народъ безъ изъятія; имя «французъ» являлось синонимомъ чудовища, изверга, варвара; вся нація представлялась лишенною вполнѣ нравственныхъ основъ, безъ религіи, безъ добродѣтели, безъ гражданскихъ доблестей и т. д. Раздавались даже голоса, взывавшіе «*delenda Francia!*» и предсказывавшіе французскому народу въ будущемъ участь даже не евреевъ, связанныхъ въ своемъ разсѣяніи тѣсными узами религіи, а бродячихъ цыганъ! Начиная съ официальной рѣчи Гнѣдича, читанной при открытіи Публичной бібліотеки, и кончая карикатурами Терebeneва, предназначеннаго для народной массы, во всей литературѣ тѣхъ годовъ мы найдемъ яркія проявленія этого безусловно отрицательнаго и непримиримо-враждебнаго отношенія къ «новымъ вандаламъ», по выраженію нашего баснописца («Ворона и Курица»). Вообще, какъ извѣстно, нападки на господствовавшую въ русскомъ образованномъ или полуобразованномъ обществѣ галломанію не представляли собою новаго сюжета въ русской литературѣ: напротивъ, эта тема трактовалась нашими сатириками чуть не со временъ Кантемира; въ комедіяхъ Сумарокова и въ журналахъ екатерининской эпохи «петиметры» и «щеголихи», не умѣющіе говорить на своемъ родномъ языкѣ, презирающіе все русское и корчащіе изъ себя чистокровныхъ французовъ, пустоголовые, невѣжественные при всемъ внѣшнемъ лоскѣ, легкомысленные и безнравственные, — постоянно фигурируютъ на ряду съ доморощенными, первобытными невѣждами. Не менѣе излюбленными персонажами являются эти обезьяны просвѣщенія и въ комедіяхъ Княжнина и Фонвизина: достаточно вспомнить бригадирскаго сына, обучавшагося до поѣздки въ Парижъ у французскаго кучера, и совѣтницу у гувернера Пеликана, умѣющаго «рвать зубы мастерски и вырѣзывать мозоли». Самъ Крыловъ, еще будучи издателемъ «Почты Духовъ», затронулъ тотъ же вопросъ о модномъ воспитаніи, замѣнившемъ будто бы прежнюю благочестивую простоту и чистоту нравовъ: «Теперь, по прошествіи *варварскихъ* временъ, задумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы». Также въ комедіи Крылова «Модная Лавка» (1780 г.) выведенъ на сцену французъ — плутъ, ростовщикъ и доносчикъ; другая его комедія, имѣвшая не меньшій успѣхъ у зрителей, — «Урокъ Дочкамъ», — написана опять-таки въ насмѣшку надъ галломаніею. Однако всѣ эти сатирическія вылазки, порою рѣзко саркастическаго оттѣнка, еще весьма далеки отъ того нетерпимаго ожесточенія и патріотически-приподнятаго, проповѣдническаго тона, какія явились результатомъ отечественной войны и вызванныхъ ею національныхъ страстей. Иностранные воспитатели — и притомъ не одни французы — вообще играли важную и иногда, дѣйствительно, отрицательную роль въ исторіи русскаго

просвѣщенія XVIII и начала XIX вѣка, что было и вполнѣ понятно: не имѣя часто другихъ наставниковъ русскихъ, кромѣ Кутейкиныхъ и Цифиркиныхъ, общество по необходимости должно было прибѣгать и къ иноземнымъ Вральманамъ и Бопре («Капитанская дочка»), безъ котораго молодой Гриневъ, — правда, ничему не научившійся у своего *мусе*, кромѣ фехтованія, — не имѣлъ бы другого ментора, кромѣ патріархально-преданнаго холопа Савельича. Указанные нами экземпляры, выведенные въ литературѣ, были еще далеко не худшими: дѣйствительная жизнь представляла и такихъ субъектовъ, каковы грубый, жестокий невѣжда Миллеръ или еще болѣе жестокий и развратный Иосифъ Розе, съ которыми познакомили записки Болотова и Державина. Не разъ и позднѣйшая русская литература касалась того же вопроса о вліяніи самозванныхъ воспитателей, преимущественно французовъ, на русскихъ питомцевъ, и не разъ Бѣлинскому съ его обычною мѣткостью приходилось указывать на устарѣлость и односторонность такихъ выходовъ, напр., по поводу романа Основьяненка «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова» (1841), герой котораго нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у французца Филу. Говоря объ этомъ произведеніи, Бѣлинскій замѣчаетъ: «По мнѣнію г. Основьяненка, всѣ иностранцы — злодѣи и мерзавцы; отъ нихъ все зло на свѣтѣ... Всѣ иностранцы, выведенные въ его повѣсти, ссылаются въ Сибирь, а иностранки дѣлаются развратницами... Старая пѣсня! Теперь всякому извѣстно, что много было вреда для общества отъ разныхъ выходцевъ, но что между ними бывали и достойные люди, сдѣлавшіе много добра... Кстати: почему авторъ не сказалъ, въ какомъ пансіонѣ воспитывался опекунъ Столбикова, члены суда, которые вопреки законамъ сдѣлали его опекуномъ, и прочія лица, въ такой наготѣ и такъ рѣзко изображенныя въ романѣ?» Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ Бѣлинскій нѣсколько позже (1845 г.) по поводу «Тарантаса» гр. Соллогуба, отмѣчая филиппику автора противъ злополучныхъ воспитателей, поневолѣ осѣвшихъ на Руси послѣ кампаніи 1812 года: «Всѣмъ извѣстно, что французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельдфебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые подъ предлогомъ воспитанія испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе». Бѣлинскій находитъ это замѣчаніе энергическимъ и остроумнымъ, но далеко не новымъ, такъ какъ «оно уже тысячу тысячъ разъ было предметомъ посильныхъ остротъ журналовъ и нравоучительныхъ романовъ добраго стараго времени», и притомъ «едва ли основательнымъ», такъ какъ «человѣку, несчастною судьбою занесенному въ чужую страну, нечего ѣсть, а умирать съ голоду, естественно, не хочется; что же тутъ острить, что онъ схватился даже и за воспитаніе, чтобы добыть кусокъ хлѣба?» (Впрочемъ, въ данномъ случаѣ и самъ авторъ «Тарантаса» не обобщаетъ своей рѣзкой характеристики на иностранцевъ безъ разбора, выключая эмигрантовъ изъ прочей «саранчи»). Этотъ человѣчный взглядъ на дѣло,

затемненный у людей, пережившихъ эпоху 1812 годъ, національными страстями, проглядывалъ и у гуманиста XVIII вѣка, Фонвизина: его Вральманъ только тогда взялся за учительство, когда пропалатался въ Москвѣ три мѣсяца безъ мѣста, вслѣдствіе чего ему пришлось либо съ голоду умирать, либо быть учителемъ Митрофанушки, и при первой же возможности Вральманъ охотно бросаетъ несвойственное ему шарлатанство, хорошо по тогдашнимъ условіямъ оплачиваемое, чтобы стать по прежнему кучеромъ. Такую же страничку изъ дѣйствительной жизни, исполненную истиннаго трагизма въ смѣшеніи съ неподдѣльнымъ комизмомъ, представляетъ намъ мимоходомъ авторъ «Записокъ Охотника» въ своемъ «Однодворцѣ Овсянниковѣ», рассказывая о походе барабанщика Лежѣна, едва не утопленнаго смоленскими мужичками и спасеннаго только увѣреніемъ, что онъ можетъ быть учителемъ музыки. Только писатель новаго поколѣнія, Тургеневъ, и его сверстники усвоили себѣ вполне свободный и безпристрастный тонъ по отношенію къ иностраннымъ просвѣтителямъ русскаго юношества: вспомнимъ добродушнаго, сентиментальнаго нѣмца въ стихотворной поэмѣ Тургенева «Помѣщикъ», тоскующаго по далекой родинѣ, меланхолика Рикмана въ «Дневникѣ лишняго человѣка», идеалиста-пѣвца въ «Фаустѣ», жреца чистаго, возвышеннаго искусства, музыканта Лемма въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»... Въ романѣ «Кто виноватъ?» наше вниманіе приковывается къ себѣ благородный мечтатель-женевецъ, гувернеръ Бельтова, имѣвшій такое сильное вліяніе на своего питомца, при чѣмъ естественная связь идей приводитъ намъ на память другого историческаго женева въ отношеніяхъ къ его царственному ученику. Но именно только лучшіе люди 40-хъ годовъ могли освободиться и отъ фонвизинской комической утрировки и отъ нетерпимой ненависти «Сына Отечества». Представители эпохи непосредственно предыдущей еще не въ силахъ были стать на объективную точку зрѣнія: даже у Грибоѣдова не только Фамусовъ брюзжитъ противъ «Кузнецкаго моста и вѣчныхъ французовъ», но и Чацкій, т.-е. самъ авторъ, справедливо негодуя противъ «пустого, рабскаго, слѣпонаго подражанья» и «чужевластья моды», въ пылу разгоряченія на «французика изъ Бордо» и «сестрицъ-княженъ» жалѣетъ о бородахъ и длиннополыхъ кафтанахъ древней Руси и полагаетъ желательнымъ занять у китайцевъ «премудраго незнанья иноземцевъ». Болѣе спокойный и уравновѣженный Пушкинъ, рисуя картину воспитанія Гринева или Евгенія Онѣгина, котораго *monsieur l'Abbé* всему училъ шутя, сохраняетъ гораздо болѣе объективный тонъ бытописателя, «не вѣдующаго ни жалости ни гнѣва», изображающаго жизнь, какъ она была или есть, безъ своихъ комментаріевъ, хотя преимущественно съ одной стороны. Каковы бы во всякомъ случаѣ ни были *monsieur* Бопре и *monsieur l'Abbé*, авторъ не приписываетъ имъ никакого специфически-пагубнаго вліянія на нравственность ихъ воспитанниковъ. Но отголоски прежняго, нетерпимаго отношенія сказывались и въ позднѣйшіе годы,

какъ результатъ увлеченія принципомъ народности, окрашиваясь въ оттѣнокъ славянофильства: такъ, самоучка собиратель сказаній русскаго народа, Сахаровъ, видѣлъ особенное свое счастье въ томъ, что надъ его воспитаніемъ не трудилась ни одна иноземная *тварь*. Изъ приведенныхъ выдержекъ и сопоставленій, надѣмся, ясно вытекаетъ тотъ фактъ, что въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя» Крыловъ вѣрно отразилъ настроеніе своей эпохи, бывшее и его личнымъ убѣжденіемъ; мы не можемъ вполне раздѣлять взгляда баснописца, но не считаемъ себя вправѣ и упрекать его за рѣзкость вывода, объясняемую особыми условіями времени. Мысль односторонняя все же заслуживаетъ вниманія, именно какъ мысль, прямо и искренно выраженная. Мораль басни «Червонецъ», по всей вѣроятности, также имѣетъ въ виду иноземное воспитаніе, хотя въ ней вопросъ о пользѣ просвѣщенія поставленъ въ болѣе общей формѣ и рѣшается въ положительномъ смыслѣ; авторъ предостерегаетъ только отъ ложнаго просвѣщенія, именно котораго люди часто зовутъ «роскоши прельщеніе и даже нравовъ развращеніе»; не имѣя ничего противъ «содранія коры грубости», онъ вооружается противъ пустого блеска, замѣняющаго простоту, заглушающаго природныя добрыя свойства, ослабляющаго духъ и портящаго нравы общества. Дидактизмъ этой басни (напечатанной въ 1812 г.) вполне соответствуетъ точкѣ зрѣнія сатириковъ моралистовъ XVIII вѣка: Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ, фонвизинскій Стародумъ могли бы вполне подписаться подъ баснею Крылова, какъ и подъ его (приведенною выше) тирадою въ «Почтѣ Духовъ»; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, внутренняя преемственная связь между Крыловымъ-журналистомъ и Крыловымъ-баснописцемъ съ полною наглядностью выступаетъ наружу.

Наиболѣе принципиальное рѣшеніе вопроса о пользѣ или вредѣ ученія, знанія съ точки зрѣнія Крылова представляетъ басня «Водолазы». Общественное значеніе этой басни, въ виду высокой важности затрогиваемой ею темы, было причиною того, что, слѣдуя убѣжденіямъ своихъ вліятельныхъ друзей, скромный баснописецъ на этотъ разъ выступилъ въ роли официальнаго публициста и прочелъ свое произведеніе въ торжественномъ собраніи по случаю открытія Императорской Публичной библіотеки 2 января 1814 г. Тонъ басни вполне спокойный, объективный: передавъ довольно обстоятельно доводы царскихъ совѣтниковъ за и противъ ученія, авторъ въ заключеніе первой части своего разсказа говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ, и *дѣло* вывода и *вздоры*, бумаги исписали горы, а о наукахъ споръ остался не рѣшенъ», но не даетъ ни малѣйшаго намека на то, что именно изъ изложенныхъ имъ мнѣній онъ самъ считаетъ дѣломъ и что вздоромъ. Сомнѣнія царя насчетъ пользы наукъ рѣшаетъ мудрецъ-пустынникъ своею притчею о водолазахъ; однако, хотя Плетневъ и находитъ въ этой баснѣ «рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія», едва ли это рѣшеніе въ состоя-

ни удовлетворить кого бы то ни было, разъ вопросъ поставленъ ребромъ, въ формѣ окончательной дилеммы: «да или нѣтъ? т.-е. ученымъ вонъ изъ царства убираться, или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?» Басня оканчивается притчею пустытника и выведенною изъ нея двойною моралью, и мы не знаемъ, какъ поступилъ царь, выслалъ ли онъ ученыхъ изъ своего царства, или нѣтъ; можно даже полагать, что онъ на самомъ дѣлѣ и послѣ разговора съ пустынникомъ остался на прежнемъ распутьи, не подвинувшись къ рѣшенію задачи. Выводъ пустытника напоминаетъ знаменитую формулу: «съ одной стороны, должно признаться, а съ другой, нельзя не сознаться», и единственное практическое поученіе, какое царь могъ извлечь изъ рассказанной ему притчи, сводится развѣ къ тому, чтобы поощрять ученье въ извѣстныхъ, правда, весьма трудно опредѣлимыхъ границахъ и не допускать «вольнодумства» и «суемудрія», понятій весьма растяжимыхъ. Вотъ подлинныя слова мудреца: «Хотя въ ученіи зримъ мы *многихъ благъ причину*, но *дерзкій умъ* находить въ немъ *пучину* и свой погибельный конецъ, лишь съ разницею тою, что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою». Здѣсь вторая половина періода рѣшительнѣе и развита полнѣе, чѣмъ первая, лишь въ формѣ *уступки* признающая ученье источникомъ *многихъ благъ* и по своей неопредѣленности производящая впечатлѣніе общаго мѣста. Конечный выводъ склоняется скорѣе не въ пользу наукъ, если онѣ могутъ являться пучиною, въ которую дерзкій умъ влечетъ другихъ на пагубу. Переувѣшивается ли отрицательное вліяніе ученья пользою, имъ приносимою, или наоборотъ?—заключается ли въ самомъ знаніи и въ здоровомъ смыслѣ общества надежное противоядіе противъ вредныхъ и опасныхъ увлеченій?—вотъ основные вопросы, представляющіеся уму при рѣшеніи задачи, поставленной въ разбираемой баснѣ. Если на эти вопросы не можетъ быть данъ благопріятный отвѣтъ, тогда, конечно, не можетъ быть рѣчи и о свободѣ и широтѣ научнаго изслѣдованія, всегда связаннаго съ рискомъ увлеченій и заблужденій. Не всякій умѣетъ при исканіи научныхъ жемчужовъ «выбирать себѣ по силѣ глубину», какъ разумнѣйшій изъ трехъ братьевъ-водолазовъ, а въ случаѣ примѣненія на практикѣ вывода, вытекающаго изъ морали басни, легко можетъ оказаться, что и этотъ разумный искатель истины, умѣющій опредѣлить мѣру своихъ поисковъ, будетъ лишенъ возможности «всечасно богатѣть» и обогащать другихъ плодами своихъ изысканій, такъ какъ очерченный имъ для своей дѣятельности кругъ можетъ въ глазахъ другихъ представляться слишкомъ обширнымъ. Гдѣ же оканчивается разумная *глубина*, и гдѣ начинается *пучина*?—отвѣта на такой вопросъ басня «Водолазы», конечно, не даетъ, слѣдовательно не рѣшаетъ спорнаго дѣла такъ же точно, какъ не могли его рѣшить выведенные въ баснѣ царскіе совѣтники съ ихъ противоположными сужденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что Крыловъ не былъ врагомъ просвѣщенія: враждебное отношеніе невѣжества къ знанію, ко всему, что выходитъ

за узкіе предѣлы пониманія невѣжды, вредъ, причиняемый знанію невѣждами сильными и вліятельными,—дали сатирической матеріаль не для одной басни писателя («Мартышка и очки», «Пѣтухъ и жемчужное зерно», «Свинья подъ дубомъ», «Голикъ»); съ другой стороны, онъ подвергаетъ осмѣянію теоретической педантизмъ, не умѣющій приладиться къ живой дѣйствительности («Ларчикъ», «Огородникъ» и «Философъ»), и нелѣпья, рискованныя затѣи, прикрывающіяся quasi-научнымъ авторитетомъ («Механикъ»). Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ г. Флери («Journal de St.-Petersbourg», 1867 г. № 219), упрекающаго Крылова по поводу его насмѣшекъ надъ учеными педантами («Любопытный», «Огородникъ» и «Философъ») въ неприязненномъ отношеніи къ научнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, въ пристрастіи къ рутинѣ; зато нельзя отрицать, что разрѣшеніе теоретическихъ вопросовъ высшаго порядка не удавалось Крылову. Мы видѣли на примѣрѣ «Водолазовъ», насколько неудовлетворительно онъ отвѣтилъ на вопросъ о роли знанія въ жизни человѣческаго общества. Не болѣе удачно рѣшается вопросъ о политической свободѣ въ баснѣ «Конь и Всадникъ»; разнузданный конь сбросилъ сѣдока, а самъ убили до смерти, свалившись въ оврагъ, и басня заключается банальною сентенціею: «Какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда *разумная* ей *мѣра* не дана». Справедливость этого афоризма не подлежитъ сомнѣнію, но что слѣдуетъ разумѣть подъ *разумною мѣрою* свободы? Гдѣ граница, отдѣляющая свободу отъ анархіи? По этимъ вопросамъ мыслители и общественные дѣятели постоянно расходились и будутъ расходиться во мнѣніяхъ, а живая практика не даетъ возможности установить общее теоретическое правило въ этомъ случаѣ: одинаковая степень свободы можетъ вести къ неодинаковымъ послѣдствіямъ въ зависимости отъ множества разнородныхъ условій дѣйствительности—племенныхъ, историческихъ, интеллектуальныхъ, экономическихъ и т. д. Вообще подобныя сложныя проблемы, требующія всесторонняго, тщательнаго разсмотрѣнія, представляютъ мало пригодный матеріаль для обработки въ формѣ басни, одно изъ главныхъ достоинствъ которой составляетъ краткость, и политико-философскіе трактаты подъ оболочкою басенъ часто по необходимости грѣшатъ противъ этого обязательнаго качества послѣднихъ и все-таки оставляютъ дѣло недостаточно выясненнымъ. Къ этому разряду принадлежитъ и знаменитая басня «Сочинитель и Разбойникъ», подобно «Водолазамъ», отмѣченная штемпелемъ официальной публицистики (читана въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной бібліотеки 2 января 1817 г. вмѣстѣ съ двумя другими баснями, съ которыми и напечатана впервые отдѣльною брошюрой). Содержаніе басни хорошо извѣстно: «разбойникъ пера», по выраженію новѣйшей терминологіи, «словою покрытый сочинитель», призванъ вреднѣйшимъ, чѣмъ разбойникъ большихъ дорогъ, и подвергнутъ сравнительно съ послѣднимъ гораздо тягчайшему наказанію въ загробной жизни. По характеристикѣ

самого автора, этот сочинитель, сладкогласный и опасный, как сирена, «тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ, вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ». Понятіе о литературномъ ядѣ, какъ извѣстно, не отличается опредѣленностью; однако въ этомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что авторъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности насчетъ дѣйствительнаго содержанія зловредныхъ твореній сочинителя: указаніе на безвѣріе и развратъ, укоренившіеся ими, дополняется подробными разъясненіями самой Мегеры, дающей понятіе протестующему на жестокость кары сочинителю истинную степень его виновности. Оказывается, что сочинитель величалъ безвѣріе просвѣщеніемъ, облекъ страсти и порокъ въ приманчивый видъ, осмѣялъ, какъ дѣтскія мечты, супружество, начальство, власти, выставляя ихъ источникомъ всѣхъ людскихъ бѣдъ, и чрезъ это стремился «расторгнуть связи общества», словомъ, «потрясалъ основы», какъ выражаются иногда въ наше время. Положимъ, не имѣя подъ руками подлинныхъ сочиненій писателя, трудно судить о степени достовѣрности всѣхъ этихъ тяжкихъ обвиненій: вѣдь, по мнѣнію, на примѣръ, Фамусова, и Чацкій, желающій служить дѣлу, а не лицамъ, также «властей не признаетъ»; однако, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы слышимъ непреложный приговоръ загробнаго правосудія, сомнѣнія являются неумѣстными, и намъ остается признать, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ, профессиональнымъ потрясателемъ основъ. Спрашивается только, насколько умышлены были литературные грѣхи сочинителя? Сознательно ли онъ разсѣивалъ вредныя идеи, желая льстить дурнымъ страстямъ общества и увлекаясь дешевыми лаврами и восторгами толпы, или же онъ искренно, по убѣжденію, слѣдовалъ своему, хотя бы и ложному, направленію и творилъ зло, думая и желая дѣлать добро? Этотъ вопросъ далеко не безразличенъ: конечно, если бы рѣчь шла объ огражденіи общества отъ превратныхъ идей путемъ стѣсненія дѣятельности писателя, вообще о *земныхъ* мѣрахъ обузданія, — тогда можно было бы оставить въ сторонѣ вопросъ о намѣреніяхъ вреднаго автора на основаніи извѣстнаго афоризма, что самый адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Пожалуй, та же нормальная точка зрѣнія была бы понятна и за предѣлами земной жизни, сообразно съ языческими представленіями, по которымъ мстительныя адскія сестры преслѣдовали и терзали не только несознательныхъ, но даже и нечаянныхъ преступниковъ. Но на иномъ принципѣ построена мораль христіанская, провозглашающая: «не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ», допускающая, что даже всякій гонящій и убивающій провозвѣстниковъ истины можетъ быть искренно убѣжденъ, что этимъ служитъ Богу. Это — та высшая, гуманная нравственность, основанная на любви, которая среди смертныхъ мученій молить объ отпущеніи грѣха людямъ, *не выдающимъ, что творять*. Если же, по мысли автора басни, злополучный сочинитель и съ христіанской точки зрѣнія оказался достоинъ жесточайшей кары, приходится предположить,

что онъ дѣйствовалъ сознательно и потому осужденъ безъ снисхожденія (онъ и самъ, жалуясь на справедливость боговъ и не считая себя виновнѣе разбойника, готовъ признать, что писалъ *немножко волюно*). Однако, если виновность сочинителя и является неоспоримымъ фактомъ, остается еще возможнымъ спорить о силѣ его вліянія на умы современниковъ и потомковъ. Устами Мегеры Крыловъ выражаетъ свой собственный взглядъ на этотъ существенно важный вопросъ и преувеличиваетъ до крайней степени силу яда, разлитаго писателемъ въ его твореніяхъ: онъ *одинъ* оказывается виною бѣдствій цѣлой страны, которая, будучи «опоена его ученьемъ», полна «убійствами и грабежами, раздорами и мятежами» и именно *имъ* доведена «до *погибели!*» «Въ ней *каждой* капли слезъ и крови — *ты* виной!» Полагаемъ, преувеличеніе здѣсь до того явно, что не требуетъ доказательствъ. Неужели *связи*, многовѣковые устои общества могутъ быть до того шатки, что произведенія одного писателя, какъ бы онъ ни былъ вліятеленъ, въ состояніи ихъ ниспровергнуть, если для такого ужаснаго переворота не имѣется налицо другихъ, болѣе глубокихъ, органическихъ причинъ въ строѣ самого общества? Обвинять отрицательную литературу во всѣхъ бѣдствіяхъ, не входя въ изслѣдованіе ея внутренней связи съ социальными явленіями, конечно, легко; но именно писателю не слѣдовало бы забывать, что всякая литература такъ или иначе отражаетъ собою настроеніе общества, и что только тѣ произведенія могутъ оказывать на умы неотразимо сильное вліяніе, которыя отвѣчаютъ этому настроенію, выражаютъ его наиболѣе мѣтко и полно. Спрашивается: какое же *практическое* слѣдствіе можетъ быть выведено изъ басни Крылова? Она караетъ преступнаго сочинителя за предѣлами земного существованія; но если литература представляетъ собою такое опасное, обоюдоострое оружіе и можетъ приводить цѣлыя страны на край гибели, очевидно, что и на землѣ необходимо принимать мѣры къ огражденію общественнаго порядка отъ ея пагубнаго вліянія, т.-е. обуздывать и карать вредныхъ соблазнительей. Но при такомъ искорененіи плевеловъ не пострадаетъ ли и доброкачественная пшеница? Окажется ли литература въ состояніи выполнить свое дѣло служенія правдѣ и развитія общества? не окажется ли она иной разъ въ положеніи соловья, поющаго въ когтяхъ у кошки? Этотъ вопросъ остается открытымъ, и едва ли самъ Крыловъ сумѣлъ бы вполне логически примирить противорѣчивые выводы, вытекающіе изъ его же двухъ произведеній («Кошка и Соловей», «Сочинитель и Разбойникъ»). Какъ въ «Водолазахъ», такъ и въ только что разобранный баснѣ указывается на опасность, грозящую отъ ложныхъ ученій, но вполне игнорируется способность самого общества противостоять этимъ ученіямъ, если только они не коренятся въ явленіяхъ самого общественнаго строя, а также свойство научнаго знанія и литературы — самимъ обнаруживать и парализовать всякую вредную ложь, выступающую подъ ихъ флагомъ. Возможно, что Крыловъ вовсе не за-

давался вопросом о практических выводахъ изъ его басни: поставивъ дѣло на чисто теоретическую почву, онъ хотѣлъ только выразить мысль, что злоупотребленіе словомъ, особенно печатнымъ, вліяніе котораго не ограничивается ни пространствомъ ни временемъ, можетъ принести бблшій вредъ, чѣмъ открытый разбой; по тѣмъ же самымъ соображеніямъ на торжествѣ у Вельзевула змѣя, могущая жалить лишь вблизи, должна была уступить первенство клеветнику, лязвящему издалека своимъ злымъ языкомъ, отъ котораго нельзя укрыться ни за горами ни за морями («Клеветникъ и Змѣя»). Но при этой параллели между сочинителемъ и разбойникомъ Крыловъ упустилъ, кажется, изъ виду, какъ это упускается нерѣдко, что борьба съ вредными идеями требуетъ для себя иного оружія, чѣмъ борьба съ грубыми преступленіями противъ жизни и собственности.

Мы остановились такъ долго надъ «Водолазами» и «Сочинителемъ и Разбойникомъ» потому, что эти басни затрогиваютъ вопросы старые, но вѣчно остающіеся новыми, далеко не утратившіе животрепещущаго интереса и для нашего времени, постоянно вызывающіе разномысліе и ожесточенные споры. Какъ Крыловъ рѣшаетъ эти вопросы, мы уже видѣли. Намъ остается еще отмѣтить басню «Безбожники», правоченіе въ которой въ черновой рукописи поэта представляетъ любопытный вариантъ къ тексту печатныхъ изданій: изложивъ ту мысль, что стрѣлы дерзкихъ отрицателей, пущенныя на небо, рушатся на ихъ же головы, авторъ обращается къ тѣмъ, кому «Богъ вручилъ о царствахъ попеченье», съ увѣщаніемъ «любить ученье мудрости», ведущее людей къ добру, но бояться невѣрія, которое способно разорвать присягу, и родство, и дружбу, и упасть каменнымъ дождемъ на царство. Здѣсь опять возникаетъ вопросъ о способахъ огражденія человѣческихъ умовъ отъ невѣрія, — вопросъ неизбѣжный, потому что, если людскія стрѣлы и не опасны для неба, то хранители порядка на землѣ не могутъ относиться равнодушно къ отрицанію, ведущему за собою разрушеніе всѣхъ основъ общегитія.

Аммонъ.

Объ отношеніи Крылова къ наукѣ.

(По поводу басни «Водолазы».)

Лѣто 1813 года Крыловъ провелъ на дачѣ А. Н. Оленина. Въ это время послѣдній, какъ директоръ Императорской библіотеки, былъ озабоченъ окончательными приготовленіями къ открытію ея, какъ публичной библіотеки. Уже тогда былъ имъ намѣченъ планъ открытія и выбраны темы рѣчей и сочиненій, которыя должны были быть при немъ произнесены. Такихъ темъ было выбрано четыре; изъ нихъ одна была: «О пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія». Тема эта тогда же, т.-е. лѣтомъ, была Оленинимъ предложена Крылову, и результатомъ предложенія явилась басня «Водо-

лазы». Всѣ эти обстоятельства легко доказываются слѣдующими выдержками изъ писемъ Оленина къ Красовскому и Крылову отъ 6 ноября 1813 года, напечатанныхъ въ 1814 году. Вотъ что писалъ Оленинъ Красовскому: «Четвертымъ (вопросомъ) давно уже занимался вашъ товарищъ, И. А. Крыловъ, и вамъ извѣстно, съ какимъ успѣхомъ и сколь пріятно задачу мою разрѣшилъ»¹⁾. Въ письмѣ къ Крылову читаемъ слѣдующее: «Четвертымъ (вопросомъ) давно уже занимался человѣкъ вамъ весьма коротко знакомый, и именно Иванъ Андреевичъ Крыловъ; онъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ въ кругу его пріятелей и знакомыхъ (которые иногда строго разбираютъ его творенія). Теперь остается ему только согласиться сей трудъ самому прочесть предъ публикою въ день торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки... Я увѣренъ, что почтенная публика съ большимъ удовольствіемъ будетъ слушать пріятный и поучительный вашъ апологъ, который вы нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ моей сочинили»²⁾. Изъ этихъ цитатъ, полагаю, ясно, что Оленинъ высказалъ не личное мнѣніе о направленіи интересующей насъ басни, а фактъ; даже тема очевидно была подсказана имъ баснописцу. Въ виду этого, съ толкованіемъ Оленина приходится считаться, и не игнорировать, а разъяснить подробнѣе на основаніи самой басни.

Въ работахъ прежнихъ писателей была указана и возможная причина распространившихся въ 1813 году толковъ протувъ суемудрія. Дѣло въ томъ, что въ этомъ именно году появился надѣлавшій много шуму переводъ эстетики Ансильона³⁾. Нѣкоторое предостереженіе противъ увлеченія суемудренными познаніями было сочтено Оленинымъ его прямою обязанностью. Вотъ почему оно встрѣчается и въ другихъ чтеніяхъ при открытіи библіотеки, чтеніяхъ, темы и направленіе которыхъ были подробно намѣчены Оленинымъ. Въ рѣчи Красовскаго читаемъ: «Но возможно ли обозрѣть человѣку всѣ предметы знанія? Кто измѣритъ сію бездну, которая находится между глубинами земли и высотами неба?» и т. д.⁴⁾. Или: «И подлинно, восходя къ началу рода человѣческаго, мы всегда видимъ, что произведенія сіи (т.-е. произведенія ума человѣческаго) были полезны или вредны, смотря потому, на какомъ основаніи утверждался умъ. Древо познанія всегда давало сладкіе плоды, когда оно корень свой пускало въ живѣйшей любви человѣка къ своему Творцу и къ подобнымъ намъ созданіямъ»...⁵⁾ Въ рѣчи Гнѣдича читаемъ: «Прекрасное вездѣ одно и то же, какъ природа и разумъ; но не заразился бы онъ

¹⁾ Описаніе торжественнаго открытія Императ. публич. библиот. С.-Пб. 1814, стран. 140.

²⁾ Тамъ же, стран. 149.

³⁾ Я. К. Гротъ въ «Сборникѣ отд. рус. яз.», т. IV, стран. 282; Кеневичъ. Примѣчанія къ баснямъ Крылова. Изд. 2-е. С.-Пб. 1878, стран. 129.

⁴⁾ Описаніе торжественнаго открытія Императ. публич. библиот., стран. 27.

⁵⁾ Тамъ же, стран. 34.

язвою нашего вѣка, развращеннаго философіею и метафизическою поэзіей»¹⁾).

Что Крыловъ вполне раздѣлялъ взгляды Оленина на вредное вліяніе суемудрія, ясно доказывается другими его баснями, ближайшими по времени къ «Водолазамъ».

Басня «Червонецъ» (1812 г.), начинается слѣдующими стихами:

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье.

Ясно, полагаемъ, безъ всякихъ комментаріевъ, противъ какого просвѣщенія говорить поэтъ.

Или вотъ правоученіе басни «Бочка» (1814 г.).

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Припомнимъ, наконецъ, басню «Сочинитель и Разбойникъ» (1817 г.)

Разумѣть ли въ ней подъ сочинителемъ Вольтера или вообще писателя, развратившаго своими сочиненіями народы, въ сущности не важно. Вотъ упреки, посылаемые такому сочинителю поэтомъ отъ лица адеской Мегеры:

Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но разливаясь, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вотъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальство, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? — Ты.
Не ты ли *величалъ безвѣрье просвѣщеніемъ?*
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонь, опоена твоимъ ученіемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой.

Вотъ та нравственная гибель, причину которой поэтъ, конечно, слишкомъ преувеличивая, видѣлъ въ книгахъ, наполненныхъ суе-

¹⁾ Тамъ же, стран. 77.

мудрія, т.-е. исканія вещей, людямъ мало доступныхъ или совѣмъ недоступныхъ. Во избѣжаніе такихъ печальныхъ послѣдствій онъ и совѣтоваль ученіе по силамъ человѣка, умѣренное, довольствующееся познаніемъ вещей близкихъ намъ и избѣгающее недоступнаго, закрытаго. Ясно отсюда, что Крыловъ вовсе не обскурантъ (такимъ никогда не понималъ его Галаховъ), но человѣкъ осторожный, боящійся «глубокаго моря». Объясненіе «Водолазовъ», данное Оленинымъ, вполнѣ оправдывается характеромъ Крылова. Припомнимъ его собственное выраженіе: «Вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случалось, что онъ не хаживаль далеко въ море». Вспомнимъ то, какъ избѣгалъ онъ всякихъ рискованныхъ суемудренныхъ вопросовъ; иногда попросту молча уходилъ отъ нихъ. Во всей этой морали, въ этихъ поступкахъ и выраженіяхъ мы постоянно ясно видимъ «осторожнаго» дѣдушку Крылова. Драгоценное свидѣтельство Оленина исключаетъ возможность иного толкованія басни «Водолазы», — тѣмъ болѣе, что поэтъ согласился съ нимъ, допустивъ свое чтеніе по приведенному вызову и не опротестовавъ это объясненіе басни печатно, какъ не постѣснялся онъ всего за годъ передъ тѣмъ опротестовать выпущенные какимъ-то недоброжелателемъ подъ именемъ Крылова «Стихи А. С. Шишкову на случай Всемилостивѣйше пожалованный ему для слѣдованія за Его Императорскимъ Величествомъ коляски»¹⁾.

Успѣхъ объясненія басни «Водолазы» зависитъ много отъ правительнаго пониманія употребленныхъ въ ней Крыловымъ выраженій «наука» и «ученіе». Мы видѣли уже, что Оленинъ замѣнилъ ихъ общимъ выраженіемъ «просвѣщеніе». Такова была и мысль Крылова.

Я приведу для ясности изъ нашей басни всѣ мѣста, гдѣ встрѣчаются слова «наука» и «ученіе», изъ коихъ видно, что значеніе ихъ опредѣляется синонимомъ «просвѣщеніе».

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнне:
 Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?
 Не расслабляетъ ли сердце и рукъ ученье?
 И не разумѣе ль поступить онъ,
 Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства выплеть вонъ?

Для всякаго, непредубѣжденнаго въ пользу какого-либо сложнаго толкованія, ясно, что слова «наука» и «ученье» употреблены здѣсь въ равнозначущемъ значеніи, что «наука» здѣсь у Крылова не обозначаетъ науку въ смыслѣ системы знаній или научныхъ изслѣдованій, а именно ученье. Начало басни представляетъ не два отдѣльныхъ вопроса — о наукѣ и объ ученіи, — а одинъ и тотъ же вопросъ, съ нѣкоторой варіаціей: второй вопросъ служить только дополне-

¹⁾ Сборн. отд. русск. яз., т. VI, стр. 175—176. Необходимо помнить, что Крыловъ въ десять годы не былъ еще вполнѣ апатичнымъ, равнодушнымъ ко всему человѣкомъ.

ніемъ, развитіемъ перваго. Что слова «наука» и «ученье» употребляются Крыловымъ безразлично, и первое въ значеніи второго, вполне ясно изъ слѣдующихъ словъ:

Кто говорилъ, что *неученье* тьма;
Что не далъ бы Богъ намъ ума
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастью ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ *наукъ* лишь хуже стали;
Что все *ученье* бредъ,
Что отъ него лишь правамъ вредъ
И что за *просвѣщеньемъ* вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.

Этими словами изложены два противоположные отвѣта на одинъ вопросъ; въ первомъ употреблены только слова: «неученье» и «ученье», во второмъ: «наука», «ученье», «просвѣщенье» — все въ одномъ значеніи. Въ выводѣ оказалось, что «о наукахъ споръ остался нерѣшенъ». На вопросъ объ ученіи или просвѣщеніи, интересовавшій царя, были опредѣленно высказаны двѣ точки зрѣнія: одна — ученье къ счастью ведетъ людей, другая, — что отъ него лишь правамъ вредъ.

Наконецъ, возьмемъ заключеніе басни:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Въ этомъ выводѣ изъ басни нѣтъ ни одного слова о наукахъ, говорится только объ ученіи; только на этотъ вопросъ, слѣдовательно, и требовался царемъ отвѣтъ.

Это заключеніе басни особенно важно. Интересны въ немъ два послѣдніе стиха: изъ нихъ видно, что 1) апологъ пустынноика не вполне покрываетъ вопросъ царя («лишь съ разницею тою»), 2) что дѣло идетъ не объ ученыхъ, а именно о развращающемъ вліяніи суемудреннаго просвѣщенія («часто онъ другихъ влечетъ съ собою»), наконецъ, 3) что это вліяніе замѣчается не всегда, а только «часто».

Итакъ, въ «Водолазахъ» говорится не объ научныхъ работахъ, а объ ученіи, какъ думалъ Крыловъ, его близкій знакомый Оленинъ и всѣ изслѣдователи въ теченіе 80 лѣтъ.

Насъ не можетъ смущать упоминаніе въ баснѣ объ ученыхъ:

Ученымъ вонъ изъ царства убираться
Или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться? —

Ученые здѣсь понимаются только какъ распространители просвѣщенія. Только въ этомъ отношеніи до ученыхъ есть дѣло у царя; только въ томъ или иномъ распространеніи научныхъ идей и знаній можно видѣть государственные интересы. Государству, царю нѣтъ большихъ заботъ о томъ, какъ занимаются ученые, правильно или неправильно ведутся ими научныя изслѣдованія. Разъ предложена была царемъ радикальная мѣра изгнанія ученыхъ изъ его царства, а не обученія ихъ новымъ приемамъ изслѣдованія, ясное дѣло, что вредъ ихъ понимался только въ распространеніи ими «ложнаго просвѣщенія». Только это послѣднее могло подлежать интересамъ и разсмотрѣнію государства.

Лященко.

Административные и судебные нравы въ басняхъ Крылова.

Настоящую галерею чисто русскихъ портретовъ мы находимъ въ басняхъ, рисующихъ современные автору административные и судебные нравы. Здѣсь полное торжество таланта Крылова, его главные общественно-литературныя заслуги и права на бессмертіе. Сама жизнь, съ ея нелѣпыми противорѣчіями разумному идеалу, въ изобиліи преподносила матеріалъ для сатиры и вызывала смѣхъ сквозь невидимыя слезы. *Лисица* была судьей въ *курятникѣ*; *медвѣдь* выбранъ въ надсмотрщики надъ *пчелами*; *волкъ* просится въ *овечьи* старосты и получаетъ искомое мѣсто, благодаря тому, что «стараньемъ кумушки лисицы словцо о немъ замолвлено у лвицы»; для соблюденія приличія созывается звѣриная сходка для опроса относительно нравственныхъ качествъ волка, — и только наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ овцы отсутствуютъ на сходѣ! Результаты такой системы ясны сами по себѣ: медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу и попалъ подъ судъ по всей формѣ, присуждающій его — пролежать всю зиму въ берлогѣ, гдѣ онъ, вполне обеспеченный, можетъ спокойно «ждать у моря погоды». Лисица-судья «съ рыльцемъ въ пуху» также выгнана за взятки, но это не мѣшаетъ ей вынырнуть вновь въ качествѣ прокурора, согласно съ заключеніемъ котораго судьи, — два осла, двѣ старыя клячи, два иль три козла, — приговариваютъ къ *потопленію въ рѣкѣ* виновную *щуку*, поставившую, по слухамъ, рыбный столъ лисѣ-прокурору («Лисица и Сурокъ», «Медвѣдь у пчелъ», «Мірская сходка», «Щука»). Та же самая или такая же лисица является и въ роли судьи по дѣлу крестьянина, обвиняющаго овцу въ съѣденіи куръ («Крестьяннъ и Овца»), и изрекаетъ приговоръ «по совѣсти своей»: «не принимая никакихъ резоновъ отъ овцы», казнить ее «и мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу». Эта басня, которую

Бѣлинскій, какъ мы уже видѣли, призналъ едва ли не лучшею между всѣми баснями Крылова, дѣйствительно представляетъ собою неподражаемую сатиру на формальное кривосудіе, художественно-реальное и наглядное до осязательности воспроизведеніе старой судбно-канцелярской процедуры и подъяческаго стиля. Подвиги лисы этимъ еще не оканчиваются: она нанимается и на частную службу — охранять курятникъ крестьянина отъ своихъ же собратій — и благоденствуетъ на этой службѣ («Крестьянинъ и Лисица»); она же, по порученію льва, охотника до куръ, строить для нихъ помѣщеніе на славу, въ которые ни одинъ воръ не можетъ пробраться, и только для себя самой оставляетъ лазейку («Лиса-Строитель»). Лиса, по совѣту звѣрей, поставлена львомъ въ воеводы надъ рыбами и дѣлать свою прибыль съ кумомъ-мужикомъ до тѣхъ поръ, пока левъ не изобличаетъ на мѣстѣ преступления своего воеводы и его «главнаго секретаря» и не подвергаетъ ихъ, заслуженной карѣ («Рыбы пляски»). Однако извѣстно по рукописямъ, что эта басня сперва оканчивалась совершенно иначе, и только вмѣшательство цензуры заставило автора передѣлать ея финалъ въ смыслѣ наказанія порока... Любопытны также сохранившіяся въ черновыхъ спискахъ басни и опущенныя въ печатной редакціи подробности о томъ, что «въ царствѣ льва такъ развратились нравы, что безъ суда и безъ расправы, кто посильнѣй, тотъ слабаго давилъ», вслѣдствіе чего «все-народный ропотъ» всякій день доходилъ до льва, и онъ уставалъ слушать прошенія и жалобы. Наконецъ, опять-таки лиса вмѣстѣ съ медвѣдемъ, являются совѣтниками у льва, не взлюбившаго пестрыхъ овецъ и не знающаго, какъ отъ нихъ избавиться, и въ то время, какъ медвѣдь простодушно совѣтуетъ «безъ дальнихъ сборовъ» велѣть передушить неприятныхъ льву овецъ, лисица, не желая погибели невинныхъ, рекомендуетъ отвести имъ хорошія пастбища и приставить къ нимъ въ пастухи волковъ. Цѣль вполнѣ достигнута, и звѣри толкуютъ, что «левъ бы хорошъ, да все злодѣи волки!» Эта басня («Пестрыя овцы») какъ выше сказано, вовсе не была напечатана при жизни автора, и стала извѣстна только въ 1867 году, появившись въ «Русскомъ Архивѣ». Такое промедленіе едва ли объясняется случайными причинами, хотя и трудно видѣть въ баснѣ намекъ на какое-нибудь дѣйствительное событіе того времени. Фабула и заключеніе ея напоминаютъ другое позднѣйшее произведеніе Крылова: богачъ-скряга Миронъ, желая добиться доброй славы, объявляетъ, что будетъ кормить нищихъ по субботамъ, и точно, не запираетъ своихъ воротъ въ этотъ день, но зато спускаетъ съ цѣпи такихъ злыхъ собакъ, которыя вполнѣ ограждаютъ его отъ докучливыхъ посѣтителей («Миронъ»). Между тѣмъ всѣ говорятъ, что Миронъ радъ послѣднимъ подѣлиться, и только жалѣютъ, что до него трудно дойти, благодаря его злымъ собакамъ. Характерная иллюстрація въ наивности общественнаго мнѣнія!... Авторъ счелъ нужнымъ еще ближе пояснить свою мысль: «Видать случилось мнѣ, какъ доступъ

не легко въ *высокія палаты*, да только все собаки виноваты, Мироны жъ сами въ сторонѣ». Въ одной изъ рукописныхъ редакцій читаемъ такой вариантъ: «Случалось въ *старину* — и то *едва ли не во снѣ* — *вельможу* видѣть мнѣ: нѣтъ доступа въ его палаты, но все *секретари* его въ томъ виноваты, а самъ онъ вѣчно въ сторонѣ». Къ числу такихъ вельможъ легко могъ принадлежать и тотъ персидскій сатрапъ, который попалъ въ рай за то, что за дѣла не принимался, а предоставилъ за слабостью здоровья все дѣла секретарю, самъ же «пилъ, ѣлъ и спалъ да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ» («Вельможа»). На этотъ разъ Крыловъ заявляетъ, что онъ уже не во снѣ и не въ старину, а наяву и не далѣе, какъ вчера, видѣлъ въ судѣ судью, имѣющаго все шансы попасть въ рай по той же причинѣ, по какой попалъ туда и выведенный имъ въ баснѣ вельможа. Впрочемъ, признавая вполне, что покойникъ «погубилъ бы цѣлый край», если бы, пользуясь данною ему властью, самъ вздумалъ заниматься дѣлами, мы должны предположить, что ему посчастливилось напасть на хорошаго секретаря, вслѣдствіе чего ввѣренный ему край не пострадалъ. Эта мысль о зависимости достоинства администраторовъ и судей отъ личныхъ качествъ приставленныхъ къ нимъ секретарей выражена въ одной изъ раннихъ басенъ Крылова «Оракулъ»; послѣдняя заключается такой моралью: «Я слышалъ — правда ль? — будто *встарь* судей такихъ видали, которые весьма умны бывали, пока у нихъ былъ умный секретарь». Даже въ такой серьезно-дидактической баснѣ, какъ «Водолазы», Крыловъ замѣчаетъ мимоходомъ, что иные изъ царскихъ совѣтниковъ подавали голосъ *работы секретарской*. При такой зависимости не всякій вельможа, не смыслящій толка въ дѣлахъ, окажется достойнымъ рая, хотя бы лично и не вмѣшивался ни во что: примѣромъ можетъ служить тотъ слонъ-воевода, который приходитъ въ негодованіе, узнавъ изъ поступившаго въ приказъ прошенія овецъ, что имъ нѣтъ житья отъ волковъ, а затѣмъ, удовольствовавшись объясненіемъ послѣднихъ, позволяетъ имъ взять съ овцы по шкуркѣ на тулупы въ видѣ оброка, «а больше ихъ (овецъ) не трогать волоскомъ» («Слонъ на воеводствѣ»). «Кто знатенъ и силенъ, да не уменъ, такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ», заключаетъ Крыловъ по этому поводу, припоминая въ другомъ мѣстѣ «невѣждамъ не во гнѣвъ» старую истину, что, «если голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста» («Парнасъ»). Зато важный чинъ на *плутѣ*, по словамъ Крылова, «какъ звонокъ: звукъ отъ него и громокъ, и далекъ» («Осель»), тогда какъ плутъ въ маломъ чинѣ «не такъ еще примѣтенъ». Въ указанной баснѣ этотъ звонокъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для его носителя, но что въ жизни это не общее правило, показываетъ самъ же Крыловъ въ другой баснѣ, изображая вороненка, вздумавшаго некстати подражать орлу въ похищеніи изъ стада барана, и замѣчая въ заключеніе своего разсказа: «Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ, коль мелкій плутъ большому плуту подражаетъ: что схо-

дить съ рукъ *ворамъ*, за то *воршиекъ* бьютъ» («Вороненокъ»). Правда, левъ поступилъ иначе, покаравъ волка, взяшаго примѣръ хищенія съ маленькой собачонки, простивъ послѣднюю въ виду ея молодости и глупости («Левъ и Волкъ»). Вопросъ объ отвѣтственности старшихъ за младшихъ, начальствующихъ за подчиненныхъ разсматривается Крыловымъ съ различныхъ сторонъ: крестьяне идутъ жаловаться рѣкѣ на разоренье отъ ручейковъ и мелкихъ рѣчекъ и видятъ, что половина ихъ расхищеннаго добра плыветъ по этой самой рѣкѣ: отсюда выводъ простой: «на младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ» («Крестьяне и Рѣка»). Здѣсь круговая порука въ дѣлѣ злоупотребленій; но такой солидарности можетъ и не быть при извѣстныхъ условіяхъ, какъ видно изъ примѣра воеводы-слона. При недалновидности лицъ высшихъ иногда вполне отсутствуетъ сознание собственной отвѣтственности за глупость или безчестность подчиненныхъ: мужикъ, приставившій осла стеречь свой огородъ, обвиняетъ потомъ въ убыткахъ не себя самого, а исключительно своего неудачнаго сторожа («Осель и Мужикъ»). Припомнимъ мысль, выраженную въ «Бритвахъ»: есть люди, предпочитающіе имѣть дѣло съ дураками, чѣмъ держать при себѣ умныхъ людей; но въ указанномъ случаѣ не видно, чтобы мужикъ, нанявшій осла въ сторожа, дѣйствовалъ сознательно, и приходится предположить, что и самъ наниматель не былъ умнѣе наемника. Такая солидарность тупоумія предполагается, какъ общее правило, волкомъ относительно пастуховъ: «гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры» («Волкъ и Волчонокъ»). Не умнѣе мужика, поручившаго ослу стеречь свой огородъ, или другого, которому Барбось нанялся за тройную плату исправлять все работы по дому («Крестьянинъ и Собака»), оказался и тотъ поваръ, который оставилъ кота стеречь съѣстное отъ мышей, а затѣмъ, заставъ хищника на мѣстѣ преступленія, сталъ «тратить рѣчи по-пустому» вмѣсто того, чтобы «власть употребить» («Котъ и Поваръ»). Вотъ и еще налицо одно изъ тѣхъ нелѣпныхъ противорѣчій, которыми такъ изобилуетъ дѣйствительность: глупый, но честно исполнявшій свою службу, осель наказанъ дубиною, а котъ, хитрый и сознательный воръ, остается безъ наказанія, — правда, на этотъ разъ благодаря лишь склонности своего хозяина къ резонерству, а не собственной изворотливости. Во всехъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли или злоупотребленія подчиненныхъ отъ имени добраго, но глупаго воеводы («Слонъ на воеводствѣ»), или совмѣстное дѣйствіе старшихъ и младшихъ («Крестьяне и Рѣка»), или переложеніе отвѣтственности съ высшихъ на низшихъ («Миронъ» и «Пестрыя Овцы»), или, наконецъ, неумѣніе найти для дѣла подходящаго исполнителя («Осель и Мужикъ») и принять должныя мѣры противъ злоупотребленій («Котъ и Поваръ»). Но злоупотребленія нерѣдко исходятъ и непосредственно отъ самихъ старшихъ, совершенно независимо отъ подчиненныхъ, которымъ въ этомъ случаѣ остается только «лежать смирнехонько», подобно собакамъ,

видящимъ, какъ пастухи потрошатъ лучшаго въ стадѣ барана. По адресу этихъ волковъ въ одеждѣ пастырей настоящей, явный волкъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: «Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я!» («Волкъ и Пастухъ»). Итакъ, беззащитнымъ овцамъ подчасъ приходится плохо не отъ однихъ волковъ, а и отъ собственныхъ блюстителей: пастухъ Савва самъ ѣсть барскихъ овецъ, сваливая вину на небывалаго волка («Пастухъ»); въ другомъ стадѣ для охраны овецъ отъ волковъ разведено столько собакъ, что онѣ сами подъ конецъ съѣли все стадо, потому что «и собакамъ надо жъ ѣсть» («Овцы и Собаки»). Что же, должно произойти, когда профессиональный хищникъ является въ роли официального охранителя и правителя? Каково должно быть житіе тѣхъ овецъ, къ которымъ въ старосты посаженъ волкъ, пчель, отданныхъ подъ присмотръ медвѣдя, куръ, подчиненныхъ администраціи лисицы?! Немудрено, что «олени, серны, козы, лани» являются какъ разъ тѣми *махнатыми* звѣрями, *почти неплатящими дани*, съ которыхъ слѣдуетъ снять шерсть для мягкой постели состарѣвшемуся льву, по совѣту его вельможъ («Левъ»). Не много утѣшенія приносить овцамъ и благодѣтельный законъ, изданный специально для ихъ огражденія, въ силу коего овца имѣетъ право всякаго волка, обижающаго ее, «не разбираючи лица, схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить» («Волки и Овцы»): есть условія, при которыхъ самыя благія намѣренія остаются только на бумагѣ... При изображеній разнаго рода хищниковъ Крыловъ иногда касается ихъ психологій, хотя бы съ какой-нибудь одной стороны: взяточники не любятъ узнавать себя въ сатирѣ и «украдкою киваютъ на Петра» при чтеніи о взяткахъ («Мартышка и Зеркало»); крупный воръ искренно негодуетъ на мелкаго воришку, и *судья* Климычъ, у котораго стянули часишки, кричитъ на вора: «карауль!» («Волкъ и Мышонокъ»). Лисица оправдываетъ передъ крестьяниномъ свои воровскія наклонности нуждою, дѣтьми, примѣромъ другихъ, а затѣмъ, получивъ возможность добывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ продолжаетъ воровать попрежнему, изъ чего дѣлается выводъ, къ сожалѣнію, справедливый для весьма многихъ случаевъ, что «вору дай хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ» («Крестьянинъ и Лисица»). Не можемъ не отмѣтить еще прекрасной басни о ручьѣ, безобидномъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался многоводною рѣкою («Ручей»). Авторъ правъ тысячу разъ: много на свѣтѣ такихъ сладко журчащихъ ручейковъ, выражающихъ наилучшія намѣренія даже искренно, «лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!»

Мы, конечно, далеко не обозрѣли всѣхъ басенъ Крылова, заключающихъ въ себѣ драгоценныя, мѣткіе намеки на окружающую жизнь съ ея уклоненіями отъ началъ справедливости и разума: такіе намеки разсѣяны даже мимоходомъ, вскользь, тамъ, гдѣ, повидимому, серіозность тона исключаетъ сатирическія выходки: въ «Сочинителѣ и Разбойникѣ» дѣйствіе происходитъ въ загробномъ

мірѣ, но и тутъ именно по этому поводу авторъ вставляетъ такое замѣчаніе: «Въ аду обрядъ судебный скоръ: нѣтъ проволочекъ безполезныхъ». Также въ «Водолазахъ» для «разумниковъ», созданныхъ царемъ на совѣтъ, разладъ въ голосахъ былъ настоящимъ кладомъ, и, если бы имъ волю дали, они бь донинѣ толковали *да жалованье брали*. А какія мѣткія сатиры представляютъ собою, напримѣръ: «Тришкинъ кафтанъ», «Мельникъ», «Мѣшокъ», «Орелъ и Кротъ», «Слонъ и Моська», «Левъ на ловлѣ», «Музыканты», «Совѣтъ Мышей», — это наглядное изложеніе кумовства, торжествующаго надъ всѣми правилами и постановленіями, — и т. д., и т. д. Припомнимъ кстатѣ обрисованнаго Гоголемъ учителя Чичикова, ставившаго поведеніе превыше всѣхъ дарованій и способностей и не могшаго простить Крылову его афоризма: «по мнѣ, ужь лучше пей, да дѣло разумѣй» («Музыканты»); возрѣнія этого просвѣтителя юношества, особенно въ его эпоху, во всякомъ случаѣ не были исключительно его достояніемъ, а раздѣлялись весьма многими; а въ чемъ иной разъ заключалось и заключается прекрасное поведеніе, доставляющее человѣку благополучіе, объ этомъ свидѣтельствуесть примѣръ Жужу, кудрявой болонки, ходящей на заднихъ лапкахъ («Двѣ Собаки»).

Аммонъ.

Историческія басни Крылова.

«Волкъ на псарнѣ». Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, Крыловъ представляетъ Наполеона въ Россіи. По словамъ Быстрова, «Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню «Волкъ на псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу»¹⁾, который прочи-

¹⁾ Приводимъ вполнѣ рассказъ Быстрова, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. «Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скромнень. Въ 39 № «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду» на 1837 г., въ повѣсти, подъ названіемъ: «Преобразование», рассказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 года. Вотъ онъ: «Наполеонъ послѣ Бородинскаго отпора пошелъ ощупью версть 15 въ сутки и какъ бы ожидалъ другой битвы, столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ». Далѣе авторъ говоритъ, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу Кутузова и прислалъ ему свою басню «Волкъ на псарнѣ». Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смысль басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдого ловчаго, наши богатыри выжидали въ тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ».

«Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу, — продолжаетъ Быстровъ, — то онъ нахмурился и сказалъ: «Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобы я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаесть Кутузовъ?... Смѣшно... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ тарутинскомъ же

талъ ее, послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вокругъ него офицерамъ и при словахъ: «а я пріятель сѣдъ», снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою.

Первая мысль этой басни, какъ видно:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я... «Послушай-ка сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перерваль *и проч.*

могла явиться у Крылова по полученіи извѣстія о попыткахъ Наполеона вступить въ переговоры, т.е. послѣ 23-го сентября (день свиданія Кутузова съ Лористономъ). Последняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ тарутинскаго сраженія, бывшаго 6-го октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить Крылову основаніемъ сказать: «И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю».

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный Кутузову изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ Наполеону, затрудняя отступление. Князь Волконскій, посланный для полученія отъ Кутузова объясненія его дѣйствій, доносилъ государю: «Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ выбраться изъ Россіи» («Полн. собр. соч.» Мих.-Данилевскаго, т. V, стран. 14.) На это Крыловъ намекаетъ стихами:

...Друзья, къ чему весь этотъ шумъ...
Что я...

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться: «Пора положить предѣлъ кровопролитію,— говорилъ онъ Яковлеву.— Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора... Я готовъ возвратиться»... Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова Лористона, приведенныя Кутузовымъ въ донесеніи государю: «Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда». Въ письмѣ, посланномъ черезъ Яковлева, Наполеонъ не преминулъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему Александра: «Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія»... *и проч.*

Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

лагерѣ, а послѣ... Скажите, мой милый, въ какомъ-нибудь журналѣ, что все это было не такъ». На другой день я отнесъ къ А. О. Воейкову составленныя мною примѣчанія къ баснѣ Ивана Андреевича Крылова «Волкъ на псарнѣ», которыя и были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ этихъ примѣчаніяхъ Быстровъ рассказываетъ происшествіе, какъ оно было.

Этот стихъ показываетъ, что Крыловъ въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполне оправдывается многими историческими данными. Передъ отъѣздомъ Кутузова въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: «Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?» — Кутузовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ! А обмануть надѣюсь». Почти то же самое сказалъ онъ во время тарутинской стоянки: «Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть — никогда». Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе Екатерины, говаривалъ о немъ: «умень, очень умень; его и Рибасъ не обманетъ». Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и Вильсонъ въ своихъ «Запискахъ»: «*Von vivant*, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіатецъ, и просвѣщенный, какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ рассчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги»...

«Обозъ». Цѣль басни — оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ бездѣйствіе главнокомандующаго — должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе — старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось теперь противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ Барклая-де-Толли. Самъ императоръ поставлялъ ему въ вину то, что онъ не далъ вторичнаго сраженія подъ Москвою. Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до тарутинскаго сраженія. Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: «...казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ Наполеона), могли бы вы съ выгодною атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ значную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ... ибо съ ввѣренной вамъ арміей, *дѣйствуя съ рѣшительностію и дѣятельностію*, вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія, твердости и успѣховъ*» и проч. Но Кутузовъ, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, который понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, несмотря ни на упреки ни на порывы своихъ сподвижниковъ.

«Ворона и Курица». Первые извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября. Въ «Сынѣ Отечества» находимъ слѣдующую замѣтку: «Очевидцы рассказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ *soire aux corbeaux*. Теперь можно дать отставку старинной русской половицѣ: «попалъ, какъ куръ во щи», а лучше говорить: «попалъ, какъ ворона во французскій супъ». Къ тому же времени относится и карикатура Ивана Теребенева, «Французскій вороній супъ», гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ: посреди картины стоитъ гренадеръ, раненый въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣняхъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить; не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котель. Подъ карикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ пошировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то, похлебаемъ же хотъ вороній супъ!¹⁾

Можетъ-быть, тогда же и явилась у Крылова первая мысль этой басни; но окончательно редактирована она могла быть только въ ноябрѣ: князь Кутузовъ, названный въ баснѣ Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подѣ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября.

Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ, дѣйствительно, считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника Шнейдера: «Гдѣ мы остановимся?» фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо». Къ этой цѣли Кутузовъ, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ.

Такъ часто человекъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ...

Попался, какъ ворона въ супъ.

¹⁾ Карикатуру И. Теребенева см. въ собраніи карикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библиотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Подобная же картинка приложена къ этой баснѣ въ изданіи Смирдина: «Басни Ивана Крылова», 1834 года (часть I, кн. I, стран. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котель, подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ виденъ оттѣнокъ торжества, а въ лицахъ сидящихъ его товарищей — удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что «воронъ ни жарятъ ни варятъ», — Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастьемъ, но обманувшійся въ расчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

«Щука и Коть». Поводомъ къ сочиненію этой басни была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пре-сѣчь путь Наполеона чрезъ Березину. «Нельзя изобразить общаго на него негодованія, — пишетъ Вигель: — всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т.-е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ». Въ современной карикатурѣ¹⁾ сохранилось весьма опредѣленное выраженіе того убѣжденія, что Чичаговъ преднамѣренно уклонился отъ общаго плана. Въ ней Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; а на другомъ концѣ ея Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: *je le sauve!* и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующей эпиграммѣ, найденной Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина.

Смоленскій князь Кутузовъ

Продерзостныхъ французовъ

И гналъ и билъ,

И, наконецъ, имъ гибельну онъ сѣть связалъ;

Но земноводный генераль

Приползъ, — да и всю распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, Вигель говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англій мореплаванію и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостью моряка онъ соединилъ надменность англичанина, и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его». «Да и не могло быть иначе, — пишетъ генераль Богдановичъ, — князь Кутузовъ, освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона и его полчищъ, Витгенштейнъ, защитникъ нашей сѣверной столицы... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій... Общему порицанію подвергся Чичаговъ, потому что, во-1-хъ, поло-

¹⁾ Эта карикатура находится въ сборникѣ карикатуръ, относящихся къ Отечественній войнѣ, подаренномъ П. Л. Лавровымъ Императорской Публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 карикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая карикатура такого содержанія: Кутузовъ съ великимъ усиліемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другого конца перочиннымъ ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

женіе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь Наполеону; во-2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала Наполеонова армія». Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять Крыловъ не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выражений во вступленіи и заключеніи басни.

И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступление войскъ Чичагова отъ Борисова на первую сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова и всѣ наши раненые и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ.

Кеневичъ.

Басни Крылова и историческая дѣйствительность.

Къ величайшему сожалѣнію, до сихъ поръ объяснено историческое происхожденіе весьма немногихъ басенъ, и именно слѣдующихъ: «Квартетъ», «Волкъ на Псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица», «Щука и Котъ», «Чижъ и Ежъ», «Василекъ», «Кукушка и Пѣтухъ». Всего восемь басенъ изъ 199... Я покажу историческое происхожденіе каждой басни изъ перечисленныхъ мною восьми.

Басня «Квартетъ» явилась 1811 года. Историческое происхожденіе басни указано барономъ М. А. Корфомъ въ прекрасной его книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго» С.-Пб. 1861, т. I, стран. 117—118). Перваго января 1810 года было открытіе преобразованнаго императоромъ Александромъ I государственнаго совѣта. Совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, и государственной экономіи. Въ каждый департаментъ назначался особый предсѣдатель. Первыми предсѣдателями были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, князь Лопухинъ и графъ Аракчеевъ. Они вели продолжительныя пренія о томъ, въ какомъ порядкѣ имъ сидѣть въ общемъ собраніи совѣта; ихъ нѣсколько разъ пересаживали. Тогда-то Крыловъ написалъ остроумную басню «Квартетъ», гдѣ проказница Мартышка, Осель, Козель да Косолапый Мишка спорятъ о мѣстахъ, какъ будто мѣста — главное въ государственной службѣ.

Есть и другое объясненіе историческаго повода къ написанію басни «Квартетъ». Оно напечатано 1864 года въ «Запискахъ Вигеля». Онъ говоритъ, что «Квартетъ» есть сатира на литературное общество, основанное 1810 года, и носившее названіе «Бесѣда Любите-

лей Россійскаго Слова». Приводимъ отрывокъ изъ «Записокъ Вигеля»: «на подобіе Государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и «Бесѣду Любителей Россійскаго Слова (предсѣдатель былъ Державинъ) раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него, въ каждый посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ, пишетъ Вигель, сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію «Бесѣды». Вообще, она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго словія и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ. Попечителями были предсѣдатели въ совѣтѣ графъ Завадовскій, Мордвиновъ и министръ просвѣщенія Разумовскій¹⁾, четвертымъ посадили министра юстиціи Дмитріева. Вечернія собранія «Бесѣды» оживлялись немного чтеніемъ басенъ Крылова. Крыловъ, хотя и выдалъ свою особу «Бесѣдѣ», но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню «Квартетъ». (Р. Вѣстникъ 1864 года № 8, стр. 486).

Кому вѣрить: барону Корфю или Вигелю — мы не можемъ рѣшить; но осмѣливаемся высказать, что басня приложима и къ совѣту и къ бесѣдѣ; и тамъ и здѣсь совершались одинаковыя, достойныя осмѣянія сатирика, явленія. И новый государственный совѣтъ и «Бесѣда Любителей Россійскаго Слова» открыты въ одинъ годъ. Тамъ четыре министра не знали, гдѣ кому сидѣть, а здѣсь министры и литераторы занимались не дѣломъ, а пустяками. Крыловъ, какъ наблюдательный талантъ, могъ при написаніи басни «Квартетъ» мѣтить на нѣкоторыхъ членовъ обоихъ учрежденій.

По поводу событій 1812 года написаны Крыловомъ четыре басни: «Волкъ на Псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица» и «Щука и Котъ». Первая басня изображаетъ всеобщій народный патріотизмъ и характеръ великаго полководца Кутузова, вторая — указываетъ принятую имъ и Барклаемъ де-Толли систему обороны, третья — бѣдственное положеніе непріятельской арміи въ Россіи, четвертая — представляетъ оплошность адмирала Чичагова при переправѣ наполеоновскихъ силъ черезъ Березину.

«Волкъ на Псарнѣ» — одна изъ удивительныхъ басенъ Крылова. Такихъ сокровищъ между ними весьма мало. Не грѣша противъ истины, басню «Волкъ на Псарнѣ» можно назвать геніальнѣйшимъ твореніемъ словеснаго искусства; ни одинъ баснописецъ — ни нашъ ни иноземный не создалъ ничего подобнаго. Если хотите видѣть весь глубокой и потрясающей истиною смыслъ названной басни Крылова, то читайте ее вмѣстѣ съ исторією войны 1812 года. Баснопи-

¹⁾ О Разумовскомъ, какъ предсѣдатель въ департаментѣ совѣта, баронъ Корфъ не говоритъ.

сецъ вѣрными и яркими красками изобразилъ народный духъ въ отечественную войну. Тутъ видимъ въ одной живой картинѣ подробности нашей войны съ Наполеономъ. Каждый стихъ можетъ быть подтвержденъ историческими фактами: ихъ мы будемъ брать изъ сочиненій Михайловскаго, Данилевскаго и Богдановича.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.

Волкъ думалъ залѣзть въ овчарню. Наполеонъ шелъ на Россію, будучи вполне увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. 10-го іюня онъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ: «Солдаты! Россія увлекается рокомъ! она не избѣгнетъ судьбы своей. Миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы». (Исторія Отечественной войны 1812 года, Богдановича. Т. I, стран. 90—91.) Почти всѣ окружающіе Наполеона раздѣляли самонадѣянность повелителя. Приказъ императора французовъ показываетъ, что особеннаго сопротивленія со стороны Россіи онъ не предполагалъ: онъ думалъ видѣть чуть не безусловную покорность, «овчарню», смиренныхъ и кроткихъ агнцевъ въ русской землѣ.

Но вмѣсто овчарни волкъ попалъ на псарню. «Поднялся вдругъ весь псарный дворъ». Вся Россія 1812 года возстала противъ Наполеона: ополченіе было всеобщее. Ополчились губерніи: московская, тверская, ярославская, владимирская, рязанская, тульская, калужская, смоленская, петербургская, новгородская, костромская, нижегородская, казанская, вятская, симбирская и пензенская. Эти шестнадцать губерній собрали ратниковъ до 220 тысячъ человекъ, а пожертвовали деньгами, припасами и поставками, около шестидесяти милліоновъ рублей. (Богдановичъ, 2, 67.) «Поднялся вдругъ весь псарный дворъ», говоритъ баснописецъ и говоритъ сладкую истину. Императоръ Александръ I манифестомъ отъ 18-го іюля призывалъ къ ополченію только шестнадцать губерній, но сила любви къ родинѣ и негодованіе на врага ея были такъ глубоки, что вся, положительна вса Россія готовилась къ борьбѣ. Богдановичъ, говоритъ: «Изображеніе Россіи, призванной къ оружію Государемъ своимъ, представило бы свѣту зрѣлище, поражающее величіемъ, но, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности исчислить всѣ пожертвованія, всѣ подвиги добра, совершенные русскими въ годину скорби отечества. (Богдановичъ, 2, 70.) Кто не вступалъ въ ополченіе, тѣ дѣлали значительныя пожертвованія, а болѣе было такихъ, которые вооружались, а, сверхъ того, и приносили жертвы на спасеніе родины. Россія 1812 года добровольно выставила, по призыву царя, до 320.000 воиновъ и принесла на общую пользу не менѣе ста милліоновъ рублей (Богдановичъ, 2—93). Великое то было время!...

Патріотическія чувства, искреннія, глубочайшія, поддерживались литературою и театромъ. Жуковскій на «боевой лирѣ» напи-

салъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», гдѣ вспоминалъ древнихъ доблестныхъ вождей славы русской: Святослава, Донского, могучихъ Иоанновъ, — героевъ военныхъ новой исторіи — Петра, Суворова и современныхъ ему славныхъ генераловъ. Особенно трогательны тѣ строфы, гдѣ поэтъ говоритъ о родинѣ и царѣ:

О родина святая!
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя?
Тебѣ сей кубокъ, русской царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣдъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцевъ

Пріяли вѣрность съ кровью:
О, царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ;
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ,
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Вѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

«Пѣвецъ» Жуковского читался съ жадностью, какъ вѣрное выраженіе пламеннаго патріотизма всѣхъ. Въ одинъ годъ это стихотвореніе было издано три раза... Появилось множество сочиненій, преисполненныхъ ненавистью къ Наполеону и французамъ. Сочиненія иногда не имѣли никакого достоинства въ литературномъ отношеніи, но раскупались и расходились по всей Россіи. Театръ служить дѣлу патріотизма. Народъ толпами стремился въ театръ, когда давались пьесы изъ древней русской исторіи или изъ событій современной эпохи. Восторженно принималась публикою трагедія Озерова «Дмитрій Донской», явившаяся еще въ 1807 году. Эта пьеса оканчивается молитвою, которую произноситъ Дмитрій Донской, стоя на колѣняхъ:

Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей,
Прославь и возвеличь и утверди Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ вью,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки! вѣдайте — великъ россійскій Богъ!

Наши предки слушали молитву Донского со слезами и трепещущимъ отъ радости сердцемъ. Извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія доходили въ Москву очень скоро. При полученіи свѣдѣнія о Кобринскомъ и Клястицкомъ сраженіяхъ давали на сценѣ оперу «Старинныя святки». Тутъ актриса Сандукова (Настасья боярышня) съ живымъ чувствомъ величала современныхъ героевъ:

Слава храброму генералу Тормасову, Хвала храброму Витгенштейну,
Нобѣдившему супостата нашего — Поражавшему силы вражескія —
Слава! Слава!

При этихъ словахъ театръ содрагался отъ радостныхъ кликовъ... Потомъ пѣвица, остановясь, съ горестію пропѣла:

Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему животъ свой за отечество.

Слезы публики были отвѣтомъ на пѣніе актрисы... «Были приняты съ необычайнымъ восторгомъ», пишетъ С. Аксаковъ («Семейная хроника», стран. 504), «драмы Ильина «Лиза» и «Рекрутскій наборъ». Въ «Рекрутскомъ наборѣ», говоритъ тотъ же писатель, «весь театръ плакалъ отъ умиленія и жалости». («Семейная хроника», стран. 504). 30 августа 1812 года давали драму «Всеобщее ополченіе», сочиненіе молодого автора Висковатова. Драма представляетъ престарѣлаго инвалида, который жертвуетъ отечеству послѣднимъ своимъ достояніемъ, тремя медалями. Роль инвалида исполнялъ восьмидесятипятилѣтній актеръ, знаменитый въ исторіи русскаго театра, Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій; онъ уже давно (25 лѣтъ), какъ оставилъ сцену, по причинѣ старости; но во время разгара патріотическаго чувства рѣшился еще разъ явиться на сценѣ. Публика не знала предѣла своему восхищенію. Дмитревскій сказалъ зрителямъ: «Будучи не въ состояніи показать чѣмъ-либо инымъ свою любовь къ отечеству, онъ рѣшился, собравъ остатокъ слабыхъ силъ своихъ, явиться тамъ, гдѣ прежде встрѣчали его похвалы соотечественниковъ, для представленія благороднаго примѣра любви къ родинѣ». (Богдановичъ, 2—69. «Семейная хроника». Аксакова, стран. 52.) Послѣ приведенныхъ фактовъ, выражающихъ всеобщее народное патріотическое чувство, памятенъ стихъ басни Крылова:

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуя сѣраго такъ близко забіяку.
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.

Эти слова показываютъ сильное нетерпѣніе войска и желаніе его вступить въ рѣшительный бой съ непріателемъ.

Въ минуту псарня стала адомъ!

Здѣсь представляется весь ужасъ народнаго озлобленія противъ врага. «Въ минуту псарня стала адомъ». Историкъ Богдановичъ говоритъ, что Россія того времени уподоблялась военному стану. Народъ сталъ вооружаться съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ вошелъ въ смоленскую губернію. Непріателя преслѣдовали дворяне, духовные, мѣщане, крестьяне. Императоръ Александръ говоритъ въ одномъ манифестѣ отъ 8 сентября 1812 года: «Россія не привыкла покорствоваться, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станеть защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое добрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И да не унываетъ никто: и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ сословія государственныя дышатъ мужествомъ и «твердостью!» (Богдановичъ, стран. 2—295.) «Адомъ» сдѣлалась Россія того времени для Наполеона въ особенности потому, что его войска много терпѣли отъ партизановъ и народныхъ опол-

чений. Партизаны и ополченія народныя не знали дисциплины. Они скрывались обыкновенно въ лѣсахъ, пропускали партію непріятеля, а потомъ дружнымъ, неожиданнымъ налетомъ сокрушали ее. Не было пощады плѣнному. Слово «въ минуту» воспроизводитъ историческіе факты. Оно характеризуетъ ту быстроту, съ которою наши великіе предки спѣшили на святое изъ святыхъ дѣло — спасеніе отечества. «Не нужно было», свидѣтельствуеетъ исторія, «никакихъ усилій со стороны правительства для возбужденія восторга въ народѣ». (Богдановичъ, 2 — 68). Манифестъ государя о всеобщемъ ополченіи былъ обнародованъ 6-го іюля... Но прежде воззванія императора смоленскіе дворяне лишь узнали о вступленіи непріятеля въ Россію, изъявили желаніе выставить ополченіе до 20 тысячъ ратниковъ... Московское дворянство съ небольшимъ въ мѣсяць собрало 27 тысячъ ополченцевъ; но оно предлагало 80 тысячъ... Мѣщанство и купечество московское по подпискѣ собрало полтора милліона рублей въ два часа времени... (Богдановичъ, 1—184.) Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, купечество и граждане Твери и прочихъ городовъ губерніи пожертвовали на ополченіе 308 тысячъ руб. (Богдановичъ, 2 — 39). Ополченіе тульское изъ 15 тысячъ ратниковъ составлено въ тридцать шесть дней. (Богдановичъ, 2—43.) Калужское купечество собрало въ двое сутокъ 150 тысячъ руб. Дворяне калужскіе въ теченіе мѣсяца выставили ополченіе въ 15 тысячъ ратниковъ (Богдановичъ, 2—47 и 48). — Теперь понятны слова Крылова:

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ!

Картина народнаго вооруженія. Кто бралъ вилы, кто — топоры, дубины, рогатины, косы.

Далѣе въ баснѣ говорится о переговорахъ, въ которые хотѣлъ вступить волкъ съ ловчимъ:

Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры,

И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный свать и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, усталимъ общій ладъ» и т. д.

Здѣсь Крыловъ передаетъ историческій фактъ — предложеніе Наполеономъ мира. Французскій императоръ, видя истощеніе своей арміи и со дня на день усиливающееся народное озлобленіе, первый заговорилъ о мирѣ. Онъ взялъ безъ боя Москву, сожженную потомъ русскими. Онъ двадцать дней ждалъ, думая, что «русскіе бояре» придутъ къ нему съ поклонною головою, запросятъ мира, но жестоко ошибся. Кутузовъ не помышлялъ о мирѣ, укрѣпившись лагеремъ при Тарутинѣ. Тогда Наполеонъ послалъ Лористона съ письмомъ къ русскому главнокомандующему. Лористонъ явился въ аван-

гардъ нашихъ войскъ и требовалъ свиданія съ Кутузовымъ. Дѣло было утромъ 23-го сентября. Кутузовъ послалъ князя Волконскаго взять письмо, а когда посоль заявилъ, что имѣеть отъ императора повелѣніе лично объясниться съ главнокомандующимъ, то, въ ожиданіи отвѣта отъ Кутузова, предложилъ Лористону отправиться въ свой авангардъ. Между тѣмъ опытный дипломатъ и вождь, князь Кутузовъ, приказалъ войскамъ расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ; солдаты развели огни; варили кашу съ мясомъ; во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни, — гремѣла музыка. Вечеромъ, въ десятомъ уже часу, главнокомандующій пригласилъ къ себѣ Лористона. Проѣзжая черезъ весь лагерь и видя ликованіе войска, какъ во время праздника, посоль Наполеона былъ пораженъ. Фельдмаршалъ принялъ Лористона въ избѣ, — и между ними произошелъ замѣчательный разговоръ, весьма сходный съ тѣмъ, который велъ волкъ съ ловчимъ. Сталъ Лористонъ предлагать размѣнъ плѣнныхъ, на что Кутузовъ не согласился; потомъ посоль жаловался на неслыханныя жестокости, которыя производитъ народъ надъ плѣнными французами и указывалъ на необходимость придать войнѣ такой характеръ, какой имѣеть она у всѣхъ образованныхъ народовъ. Кутузовъ отвѣчалъ: «ежели бы я и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть въ томъ, потому что русскіе считаютъ сію войну нашествіемъ татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа». (Богдановичъ, 2—391.) Наконецъ, Лористонъ сталъ говорить о мирѣ и припоминалъ дружбу, существующую между двумя императорами. «Я вашъ старинный свать и кумъ», пишетъ нашъ баснописецъ. Кутузовъ отвѣчалъ: «Не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи, и названія мира ни разу не упомянуто. Я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію». За симъ Лористонъ передалъ письмо Наполеона къ фельдмаршалу слѣдующаго содержания: «Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генераль-адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу свѣтлость вѣрить словамъ его, особенно — когда онъ станетъ выражать вамъ чувства уваженія и особеннаго вниманія, издавна («я вашъ старинный свать и кумъ») мною къ вамъ питаемыя. За симъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Своимъ священнымъ покровомъ. Москва, 3 октября, 1812 года». (Богдановичъ, 2—392.) Читая краснорѣчивое и вмѣстѣ краткое письмо Наполеона къ Кутузову, трудно не узнать въ немъ словъ волка - хитреца, обращенныхъ къ ловчему:

Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?

Я вашъ старинный свать и кумъ

Пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, оставимъ общій ладъ и пр.

Весьма мѣтко схвачено баснописцемъ содержаніе переговоровъ Лористона о мирѣ. Извѣстно, что Кутузовъ отпустилъ адъютанта

наполеоновскаго съ грозными для непріятели словами, именно: «Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе». (Богдановичъ, 2—393). У баснописца ловчій отвѣчаетъ такъ:

«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому сбывай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Дѣйствительно, потомъ отъ Тарутина начались наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ — и «шкура съ волковъ были сняты», т. е. окончательно поражены непріятельскія силы, уничтожены, а главный волкъ спасся бѣгствомъ.

Басня «Волкъ на псарнѣ» художественно воспроизводитъ предъ нами нашествіе Наполеона на Россію и великую борьбу съ нимъ нашего народа. Въ ловчемъ всякій узнаетъ Кутузова, и самъ Кутузовъ примѣнялъ къ себѣ разсказъ Крылова. Михайловскій-Данилевскій въ своей исторіи отечественной войны 1812 года пишетъ: «По окончаніи сраженія подъ Краснымъ, вечеромъ 6-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдою, онъ сказалъ: «Дѣти! знаете ли, сколько взято орудій? сто шестьдесятъ», и, указывая на везенные за нимъ французскіе орлы, присовокупилъ: «какъ ихъ, бѣдняжекъ, жаль! они и головки повѣсили: вѣдь имъ холодно и голодно». Во время чая собравшимся гвардейцамъ онъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку, и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: ты сѣръ»... при сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку и, потрясая наклоненною головою, продолжалъ: «а я, пріятель, сѣдъ!» «Воздухъ, продолжаетъ историкъ, потрясался отъ восклицанія гвардіи». (Описаніе войны 1812 г. Ч. IV—30—31.)

Басня «Обозъ» написана 1812 года по поводу образа веденія войны съ Наполеономъ. Главная мысль плана, которому слѣдовали Барклай де-Толли и Кутузовъ, заключалась въ томъ, чтобы избѣгать рѣшительнаго сраженія, завлечь непріятели во внутрь страны и медленнымъ путемъ ослаблять его силы. Такой планъ былъ составленъ въ началѣ кампаніи; возникъ онъ въ гениальномъ умѣ Барклая де-Толли, который былъ первымъ главнокомандующимъ въ отечественную войну. Мысль Барклая — блестящая. Она обнаруживаетъ въ немъ рѣдкія способности полководца. Съ Наполеономъ трудно было вступать въ рѣшительный бой; императоръ велъ въ Россію громадное войско — 446,000 человекъ. У русскихъ же при первой ихъ встрѣчѣ съ непріятеlemъ

находилось только 193,000. Силы были далеко не соразмѣрны. Потому Барклай де-Толли принялъ систему отступлений... Поэтъ прелестно изобразилъ благоразумную медленность въ отраженіи непріятеля, почти въ три раза сильнѣйшаго:

Съ горшками шель обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Коня добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катится возу не давая!

Подъ Смоленскомъ Барклай хотѣлъ вступить въ рѣшительную битву, но, видя безуспѣшность дѣла и зрѣло обдумавъ его, приказалъ отступать. Армія начинала роптать. Изъ генераловъ первый Багратіонъ негодовалъ на робость главнокомандующаго. Въ секретномъ письмѣ къ Аракчееву Багратіонъ говоритъ: «Вашъ министр¹⁾ можетъ быть хорошій по министерству; но генераль — не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15-ти тысячъ; а если бы наступали, того бы не было. Чего трусить и бояться? Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусь, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ его насмерть. Не смѣлъ остаться съ 90-ю тысячъ у Смоленска. Охъ, грустно, больно! Никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога. Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ». Письмо Багратіона заключается слѣдующими словами: «Прочтите и въ каминъ бросьте». (Богдан. 2—505.)

Недовольство арміи и Багратіона медлительными дѣйствіями Барклая баснописецъ изображаетъ такъ:

А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, тѣ-то диво!
Смотрите, лѣшится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо, криво!
Смѣлѣе! вотъ толчекъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!

Барклай, не обращая вниманія на ропотъ, выходившій отъ непониманія дѣла, продолжалъ итти по избранному имъ пути. Передъ Дорогобужемъ онъ снова думалъ дать сраженіе, — но отступилъ;

¹⁾ Барклай де-Толли былъ въ то же время военнымъ министромъ.

передъ Вязмою¹⁾ онъ сдѣлалъ еще отступленіе: все во имя общаго блага, во имя пламенной любви къ родинѣ, ради которой онъ пожертвовалъ своимъ личнымъ благомъ. Армія негодовала на своего великаго, но тогда непонятаго, вождя. Народъ сталъ называть Барклая чуть не измѣнникомъ. Его нѣмецкая фамилія пугаломъ стояла передъ распаленнымъ воображеніемъ массы. Наконецъ, Государь долженъ былъ уступить общественному мнѣнію, пойти противъ собственнаго убѣжденія, «Москва и Петербургъ», — писалъ государь Барклаю де-Толли послѣ отбытія его изъ арміи, — «въ одинъ голосъ славили Кутузова, какъ единственнаго полководца, могшаго спасти имперію. Уступая ихъ мнѣнію, Я пожертвовалъ собственными убѣжденіями». (Богдан. 2—358.) Назначенъ былъ новый главнокомандующій, Кутузовъ, русскій по фамиліи, ученикъ Суворова. Россія съ восторгомъ привѣтствовала его. Путь вождя до Царева-Займища, гдѣ тогда стояли наши войска, былъ триумфальнымъ шествіемъ. Въ Гжатскѣ, увидя почетный караулъ у своей квартиры, Кутузовъ сказалъ: «можно ли съ такими молодцами отступать». Личность новаго главнокомандующаго подѣйствовала на армію магически... «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ»: такъ говорили тогда полки. 17-го августа новый вождь былъ уже при своей арміи. 18-го войско еще находилось на позиціи при Царевѣ-Займищѣ, ожидали битвы... Но вдругъ данъ былъ приказъ отступать. Кутузовъ продолжалъ дѣло Барклая де-Толли. «Обозъ» опять «легонько» сталъ спускаться съ крутой горы... Ропота въ народѣ на первый разъ не было. Кутузовъ подъ Бородинымъ рѣшился вступить въ бой съ Наполеономъ. Русскіе показали чудеса храбрости, они выдержали со славою и честію сраженіе, кровопролитнѣйшее въ лѣтописяхъ міра, удержали за собой позицію... Но главнокомандующій, послѣ явнаго успѣха боя, приказалъ все-таки отступать. Отдана была Москва безъ битвы. Содрогнулась Россія, но не потеряла довѣрія къ опытному вождю, кромѣ высшихъ правительственныхъ лицъ. Нашлись люди, которые порицали образъ дѣйствій Кутузова, особенно канцлеръ графъ Румянцевъ и Аракчеевъ. Они изъявили безнадежность въ успѣхѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. (Богдан. 2—292.) Въ комитетѣ министровъ, собранномъ 10 сентября 1812 года, были поборники мира и недоброжелатели Кутузова, осуждавшіе его распоряженія. Комитетъ явно былъ недоволенъ неопредѣленностью донесенія главнокомандующаго и отдачею столицы безъ «всякой защиты». Четырнадцать человекъ членовъ комитета подписались подъ протоколомъ, выражавшимъ недовольство на знаменитаго вождя. Въ числѣ именъ стоитъ Дмитріевъ, министръ юстиціи. Среди первенствующихъ генераловъ, окружавшихъ Кутузова, были несогласные съ его образомъ мыслей, касательно оставленія Москвы. Когда главнокомандующій, въ Филяхъ, созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: «сдать Москву безъ боя или нѣтъ?»

¹⁾ Вязма и Дорогобужъ — уѣздные города Смоленской губерніи. Вязма отъ Дорогобужа въ 78 верстахъ.

Барклай де-Толли отвѣчалъ: «сдать безъ боя: мы не въ состояніи защитить столицу». Другіе говорили то же; Беннингсенъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Ермоловъ совѣтовали стоять за Москву до послѣдней крайности. (Богдан. 2—248, 291.) Среди несогласія своихъ генераловъ, Кутузовъ, никому не довѣрившій своихъ плановъ и дѣйствовавшій всегда самостоятельно, сказалъ: «жертвую собою для спасенія отечества. Приказываю отступить». Послѣдствія оправдали распоряженіе Кутузова и слова Барклая. Въ ту самую минуту, когда наши войска выходили въ одну заставу, непріятельская армія вступала въ другую. Невозможно было защитить столицу, не боясь потерять всей арміи, а слѣдовательно, и всего царства русскаго. Послѣ всего изложеннаго намъ становится понятно историческое происхожденіе басни «Обозъ».

А лошадь сверху молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:

«Ай, конь хваленый, то-то диво!

Смотрите, лѣпится, какъ ракъ».

Лошадь молодая, ругающая бѣднаго коня, изображаетъ всѣхъ недовольныхъ распоряженіями Барклая и Кутузова.

Басня «Ворона и Курица» написана также въ 1812 году. Въ ней Крыловъ представляетъ одинъ фактъ изъ исторіи отечественной войны — недостатокъ продовольствія и голодъ во французской арміи. Богдановичъ говоритъ: «Въ первое время по занятіи нашей столицы, непріятель еще могъ доставать провіантъ, но постоянно терпѣлъ недостатокъ въ фуражѣ, не имѣя достаточно ни хлѣба ни мяса; французы въ Москвѣ стрѣляли воронъ и даже принуждены были питаться мясомъ павшихъ лошадей своихъ... Солдаты авангарда, утомленные форпостною службою и дальними фуражировками, не имѣли почти никакой пищи, кромѣ крупы и конины. Если случалось имъ найти сколько-нибудь ржи, или пшеницы, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку. Какъ соли не было почти вовсе, то ее замѣняла порохомъ.» (Т. 2, стран. 388—9.) У баснописца о недостаткѣ продовольствія разсказывается согласно съ историкомъ:

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ съѣтъ поставилъ,

И на погибель имъ Москву оставилъ:

Тогда все жители, и малый и большой,

Часы не тратя, собралися,

И вонь изъ стѣнъ московскихъ поднялися,

Какъ изъ улья пчелиный рой,

Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу

Спокойно, чистя носъ, глядитъ.

— «А ты, чтѣ-жь, кумушка, въ дорогу?»

Ей съ возу Курица кричитъ:

«Вѣдь, говорятъ, что у порогу

Нашъ супостатъ».

— «Мнѣ что до этого за дѣло?»

Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «Я здѣсь останусь смѣло

Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;

А, вѣдь, воронъ ни жарять ни варять:

Такъ мнѣ съ гостями немудрено ужиться,

А, можетъ быть, еще удасться поживиться

Сыромъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.

Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»

Ворона подлинно осталась,

Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,

Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —

Она къ нимъ въ супъ попалась.

Крыловъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ современныхъ событій. Онъ былъ яркій выразитель духа своей эпохи. Журналъ «Сынъ Отечества», издававшійся въ 1812 году и печатавшій множество фактовъ о великой войнѣ, между прочимъ, пишетъ: «Очевидцы рассказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту — стрѣлять воронъ и не могли похвалиться своимъ *coupe aux corbeaux*. Теперь, замѣчаютъ въ томъ же журналѣ, можно дать отставку старинной русской пословицѣ: попалъ, какъ куръ во щи, а лучше говорить: попалъ, какъ ворона во французскій супъ». («Сынъ Отечества» 1812 года, ч. 2, стран. 44). Въ баснѣ Крылова, дѣйствительно, такъ и говорится: «попался, какъ ворона въ супъ!»

Басня «Ворона и Курица» заключаетъ въ себѣ одно рѣзкое выраженіе. Поэтъ называетъ французовъ «вандалами». Въ этомъ выраженіи высказался взглядъ и чувство современника. Тогда не было другого названія непріятелямъ, какъ варвары, злодѣи. Я уже говорилъ, что война съ ними была народною войною въ полномъ смыслѣ этого ужаснаго слова. Русскіе смотрѣли на вторженіе французовъ, какъ на татарское нашествіе. Наполеонъ изъ христіанскихъ храмовъ дѣлалъ конюшни; съ иконъ сдиралъ ризы и позволялъ себѣ выпускать русскія фальшивыя ассигнаціи и серебряные рубли, думая такимъ способомъ ослабить своего противника. Самъ императоръ Александръ I не считалъ себя обязаннымъ умѣрять свои выраженія, когда дѣло шло о дѣйствіяхъ Наполеона въ Россіи. Онъ писалъ наслѣдному принцу шведскому: «Потеря Москвы тяжела, но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Нынѣ, болѣе нежели когда-либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени». (Богдановичъ, 2—293.) Графъ Растопчинъ называетъ Наполеона прямо злодѣемъ (Богдановичъ, 2—313) въ письмѣ къ Багратіону отъ 12-го августа. Послѣ занятія Москвы французами, графъ обнародовалъ воззваніе, исполненное самыхъ желчныхъ и лютыхъ словъ для Наполеона. Я приведу небольшой отрывокъ: «Крестьяне, жители московской губерніи! Врагъ рода чело-вѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ взошелъ въ Москву, предалъ ее мечу, пламени... Истребимъ гадину заморскую... А Москва опять украсится. Пожа-

лѣтъ ли отецъ нашъ Александръ Павловичъ миллионъ рублей на выстройку каменной Москвы? Онъ отецъ, а мы дѣти Его, а злодѣй французъ — некрещеный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою» и пр. (Богдановичъ, 2—413.)

Указанныя выписки изъ историческихъ документовъ представляютъ намъ духъ современной эпохи. Крыловъ еще выражается легче, чѣмъ императоръ Александръ, а главное — графъ Растопчинъ. Въ 1812 году негодованіе противъ французовъ доходило до омерзѣнія, до остервенѣнія. Одна современная брошюра носила такое названіе: «Анекдоты нынѣшней войны, или яснѣе, изображеніе мужества, великодушія, челоуколюбія, привязанности къ Богу, Вѣрѣ и Государю російскаго народа; трусости, подлости, безчеловѣчія, безсмыслія, звѣрства и непримиримаго коварства французовъ». Брошюра эта говоритъ сама за себя...

Крыловъ, какимъ онъ является въ указанной баснѣ, умѣреннѣе, нежели кто-либо изъ современниковъ говоритъ о французяхъ. Жуковский, въ приведенной нами уже одѣ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», пишетъ про Наполеона, подобно графу Растопчину:

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣе:

Духъ алчности иль мщенье!
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Болѣе спокойное и справедливое отношеніе къ Наполеону нашихъ поэтовъ и ученыхъ началось впоследствии. Великій нашъ Пушкинъ первый, если не ошибаемся, сталъ на безпристрастную и истинно-серьезную точку зрѣнія въ отношеніи ко врагу Россіи. Въ стихотвореніи «Наполеонъ», писанномъ 1821 года, поэтъ говоритъ:

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій челоукъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день

Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Но русскій челоукъ не привыкъ умѣрять себя въ своихъ порывахъ. Примѣру Пушкина не послѣдовалъ историкъ 1812 года Михайловскій-Данилевскій. Его сочиненіе представляетъ рядъ выражений, оскорбительныхъ для бывшаго непріятеля Россіи. Войска Наполеона называются свирѣпствующими злодѣями, извергами, осатанѣлыми и т. д.; маршалы французскаго императора именуются клеветами, корсиканскими выходцами и пр.; Наполеонъ, по словамъ нашего историка, обремененъ проклятіемъ вѣковъ, присутствіемъ своимъ осквернилъ Москву, запятнавъ имя свое посрамленіемъ, наконецъ, просто называетъ его мошенникомъ. По словамъ Липранди, написавшаго дѣльное сочиненіе: «Нѣкоторыя сочиненія о причинахъ гибели Наполеоновскихъ полчищъ», надо быть умѣреннымъ, даже говоря о врагѣ.

Принимая въ соображеніе все сказанное, мы должны признать за Крыловымъ значительную долю литературной и человѣческой мудрости, когда онъ въ баснѣ «Ворона и Курица», написанной подъ вліяніемъ грозныхъ событій современной ему эпохи, сдерживаетъ свой языкъ, умѣряетъ свои выраженія и къ французамъ относится не такъ ругательно, какъ другіе его соотчичи.

Кеневичъ выражаетъ догадку объ историческомъ происхожденіи басни «Щука и Котъ». Его предположеніе оказывается фактомъ, не подлежащимъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію. Г. Колмаковъ, лично знакомый съ И. А. Крыловымъ и много слышавшій о немъ отъ современниковъ, говоритъ, что басня «Щука и Котъ» написана была на адмирала Чичагова, командовавшаго въ 1812 году Дунайскою арміею, и князя Кутузова Смоленскаго. (Р. Архивъ 1865, стран. 1011.)

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ...

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло

За кошачье приняться ремесло.

«Зубастая Щука» — адмиралъ Чичаговъ, которому было поручено Кутузовымъ препятствовать отступленію Наполеона и сторожить его при рѣкѣ Березинѣ на протяженіи пятидесяти верстъ по берегу. Въ 1812 году адмиралъ Чичаговъ въ первый разъ начальствовалъ сухопутными силами, состоявшими изъ 30000. Чичагова увѣдомляли два раза, что недалеко отъ Борисова находятся французскія войска, но онъ, по оплошности своей, не вѣрилъ. Благодаря неискусству, неопытности Чичагова въ командованіи сухопутнымъ войскомъ и другимъ причинамъ, произошло странное стеченіе обстоятельствъ. «13-го ноября, въ тотъ самый день, когда Чичаговъ, вовлеченный въ заблужденіе, направился внизъ по правому берегу Березины, маршалъ Удино двинулся въ сумерки отъ того же Борисова вверхъ по лѣвому берегу рѣки: такимъ образомъ, войска Наполеона и Чичагова направились одновременно», говоритъ историкъ Богдановичъ, «въ противоположныя стороны». (Т. 3, стран. 260). 15-го ноября представлялся самый удобный случай къ окончательному пораженію непріятеля. «Если бы наши войска атаковали непріятеля, то онъ былъ бы поставленъ въ опасное положеніе. До этого времени на переправѣ (черезъ Березину) соблюдался кое-какой порядокъ и движеніе войска замедлялось только порчею большого моста, который подломился въ третій разъ около четырехъ часовъ и былъ исправленъ не прежде шести. Въ это время отсталые и раненые нахлынули толпами, ведя за собою множество лошадей и повозокъ; все пространство между деревнею Студянкою и берегомъ (Студянка лежитъ въ полтора шагахъ отъ рѣки) покрылось ими до такой степени, что не было никакой возможности пробраться къ мостамъ, не подвергаясь величайшей опасности». (Богдановичъ 3—270). Но Чичаговъ, благодаря своему бездѣйствію, пропустилъ этотъ случай. Онъ не прежде ве-

чера 15-го ноября успѣлъ стянуть свои войска съ нижней Березины къ Борисову. Бездѣйствіе Чичагова, его нераспорядительность Крыловъ изображаетъ такими стихами:

«А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли».

Баснописецъ передаетъ здѣсь истину въ поразительной силѣ. Крысы — это истощенныя войска Наполеона. Чичаговъ со своею арміею никакъ не думалъ видѣть въ непріятелѣ истомленное, изнуренное войско. «Никто изъ нихъ не воображалъ», говоритъ Богдановичъ, «чтобы, вмѣсто грозныхъ легионовъ, явились такія тѣни, едва прикрытыя обрывками разнороднаго платья, дамскихъ салоповъ, священническихъ ризъ, ковровъ и рогожъ, съ усиліемъ тащившія ноги, обернутыя кожею, полотномъ и войлокомъ. Ихъ блѣдныя, исхудалыя лица, обросшія всклокоченными волосами и бородой, выражали всѣ перенесенныя ими лишенія; многіе офицеры и даже генералы шли наравнѣ съ безоружными солдатами; исчезла дисциплина» и прочее. (Богд. 3—252). Если бы Чичаговъ зналъ, въ какомъ состояніи находилась «великая армія», въ небольшомъ переходѣ отъ Борисова, то войско Наполеона подверглось бы неминуемой гибели до послѣдняго солдата... Звѣзда спасла великаго полководца. Обаяніе его имени отняло силы у русскаго адмирала — «зубастой Щуки».

«И крысы хвостъ у ней отъѣли».

Что это за хвостъ? Отвѣтъ въ исторіи. Авангардъ арміи Чичагова 11-го ноября потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ корпуса Удинѣ. Уронъ нашъ въ этотъ день, по официальнымъ свѣдѣніямъ, простирался убитыми и плѣнными до тысячи человекъ. Войска Чичагова должны были отступить отъ Борисова и отступить въ величайшемъ беспорядкѣ. Кавалерія и артиллерія мчались по большой дорогѣ и кинулись въ бродъ черезъ болотистую рѣку Сху, а фуражиры были совсѣмъ отрѣзаны отъ арміи корпусомъ Удинѣ. Отступление Чичагова изъ Борисова похоже было на бѣгство... Потеряны были въ городѣ многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія адмирала, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургоны со столовымъ серебромъ Чичагова, и всѣ наши раненые и больные; изъ нихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ. (Богдановичъ, 3—249.) Такое несчастіе произошло отъ нераспорядительности Чичагова. «И крысы хвостъ у ней отъѣли». Наши предки, по разсказу Богдановича, неуспѣхъ въ исполненіи главнаго плана объ истребленіи арміи Наполеона, приписывали Чичагову. Потому басня «Щука и Котъ» имѣетъ глубокой исторической смыслъ.

Сталъ Щукѣ Васька говорить:

«Смотри кума, чтобъ не осрамиться:

Не даромъ говорится,

Что дѣло мастера боится»...

Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ зѣмертво стащилъ ее обратнѣ въ прудъ.
И дѣльно! Это, Шука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Басня «Чижъ и Ежъ», говорить Вигель (Воспоминанія, Москва 1866, т. 2, стран. 159), написана во славу императора Александра, возвращающагося изъ Парижа. Въ заключеніи басни поэтъ прямо называетъ государя по имени:

«Такъ я крушуся и жалѣю
Что лиры Пиндара¹⁾ мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бѣ Александра шѣлъ».

Возвращеніе государя изъ Парижа было привѣтствуемо радостными, непритворными искренними кликами всего народа русскаго. Императрица Марія Ѳедоровна въ нѣсколько дней построила въ Павловскѣ увеселительный домикъ «Розовый Павильонъ», въ которомъ она рядомъ торжествъ встрѣчала своего вѣнценоснаго сына, водворившаго миръ въ Европѣ. Писатели и поэты: Державинъ, Карамзинъ, Жуковский и Пушкинъ — величали въ задушевныхъ стихахъ побѣдителя Наполеона. Карамзинъ на время оставивъ трудъ историка, принялся за поэтическое перо и написалъ «Освобожденіе Европы и Слава Александра», Державинъ четыре стихотворенія посвятилъ тому же предмету: «На покореніе Парижа», «На возвращеніе Императора Александра I», «На Срѣтеніе побѣдителя Европы, Александра I», «На возвращеніе полковъ гвардіи» (Т. III, изд. Академіи, стран. 211—224). Первые три стихотворенія вышли прежде отдѣльными брошюрами; нѣкоторыя — съ виньетками. Вторая пьеса заключаетъ въ себѣ много теплоты:

Ты возвратился, благодатный!
Нашъ кроткій ангель, лучъ сердецъ!
Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный
Монархъ, отечества отецъ...
Ты возвратился, царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ...

Въ рукописи это стихотвореніе названо кантатой; оно было положено на музыку Бортнянскимъ и пѣто въ Павловскѣ, 17 іюля 1814 года у императрицы Маріи Ѳедоровны. Второе стихотвореніе, содержащее въ себѣ описаніе мужества и великодушія государя, а также радость матери его и всего народа, издано было въ публику съ двумя виньетками: одна представляла триумфальные ворота и вступающаго въ нихъ Феба, за которымъ лежитъ пораженный имъ драконъ и летятъ орлы, другая — изображала радугу подъ тучами

¹⁾ Пиндаръ — Знаменитый греческій поэтъ. Жилъ въ VI вѣкѣ до Р. X.

и перунами. (Соч. Державина, изд. Акад. Т. III—216.) Хороша слѣдующая строфа:

Объемлетъ умъ благоговѣно
Мой — ужась, радость и восторгъ;
На стогнѣ молится смиренно,
Зрю, Александръ! и свѣта богъ,
Какъ, взглядомъ тьму онъ освѣщаетъ,
Врагамъ щедротою отмщаетъ
И прахъ Людовика святить!

«Посланіе Императору Александру» Жуковскаго дышитъ свѣжестью искренней поэзіи:

Когда лѣтящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовуть, Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?

Слѣдуетъ описаніе коронаціи государя, восшествіе Наполеона и его побѣдъ, нашествія на Россію, ея патриотизма:

Твоя Россія встала...
Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ.

Говорится объ отправленіи государя съ войсками за границу, описывается взятіе Парижа, богослуженіе на мѣстѣ убіенія Людовика XVI.

Простерлись всѣ во прахъ, всѣ вкупѣ слезы льютъ:
И се!... подѣмлется спасенія сосудъ...
И звучно грянуло: воскреснулъ искушитель!

Далѣе представляетъ поэтъ возвращеніе государя въ Россію, любовь его къ народу. Нѣкоторые изъ заключительныхъ стиховъ выражаютъ прекрасныя мысли:

Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа.

(Стихотв. Жук. 2—179.)

Пушкинъ, — тогда еще воспитанникъ царскосельскаго лицея, «Сверчокъ» — поэтъ, какъ онъ самъ себя называлъ, — воспѣлъ «Возвращеніе государя императора» въ особомъ стихотвореніи. Въ голосѣ пятнадцатилѣтняго юноши уже звучали сильные тоны. Описавъ нашествіе Наполеона на Россію и всеобщее вооруженіе, поэтъ говоритъ:

А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной...
Почто жъ на бранный доль я крови не пролилъ?
Почто сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?

Слѣдуетъ выраженіе радости народовъ, которымъ возвращена Александромъ свобода. [Затѣмъ — привѣтствуетъ поэтъ возвращеніе государя:

И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется;
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И Ты среди толпы, Россіи божество!

Москва въ лицѣ избраннаго общества торжественно праздновала взятіе русскими войсками Парижа. Подъ изваяніемъ императора Александра горѣли огненными буквами слѣдующіе стихи, сочиненные княземъ Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? какой ему алтарь?
Всееленная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;
Россія, имъ гордись. Онъ сынъ твой, онъ твой царь!»
(Рус. Арх. 1866, № 3, стр. 495).

Крыловъ восторженное свое чувство къ императору Александру выразилъ въ баснѣ «Чижъ и Ежъ», написанной 1814 года. Басня — весьма коротка, и въ ней каждое слово блистаетъ червонцемъ:

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ пустыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. — «Ты что жъ»,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
«Пріятель не поешь?»
— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ»,
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бѣ Александра пѣлъ.

«Фебъ лучезарный», поднявшійся изъ-за морей, это — императоръ Александръ, возвращающійся изъ Парижа «въ блескѣ и во славѣ всей». «Хоръ громкихъ соловьевъ», раздавшійся въ густыхъ лѣсахъ, въ срѣтенье Фебу, — это Державинъ, Карамзинъ, Жуковский и Пушкинъ со своими гимнами въ честь государя. «Робкій Чижъ»,

тупоудиненно чирикавшій на зарѣ и про себя, — это нашъ Крыловъ, выбравшій для выраженія своихъ глубокихъ идей форму самую скромную въ поэзи, признаваемую всѣми дѣтскою, форму басни. «Сквозь слезы» Чижъ бѣдный отвѣчаетъ на вопросъ, почему онъ не поетъ въ честь лучезарнаго Феба. Сознаніе своего смиренія, выраженнаго Чижомъ, глубоко трогательно. Въ то время, когда Державинъ, Карамзинъ и Жуковскій пишутъ большія стихотворенія во славу Александра, Крыловъ не сознаетъ въ себѣ достаточно силъ для совершенія подобнаго литературнаго дѣла. Онъ «голоса такого» не имѣетъ. Онъ больше чувствуетъ, нежели говоритъ. «Такъ я крушуся и жалѣю, что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ». Крыловъ искренно выражаетъ чувство. Слезы его непритворныя. Онъ имѣлъ много причинъ быть глубокопризнательнымъ къ императору Александру. Оставляя въ сторонѣ великія качества государя, которыхъ радовали сердце каждаго русскаго, какъ патріота, Крыловъ лично былъ благодѣтельствованъ Его Величествомъ, и не разъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда баснописецъ, уже заявившій свой огромный талантъ, любилъ карточную игру и предавался ей до страсти, Александръ говорилъ: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ, а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой». (Біографія Крылова, написанная Плетневымъ. С.-Пб. Т. I, стран. 38.) Въ первый годъ службы Крылова въ Императорской публичной бібліотекѣ, государь приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1,500 рублей ас. пенсіи изъ кабинета Его Величества. (Спустя восемь лѣтъ эта милость была удвоена.) Въ 1813 году, когда поэтъ задумалъ вновь издать свои басни, то получилъ отъ императора на этотъ предметъ четыре тысячи рублей. (Библ. Зап. 1859, стран. 419). Теперь намъ понятны искреннія слезы Крылова, которыми закипѣло его сердце, при возвращеніи побѣдоноснаго Александра изъ Парижа...

Басня «Василекъ» явилась 1823 года. Она написана въ память благодѣяній, которыя оказывала императрица Марія Федоровна Крылову. На талантъ поэта нашего императрица обратила вниманіе свое еще въ 1801 году, когда она предоставила Крылову мѣсто секретаря у рижскаго губернатора Голицына... Затѣмъ милостивая государыня приняла баснописца въ свой ближайшій кругъ. Неоднократно Крыловъ читалъ ей свои рукописныя басни во дворцѣ. Императрица покровительствовала литературѣ; она часто собирала около себя извѣстныхъ писателей. Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій, Кокошкинъ, замѣчательный чтець Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ нерѣдко читали передъ государынею въ Розовомъ Навильонѣ свои произведенія и другихъ авторовъ. Въ Розовомъ Навильонѣ постоянно находились альбомы, въ которыхъ всякому посѣтителю дозволялось вписывать свои замѣчанія о Павловскѣ. «Помню, говоритъ Булгаринъ, что на первомъ листѣ одного изъ альбомовъ красовалась басня Крылова, написанная его рукою, еще

не бывшая тогда въ печати: «Василекъ». Помню, какъ любопытные посятители вырывали другъ у друга изъ рукъ перья, чтобы выписать послѣдніе стихи изъ «Василька»:

О вы, кому въ удѣль судьбою данъ
Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно —

Былинкѣ ль, кедру ли — благотворить равно.

И радость по себѣ и счастье оставляетъ;

Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрустальныхъ

И все его благословляетъ.

Басня «Василекъ» принадлежитъ къ числу лучшихъ басенъ Крылова по художественному своему совершенству и по истиннѣ излагаемыхъ въ ней фактовъ. Дѣйствительно, благотворительность императрицы Маріи, о которой говорится въ баснѣ, до сихъ поръ служить предметомъ самыхъ сочувственныхъ разговоровъ; до сихъ поръ ея милость къ народу продолжаетъ оказывать свою живительную силу во множествѣ богоугодныхъ и учебновоспитательныхъ заведеній. Имя «Императрицы Маріи», подобно Анастасіи Романовнѣ, будетъ жить вѣчно въ устахъ благодарнаго народа русскаго...

Басня «Кукушка и Пѣтухъ» историческаго происхожденія. Она написана на Булгарина и Греча. (Р. Архивъ 1865, стран. 1011.) Ѳ. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія вошли между собою въ тѣснѣйшую дружбу. Со временемъ исторія литературы покажетъ причины ихъ дружества въ настоящемъ видѣ. Ѳ. В. и Н. И. издавали вмѣстѣ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣврную Пчелу», гдѣ восхваляли одинъ другого до небесъ. Теофилактъ Косичкинъ (псевдонимъ Пушкина) въ 1831 году писалъ: «Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ, болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ думъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. — Ѳ. В. скромно призналъ себя ученикомъ Н. И., Н. И. поспѣшно провозгласилъ Ѳ. В. ловкимъ своимъ товарищемъ. Ѳ. В. посвятилъ Н. И. своего Дмитрія Самозванца; Н. И. посвятилъ Ѳ. В. свою поѣздку въ Германію. Ѳ. В. написалъ для грамматики Н. И. хвалебное предисловіе; Н. И. въ «Сѣврной Пчелѣ» (изд. гг. Греча и Булгарина) напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно-трогательное! «Иванъ Выжигинъ» существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ «Сѣврномъ Архивѣ», «Сѣврной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г. Ансело (г. Гречъ) въ своемъ путешествіи,

возбуждившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшего «Ивана Выжигина», лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ, «Иванъ Выжигинъ» явился, и «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела» превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать, многіе прочли до конца, а между тѣмъ похвалы ему не умолкали, въ каждомъ номерѣ «Сѣвернаго Архива», «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы». Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей, ободряли, подстрекали лѣнливыхъ читателей; угрожали мстью недоброжелателямъ, не читавшимъ «Ивана Выжигина» изъ единой низкой зависти. (Соч. Пушкин., изд. Исакова. Т. V, стран. 166—171). Н. И. Гречъ, желая отстоять своего друга отъ всякой критики, доходилъ до истиннаго ребячества. Въ «Сынѣ Отечества» 1831 года, въ № 27, на удивленіе потомства и въ назиданіе вѣчное ему, напечаталъ такіа строки: «Я рѣшился на сіе (оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобы оправдать и защитить Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ». (Соч. Пушкина. Т. V, стран. 175.)

Строки краснорѣчивыя! Видя неумѣренное и надобвшее всѣмъ самовосхваленіе Греча и Булгарина, Крыловъ въ 1841 году написалъ превосходную басню «Кукушка и Пѣтухъ»:

Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно? и пр.

Эта басня останется историческимъ свидѣтельствомъ нашихъ литературныхъ нравовъ въ эпоху отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Она можетъ имѣть полнѣйшее приложеніе и къ нашему времени...

Мы объяснили историческое происхожденіе восьми басенъ. Ихъ смыслъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Можно бы указать на историческое значеніе и другихъ басенъ, но для такого дѣла не имѣемъ мы въ настоящую минуту необходимыхъ данныхъ. Басни «Осель и Соловей», «Прихожанинъ», «Голикъ» написаны, говорятъ, тоже по поводу разныхъ явленій въ нашей литературѣ. «Осель и Соловей» — противъ тѣхъ критиковъ, которые считали басни Дмитріева лучше Крыловскихъ. «Прихожанинъ» — на московскихъ литераторовъ, которые съ намѣреніемъ умалчивали о талантѣ Крылова, когда превозносили дарованія другихъ баснописцевъ. «Голикъ» осмѣиваетъ того журналиста, который позволилъ себѣ исправлять слогъ Крылова, уже признанный всѣми за образецъ прекрасной рѣчи. Басня «Демьянова Уха» замѣчательна въ историческомъ значеніи по тому случаю, при которыхъ была читана. Когда въ «Бесѣдѣ любителей Рос. Слова» окончилось чтеніе какой-то длинной и утомившей всѣхъ статьи, то очень кстати былъ неподобный разговоръ Крылова о сосѣдѣ — Демьянѣ, угощавшемъ черезчуръ усердно сосѣда — Фоку...

Окончательный выводъ изъ всего изложеннаго нами будетъ тотъ, что баснямъ Крылова надо придавать болѣе серьезный смыслъ, нежели какой обыкновенно привыкли придавать имъ. Басни Крылова имѣютъ историческое значеніе, и потому весьма полезно педагогу свѣрять ихъ съ фактами исторіи гражданской и исторіи литературы. Для такой оцѣнки нашего писателя уже приготовлено теперь не мало матеріаловъ въ разныхъ журналахъ, благодаря трудамъ Лонгинова, Кеневича, Колмакова и другихъ. Въ предложенной статьѣ мы собрали въ одно цѣлое ихъ замѣчанія, добавивъ отъ себя нѣкоторыя необходимыя объясненія. *Водовозовъ.*

Басни Крылова, устанавливающія согласіе между отдѣльными группами государства.

Обращая свое заботливое вниманіе на устройство семьи, на установленіе единства и согласія, естественныхъ и разумныхъ отношеній между ея членами, Крыловъ не упускалъ изъ виду и обширной семьи—государства, со свойственной ему простотой и убѣдительною доказывая въ своихъ басняхъ необходимость и въ немъ той же гармоніи, тѣхъ же естественныхъ и разумныхъ отношеній между всѣми его членами. Высказывая въ своей превосходной баснѣ «Воспитаніе Льва» высокую истину, что важнѣйшая наука для царей: «знать свойства своего народа и выгоды земли своей»,— въ другой баснѣ «Василекъ», отличающейся еще большими поэтическими достоинствами, неподражаемой по простотѣ изящества, необыкновенной иѣжности и мягкости красокъ, онъ указываетъ на высокую задачу царя въ слѣдующихъ превосходныхъ стихахъ:

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ

Высокій санъ,

Вы съ солнца моего примѣръ берите

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно —

Былинкѣ ль, кедрю ли — благотворитъ равно.

И радость по себѣ и счастье оставляетъ;

Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрустальныхъ,

И все его благословляетъ.

Мысль о гармоническомъ, естественномъ и разумномъ отношеніи между всѣми группами, составляющими государство, что «держава всякая сильна, когда устроены въ ней всѣ премудро части», развита въ баснѣ «Пушки и Паруса», исполненной поэтическихъ картинъ. Написанная въ 1829 году, она указываетъ на ложность господствовавшего у насъ прежде съ особенной силой убѣжденія въ превосходствѣ пушекъ, военной службы, передъ парусами, «этимъ ничтожнымъ холстиннымъ твореніемъ», т. - е. гражданской или, точнѣе, всякой другой службы. Развитію той же мысли о необходимости гармоніи

между всѣми государственными сословіями посвящена Крыловымъ другая прекрасная басня: «Листы и Корни», гдѣ доказывается простая истина, что корень въ государствѣ — въ народѣ, и что для жизненныхъ отправленій государства необходимы высшія сословія; живутъ и цвѣтутъ они до тѣхъ поръ, «пока не изсушится корень». Съ другой стороны, «Конь и Всадникъ» подтверждаетъ столь же простую истину, что для народа необходима разумная мѣра свободы; такъ, конь ретивый, безъ узды, сбросившій сѣдока и самъ «въ оврагъ со всѣхъ махнувшій ногъ», обличаетъ глубокую думу Крылова надъ свѣжими историческими явленіями.

Устанавливая согласіе между отдѣльными группами государства, онъ даетъ въ то же время практической совѣтъ держаться крѣпко каждому своего и не выдавать Матрены за барона, чтобы не вышла Матрена ни пава ни ворона («Ворона»); совѣтуетъ селянину, солдату или гражданину (т. - е. горожанину) не роптать, «кой съ кѣмъ свое сличая состоянье», потому что и эти *кой-кто* не безъ дѣла для нихъ же («Колосъ»). Не падать онъ и власти, безъ дѣла и пользы живущей и заѣдающей чужой трудъ. Въ одной изъ послѣднихъ басенъ: «Вельможа» — судья въ жилищѣ тѣней тотчасъ отправляетъ въ рай вельможу, который на службѣ только «шилъ, ѣлъ и спалъ, да все подписывалъ, что секретарь ни подавалъ», и слѣдующимъ образомъ объясняетъ свой приговоръ Меркурію, который даже вскрикнулъ отъ изумленія, забывши всю учтивость:

Что если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью, —
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!

Въ баснѣ «Орелъ и Паукъ» онъ обличаетъ тѣхъ, «кои безъ ума и даже безъ трудовъ тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи»; или тѣхъ, которые составляютъ свое счастье «лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ» («Двѣ Собаки»); тѣхъ, которые судятъ объ умѣ «по платью иль по бородѣ», тянуть по службѣ вверхъ людей безъ ума, какъ крысу безъ хвоста, лишь потому, что эта крыса имъ кума; тѣхъ, которые хвалятся, что ихъ предки Римъ спасли («Гуси»), или что прослужили безъ проку сорокъ лѣтъ и лежали, какъ камень на полѣ — тихо, скромно, смиренхонько («Камень и Червякъ»). Въ баснѣ «Паукъ и Пчела» Крыловъ вооружается рѣзкою сатирою противъ тѣхъ, кто, какъ завистливый паукъ, «засѣлъ, надувшись спесиво, за трудъ, въ которомъ свѣту пользы нѣтъ», который не одѣваетъ и не грѣетъ; въ баснѣ «Бѣлка» противъ пустыхъ дѣльцовъ, которые суетятся день и ночь безъ толку, какъ бѣлка въ колесѣ; въ баснѣ «Пчела и Муха» противъ тѣхъ бесполезныхъ гражданъ, которыхъ на родинѣ, какъ мухъ, вездѣ гоняютъ изъ гостей и которые летятъ въ чужіе края, потому что тамъ никому ихъ праздность не досадна; въ баснѣ «Похороны» — противъ бесполезныхъ богачей, «которыхъ смерть одна къ чему-нибудь годна».

Лавровскій.

Басни Крылова, поучающія правиламъ обычной житейской мудрости.

Трудно перечислить тѣ басни, въ которыхъ Крыловъ даетъ намъ правила обычной житейской мудрости, практическіе совѣты, или въ которыхъ просто выражаются отдѣльные частные случаи. Ихъ много и всѣ онѣ такъ извѣстны, что перечислять ихъ значило бы злоупотреблять вниманіемъ. Приглядимся ли къ нашей обычной разладицѣ въ житейскихъ дѣлахъ, мы непременно вспомнимъ басню «Лебедь, Щука и Ракъ»; прислушаемся ли къ нашимъ бесполезнымъ рѣчамъ, расточаемымъ часто попусту тамъ, гдѣ нужно дѣло, нашему воображенію тотчасъ представится *рыцарь*, ораторствующій передъ лошадыю, или *поваръ* передъ *котомъ*, спокойно убирающимъ курчонка. Наши пустыя и часто вредныя затѣи напоминаютъ намъ *механика*; наша охота браться за дѣло не подъ силу — *скворца*, задумавшаго пѣть соловьемъ; наше «авось, успѣю» — *мельника*; наша привычка сваливать вину на другого — *напраслину*. Нашъ близорукой и тревожный взглядъ на дѣло, представляющій со всѣхъ сторонъ мнимыя опасности, наша охота бить попусту въ набатъ, какъ часто бываетъ и теперь, изображены Крыловымъ въ прекрасной баснѣ «Мыши»; наша привычка, отъ которой мы еще не можемъ отстать — судить и ридить, что и какъ за моремъ, а у себя подъ носомъ не видѣть, изобличается въ столь же прекрасной баснѣ — «Три мужика» и т. д. Въ какіе прекрасные поэтическіе образы облекаются въ басняхъ Крылова самыя простыя истины: быть терпѣливымъ въ трудѣ («Трудолюбивый Медвѣдь»), не обольщаться обманчивой надеждой («Пастухъ и Море»), не браться за нѣсколько дѣлъ разомъ («Крестьянинъ и Собака»), не пренебрегать совѣтомъ, не разсмотрѣвъ его («Орель и Кротъ», «Левъ и Мышь»), какой прекрасный памятникъ въ баснѣ «Орель и Пчела» безвѣстному, но честному труду и т. д. А «Тришкинъ кафтанъ» и «Демьянова уха», смерть, явившаяся на зовъ мужика, муха, вытягивающая въ гору возъ, медвѣжья услуга?... сколько картинъ, прелестныхъ и затѣйливыхъ поэтическихъ образовъ возбуждаютъ они въ нашемъ воображеніи! Цѣлыя басни иногда посвящаются Крыловымъ переложенію въ тѣ же поэтическіе образы народныхъ пословицъ: «изъ огня да въ полымя» («Госпожа и двѣ служанки»), у страха глаза велики («Мышь и Крыса»), не смѣйся чужой бѣдѣ («Чижъ и Голубъ») и др. Извѣстно, что Крыловъ терпѣть не могъ въ литературѣ ни излишней, льстивой похвалы ни бранчивой и придирчивой критики; «лишнія хвалы считаю за отраву», замѣтилъ онъ, между прочимъ, въ баснѣ «Муравей». Относительно же наклонности къ осужденію и порицанію, которой такъ легко поддается человѣкъ, онъ руководился старою, но вѣрною истиною, высказанною имъ въ баснѣ «Обозъ»:

Все кажется въ другомъ ошибкой намъ:

А примешься за дѣло самъ,

Такъ напраказишь вдвое хуже.

Критикамъ и цѣнителямъ этого рода онъ посвятилъ нѣсколько прекрасныхъ басенъ: ихъ онъ выводитъ и въ бросающихся на прохожихъ *собакахъ*, которыя, впрочемъ, «полаютъ, да отстанутъ»; въ *ослѣ*, отозвавшемся съ такимъ знаніемъ дѣла о пѣніи *соловья*; въ *москѣ*, лающей на *слона*; въ *грязномъ голыть*, развозившемся по барскому платью; въ *свинѣ*, роющей въ навозъ и соръ на заднемъ дворѣ богача. Не любилъ онъ также дешевой и пристрастной критики литературныхъ партій и кружковъ, когда *кукушка* хвалить пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку; когда бранятъ другихъ только потому, что эти другіе «не нашего прихода» («Прихожанинъ»). Но о критикѣ серьезной, основательной и благонамѣренной Крыловъ всегда отзывается съ уваженіемъ и вѣрилъ въ ту пользу, которую она приноситъ истиннымъ талантамъ, которымъ нечего бояться такой критики:

Таланты истины за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

Лавровскій.

Басня Крылова, какъ воплотительница ума и народной мудрости.

Между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ. Не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ, между прочимъ, басенъ. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода. Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые, однакожь, давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей, но нигдѣ ей такъ не посчастливилось, какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота объясня вся притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямого и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что

только въ формѣ басни для него возможно вполне успешное сочетание художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко-сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія. Но потому-то Крыловъ, давъ ей все то развитіе, къ какому она способна на русской почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго заградилъ всѣмъ дорогу на этомъ поприщѣ. Ни одинъ русскій писатель не отважится въ скоромъ времени итти по его слѣдамъ.

Говорятъ, что басня есть форма поэзіи, слишкомъ тѣсная для фантазіи и въ наше время устарѣлая; но эта форма пришлась по уму и нраву Крылова, потому что именно въ ней было ему всего привольнѣе, и только въ ней онъ могъ проявить свой художественно-сатирической талантъ во всей его силѣ и полномъ блескѣ. Тѣмъ изумительнѣе этотъ талантъ, если онъ въ сухую, повидимому, форму сумѣлъ вложить такъ много жизни и поэзіи, что въ первый разъ представилъ образцы народнаго искусства въ словѣ. Названіе *баснописца*, дѣйствительно, не довольно почетно для Крылова. Онъ выше своего рода и доказалъ, что не мѣсто красить человѣка, а наоборотъ. Въ басню многозначительна, не какъ басня, а какъ созданіе, въ которомъ художественно воплотился умъ и опытная мудрость цѣлаго народа. Какъ ни высоко нравоописательное и нравоучительное значеніе произведеній Крылова, одного этого достоинства было бы недостаточно, чтобъ доставить имъ безсмертіе: для этого къ нему должны присоединиться эстетическая красота и отраженіе народнаго духа. Крыловъ-человѣкъ могъ имѣть, конечно, свои несовершенства въ частной жизни; но *тотъ человѣкъ*, который является въ его басняхъ, есть высокій мудрецъ, исполненный правилъ чести и добродѣтели, гонитель всякой лжи и низости, защитникъ науки и мысли противъ невѣжества и глупости, наконецъ, наставникъ современниковъ и потомства.

Гротъ.

Педагогическое значеніе басенъ Крылова.

Художественныя достоинства басенъ Крылова придаютъ имъ важное значеніе и въ педагогическомъ отношеніи. Какъ образцовыя въ своемъ родѣ произведенія поэзіи, его басни преимущественно полезны по своему образовательному вліянію на дѣтей. Въ его баснѣ, исполненной жизни и драматизма, дитя начинаетъ знакомиться съ человѣческой жизнью, съ ея доблестями и немощами, и развиваетъ въ себѣ живой смыслъ и живое слово. Но мы не можемъ не коснуться еще двухъ сторонъ въ благотворномъ вліяніи басни, отличающейся такими совершенствами, какъ басни Крылова; одна изъ нихъ теоретическая, другая — практическая.

Изображая въ иносказаніяхъ человѣческой міръ, басня начинаетъ возбуждать въ человѣкѣ ту ему одному только свойственную производительную дѣятельность воображенія, въ которой выражается общее стремленіе человѣка къ непрерывному обновленію и совершенствованію своей дѣйствительности. Въ баснѣ — узелъ, связующій забаву съ серьезными созданіями мысли и представленія, и потому самая эта забава представленіями уже заключаетъ въ себѣ глубокой и серьезный смыслъ. Низшія животныя знаютъ только забаву тѣлодвиженій, но не представленій; одинъ человѣкъ, съ первыхъ дней младенческаго сознанія, начинаетъ любоваться созданіями представленія и гармоніею въ ихъ сочетаніяхъ. Въ этомъ наслажденіи первый проблескъ будущихъ идеаловъ, непрерывно движущихъ и совершенствующихъ и внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка.

Не менѣе важно и практическое или нравственное значеніе образцовой басни. Таково свойство нашей психической жизни, что общее правило или нравственное требованіе, особенно на первыхъ порахъ, скорѣе получаетъ въ насъ дѣятельную силу подѣ влияніемъ мысли, перешедшей въ дѣло, или представленной въ самомъ фактѣ и дѣлѣ. Даже мышцы своего слова дитя складываетъ для разговора не потому, что оно узнаетъ сперва правила, какъ ихъ складывать, но потому, что внутренній инстинктъ слова, съ соотвѣтственнымъ ему движеніемъ мышцъ, самъ собою пробуждается при видѣ бесѣдующихъ съ нимъ людей. Только позже, на степени высшей душевной зрѣлости, и отвлеченно-сознанная мысль удобно переходитъ въ дѣло и преобразуетъ самую жизнь. Басня, какъ и многія другія художественныя произведенія слова, изображая людскіе недостатки въ непосредственномъ единствѣ ихъ съ фактомъ, не ограничивается сообщеніемъ одному отвлеченному знанію, или памятованію правилъ жизни, но непосредственно возбуждаетъ въ дитяти и знаніе правилъ и соотвѣтственное имъ настроеніе сердца и воли: дитя разомъ научается какъ понимать, такъ и чувствовать и выражать въ своемъ настроеніи и внутреннюю силу добра и отрицаніе зла. Такъ дѣйствуетъ басня на дѣтей; такъ дѣйствуетъ она и на народъ, близкій, по степени умственнаго развитія, къ дѣтскому возрасту. Въ баснѣ онъ видитъ мелкіе образцы своего ума и слова, и, пользуясь ими, незамѣтно совершенствуется и свой смыслъ и свое слово.

Басни Крылова тѣмъ удобопримѣнимѣе къ первоначальному обученію, что содержаніе ихъ всегда просто и доступно пониманію дѣтей. Быть можетъ, оно ограничивается иногда только общими нравственными истинами, не имѣющими близкаго отношенія къ народной жизни; иной разъ его басни не чужды и остатковъ давняго классицизма, каковы, напр., мифологическія названія Юпитера, Плутона, Парнасса; но такихъ, не гармонирующихъ съ назначеніемъ басни, особенностей въ басняхъ Крылова мало, и, въ общей сложности, его произведенія въ этомъ родѣ поэзіи навсегда останутся памятникомъ рѣдкаго совершенства.

И вотъ почему преимущественно Крылова басни всегда имѣли и долго, долго еще будутъ имѣть не только высоко-художественное, но и педагогическое значеніе, и долго еще цѣлыя поколѣнія будутъ чтить въ памяти Крылова своего общаго учителя.

И всѣ мы можемъ назвать его нашимъ общимъ учителемъ и наставникомъ; потому что воспоминанія нашего дѣтства, нашего первоначальнаго образованія, неразрывны съ памятью Крылова. То, что выработала его душа, что выработала его мысль, стало общимъ нашимъ достояніемъ,—и, соединяя съ памятью о Крыловѣ, какъ знаменитомъ дѣятелѣ русскаго слова, памятованіе о немъ, какъ наставникѣ нѣсколькихъ поколѣній, мы только исполняемъ нашъ нравственный долгъ. Въ произведеніяхъ знаменитыхъ дѣателей русскаго ума и слова заключаются и руководительныя начала народной жизни, и тѣ невидимыя нити, которыми связуются въ одинъ нравственный міръ и ученики и учителя, и школа и жизнь, и прежнія и грядущія поколѣнія.

Гогольскій.

Художественное значеніе басенъ Крылова.

Басня, какъ и всякое художественное произведеніе, тѣмъ выше, чѣмъ неразрывнѣе и естественнѣе помысль соединенъ съ избранною въ ней образною формою, съ олицетвореннымъ предметомъ, который избирается баснописцемъ изъ окружающаго насъ міра. Чѣмъ задушевнѣе высказывается въ нихъ его мысль и, не нуждаясь въ какихъ-нибудь особенныхъ толкованіяхъ, непосредственно возбуждаетъ въ дѣтской натурѣ соотвѣтственное чувство и настроеніе, тѣмъ выше достоинство басни. По внутренней связи содержанія и образной формы басня уже несравненно выше, нежели символъ и аллегорія, хотя подобно имъ, еще не относится къ высшимъ художественнымъ произведеніямъ. Но и въ этомъ отношеніи басни Крылова, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, весьма многія, такъ совершенны, что могутъ сравниться съ лучшими въ этомъ родѣ произведеніями всѣхъ временъ и народовъ и далеко превосходятъ басни даже лучшихъ изъ прежнихъ нашихъ баснописцевъ — Хемницера и Дмитріева. У Хемницера есть простота изложенія, иногда и остроуміе, но зато случается растянутость и нѣкоторая доля разсужденія, понятная не представленію въ самомъ образѣ, но внѣ образа — разсудку; у Дмитріева — преобладаетъ нѣкоторая обработанность, какъ въ ходѣ всего дѣйствія въ баснѣ, такъ и въ языкѣ. Въ общемъ выводѣ, помысль басни далеко не всегда отливается у нихъ въ такихъ живыхъ отбѣнкахъ образа, которыхъ требовали бы аналогическіе типы народной душевной жизни. Басни Крылова бесспорно выше по своему художественному совершенству; въ нихъ мысль, большею частію, до мельчайшихъ индивидуальныхъ изгибовъ, выражается въ образахъ, и образы ничего не оставляютъ внѣ себя для отвлеченія или для отдѣльнаго пониманія. Типическіе образы

въ басняхъ Крылова, большею частію, какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ и ихъ дѣйствительной натурѣ и народному о нихъ представленію; ихъ положеніе, тонъ, взаимное отношеніе отличаются рѣдкою непринужденностію, и, что также очень важно, самая рѣчь отличается у него тѣми живыми оборотами народной рѣчи, въ которыхъ немногими словами, какъ нѣсколькими ударами кисти, каждое дѣйствующее лицо и каждый моментъ его дѣйствія выражены въ самомъ типическомъ ихъ рельефѣ. Басня, въ сравненіи съ высшими художественными произведеніями, вообще страдаетъ еще нѣкоторою отдѣльностію содержанія отъ конкретной формы; потому что не въ вещахъ, не въ растеніяхъ и животныхъ, но только въ движеніяхъ человѣческаго тѣла и слова можетъ выразиться человѣческая душа; но въ борьбѣ съ этимъ-то препятствіемъ и виденъ талантъ Крылова. Во многихъ его басняхъ до такой степени естественны роли выводимыхъ имъ на сцену животныхъ, что читающій или слушающій живое чтеніе его басенъ, весь переносится въ этотъ міръ вымысла и любуется имъ, какъ живою дѣйствительностію. Таковы, на примѣръ, роли въ его басняхъ мевѣдя, волка, осла, лисицы, обезьяны и т. д.

Художественное достоинство басни зависитъ и отъ того, въ какой связи съ нею поставленъ нравоучительный выводъ, если онъ сдѣланъ. Высшее художественное произведеніе не выражаетъ какой-либо отдѣльной отъ себя цѣли; оно вразумляетъ не выступающими изъ цѣльной его сферы правилами, но самыми образами возсозданной имъ жизни. Между тѣмъ, басня нерѣдко прибавляетъ въ началѣ или въ концѣ свою мысль или правило, отдѣльно отъ своего конкретного, образнаго содержанія. Въ способѣ этого приложенія или вывода нравоученія заключается пробный камень для таланта баснописца. Часто и въ лучшихъ басняхъ выводы отличаются дидактическимъ характеромъ и какою-то, по самому тону, отдѣльностію отъ цѣльнаго ихъ состава; у Крылова же самые выводы, своею непринужденностію и остроуміемъ, нерѣдко даже не даютъ замѣтить, что мы уже вышли изъ художественной сферы басни, а иногда, какъ бы снова, съ новою силою, сосредоточиваютъ въ себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, весь комизмъ, всю иронию, разлитые въ баснѣ. Что можетъ быть, на примѣръ, непринужденнѣе дидактическихъ заключеній въ басняхъ — о вельможѣ, или о гусяхъ, или о собакахъ, подравшихся изъ-за кости? Лучшимъ доказательствомъ неподражаемой мѣткости, съ которою индивидуализируются у Крылова общая мысль въ типахъ его басенъ, можетъ быть, какъ мы сказали, не одинъ научный анализъ, но и то задушевное наслажденіе, которое чувствуютъ и выражаютъ дѣти. Такова, на примѣръ, басня «Квартетъ» или бесѣда сытой лисы, подъ стогомъ сѣна, съ голоднымъ волкомъ. Нѣкоторыя басни Крылова содержатъ въ себѣ какъ бы маленькія комедіи, въ которыхъ наглядно, какъ бы предъ очами дѣтей, совершается комическое самоуничтоженіе людскихъ недостатковъ съ его результатомъ и отзвукомъ въ дѣтскомъ смѣхѣ.

Гогоцкій.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной діалектической стратагеми, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы нехотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать ироніей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ приѣмовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ волнующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣніи своихъ обратить въ строгій догматъ, а только въ разнообразной игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль внѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или изъяснительную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, стороннему. Въ новѣйшія времена Лафонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотой, такъ же какъ искусство, съ своей стороны, нимало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатствъ для усиленія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа несмысляція съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ то же время атрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самыхъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностью. И въ этомъ сближеніи, въ этой чудной игрѣ противоположностей, онъ, однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами заодно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ обра-

зомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминающимъ намъ объ общемъ родственномъ происхожденіи отъ одного всемогущаго Жизнедавца. И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важною мыслию или нравственною истиною, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теоріи, — основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что представляется намъ въ его басняхъ, самое высокое качество въ нихъ — это умъ. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому, что не хотѣлъ этого не могъ. Равнодушный ко всѣмъ выпреннимъ утопическимъ и оптимистическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ ироніи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія, въ которой сквозь незнаніе, ею высказываемое, и отстраненіе себя отъ вопроса свѣтятся, какъ бы вскользь, глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по своему — это иронія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронія является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ гениальная черта нашего баснописца, что его иронія вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физиогномію, колоритъ, что ея нельзя не примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьезный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьезность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсень ничего не доказываетъ; она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы — народъ жизни и движенія, и если мы иногда унываемъ, то ненадолго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается

уныніе. Съ нашей грустною думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣтъ никакой надобности приводить въ свидѣтельство сказаннаго здѣсь мѣста изъ самыхъ басенъ, отзывающіяся народностію. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленіи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлости взятой, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ первой до послѣдней. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣтеніи содержанія, въ манерахъ повѣствованія, въ рѣчахъ лицъ повѣствуемыхъ. Что многія выраженія изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисицы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудіемъ для изображенія важныхъ истинъ въ нашихъ нравахъ и общественности.

Я сейчасъ говорилъ объ ироніи, это — господствующій тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ея прелестію, несмотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумія въ вымыслѣ, въ содержаніи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеній ихъ! Какая простодушная веселость въ изображеніи нравовъ, обычаевъ, всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра. Какъ смѣшонъ, напр., хоть бы этотъ слонъ, мечтающій, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдирать кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волоскомъ, или сколько комизма во всей этой исторіи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ, и что изъ этого произошло. Извѣстно, что медвѣдь натаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролежать зиму въ берлогѣ.

Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведътъ.
Со свѣтомъ Мишка распрощался,

Въ берлогу темную забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ
Да у моря погоды ждетъ.

Крестьянинъ, претерпѣвъ великое разореніе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разыгравшихся во время половодья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручьи и рѣчки впадали. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но, пришедши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ попусту не заводя хлопоть,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой
И, покачавши головой,
Пошли домой,

А уходя проговорили:
На чтò и время тратить намъ:
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Осель былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ,

Гоняя птицъ со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое имъ мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! овечь-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего многосказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ, онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ него несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!

Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю

(отвѣтилъ ему авторъ),

Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обреешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и растрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако, и такой, который об-

наружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

«А у тебя, сосѣдь, знать, черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понимаешь?» — «Ну какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода».

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеплезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далекое не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намеки на что-либо или кого-либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокой всенародный или всечеловѣческой смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ гениальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и художественны — ибо никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужъ человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ челоѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякій, одаренный высшимъ умомъ, способенъ специально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, гений. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотри на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухого холоднаго моралиста, — этого, какъ извѣстно, не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему ироніи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность — и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ произойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла

передъ нимъ мiръ своихъ роскошныхъ созданий съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданiями. Онъ любитъ ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленiя и поэтическихъ созерцанiй. Смотри на Крылова съ этой точки зрѣнiя, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Погруженный весь въ свой особенный мiръ, онъ, повидимому, не заботится о людяхъ и обращается къ нимъ только тогда, когда нужно у нихъ позаимствовать что-нибудь изъ ихъ свойствъ и быта, чтобъ надѣлать ими любимыя имъ существа. Въ этомъ странномъ мiрѣ господствуетъ своя судьба, совершаются свои эпическiя дѣйствiя, разыгрываются свои драмы, серьезныя и комическiя, съ ихъ характерами и героями. И все это поэтъ передаетъ намъ съ такою прагматическою достовѣрностiю, какъ тутъ не было ничего несбыточнаго и чрезвычайнаго. Читатель не успѣваетъ опомниться отъ обаянiя этихъ волшебныхъ видѣнiй; онъ подозрѣваетъ, конечно, тутъ хитрый умыселъ вызвавшего ихъ чародѣя, который не можетъ же по совѣсти считать и самъ всю эту чудесную фантазмагорiю мыслящихъ и говорящихъ птицъ, звѣрей, деревьевъ за нѣчто серьезное и дѣйствительное; вы чувствуете, что онъ мѣтитъ на что-то иное и приведетъ васъ непременно къ результату съ другимъ смысломъ и значенiемъ. Однакоже и безъ этого, какъ хороши сами по себѣ эти миниатюрныя, полныя жизни и выразительности изображенiя! Какъ отъ нихъ вѣетъ свѣжестiю той первобытной силы, какая оживотворяетъ все сотворенное! И какъ въ то же время искусно все эти звѣри, звѣрки, птицы, даже цвѣты и деревья разыгрываютъ роль человѣка! Точно какъ будто бы имъ ничего другого и не приходилась дѣлать, какъ разыгрывать эту роль. Правда, они не всегда отличаются добрыми нравами и большею частiю упражняются въ плутовствѣ и обманахъ; но это уже они дѣлаютъ сами отъ себя, не сносаясь съ человѣческими обычаями. Такова ихъ собственная натура. Вѣдь авторъ это и хочетъ выразить, не вдаваясь пока ни въ какiе выводы. Смотрите, съ какимъ невинно-лицемѣрнымъ видомъ эта благоприличная, граціозная плутовка-лисица оправдывается передъ крестьяниномъ, когда тотъ упрекаетъ ее въ страсти красть куръ и представляетъ ей все невыгоды ея хищнической жизни:

Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,

Что даже мясъ и пища не вкусна.

Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!

Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
Притомъ же иногда, голубчикъ кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.

Или та же лисица, съ пупкомъ на рыльцѣ, отвѣчаетъ сурку,
на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выгнана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мѣрѣ правъ, коль слушать клеветы.
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всеѣмъ міромъ за его хищничество, задумалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ такъ худо—въ Аркадію и, прошаясь съ кукушкою, жалуется на оказываемыя ему несправедливости:

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди и собаки!
Одинъ другой злѣй, и ты хоть ангель будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благодатный край—будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы кроки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки.
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, все другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ ироническій вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:

Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной поэтической картины изъ басни, гдѣ рассказывается, какъ кроткій, тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дождя большимъ потокомъ, не вынесъ своего воличія, загордился и забушевалъ. Пастухъ потерялъ ягненка, ко-

торый утонулъ въ рѣкѣ. Свидѣтель этого печальнаго событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несытая! что если бь дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семь днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила,
Я чай, ты со стыда бы землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастьяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣды ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
Разсѣлась;
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! Куда въ ручѣ смиренность дѣлалась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
Кипить, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валятся дубы,
Лишь трески слышны вдалькѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости образовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполне художественный геній. Строгая соразмѣрность въ частяхъ каждой поэмы—вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія—все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго не болѣе, какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиленіемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанія—качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано,—слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впоследствии будетъ

сожалѣть самъ или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ, передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ какъ самообладаніе нравственное составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣчала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ могутъ быть идеи, покушенія реализовать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается не состоявшимся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представленій. Чувство отражается въ предметѣ, его возбудившемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается въ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки: здѣсь она лучше сдѣлаетъ, если уступить права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи дѣла, простираются и на каждую частность въ его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершено вполне такъ, какъ это нужно для дѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи, изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, невпопадъ, что-нибудь ослабилъ или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ—въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже захватываетъ область мыслей и сердца, гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Всѣ эти добавленія до того остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить антологию, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а

тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто онѣ были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова, или, такъ сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа, то не удивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому не извѣстны, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ выраженій, какъ, на примѣръ: *у него пушокъ на рыльцѣ*; или *ларчикъ просто открывался*; *да чтобъ цусей не раздражить*; *а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ*; *въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ*; *услужливый дуракъ опаснѣе врага*; *слона-то я и не примѣтилъ*; *Васяка слушаетъ да псизъ*; *еще тарелочку*; *а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки*.

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ намъ ними и контролированіи самого себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности; но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ басняхъ Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаютъ обычныя его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой пріостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется до того свободно и легко, переходы отъ одного момента или оттѣнка къ другому такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ пріемомъ, однимъ непрерывающимся актомъ своей творческой мысли.

Никитенко.

Естественность и простота, картинность и музыкальность басенъ Крылова.

Всѣмъ извѣстно, что басни Крылова отличаются такою естественностію и простотою содержанія и формы, что невольно чувствуешь себя увлеченнымъ силою поэтической фантазіи въ этотъ своеобразный міръ животныхъ и насѣкомыхъ, присутствуешь при совершающихся въ этомъ мірѣ событіяхъ, которыя, безъ нашего вѣдома, начинаютъ казаться столь же важными, какъ и самому автору, начинаешь серьезно смотрѣть на эти событія и принимать столь же теплое и живое участіе въ герояхъ этихъ событій. При чтеніи лучшихъ басенъ Крылова и въ голову не приходитъ аллегорія, и нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе надъ собою, чтобы освободиться отъ очарованія.

произведеннаго фантазіей поэта. Слушая разговоръ двухъ куриць, собакъ, стрекозы и муравья, повара съ котомъ и т. д. вы замѣчаете, что авторъ серьезно входитъ въ ихъ положеніе, интересы и отношенія разговаривающихъ. Въ этомъ заключается лучшее достоинство басенъ Крылова, сближающее и роднящее ихъ съ ихъ исконнымъ источникомъ того времени, когда не могло быть и рѣчи объ аллегоріи и нравоученіи. Этого достоинства вы не встрѣтите у Дмитриева, и только въ слабой степени у Хемницера и Измайлова; оно зависитъ столько же отъ силы дарованія, сколько и отъ его спеціальной организаціи. Эта простота и эта естественность разсказа распространяются на всѣ условія, въ которыхъ въ данную минуту совершается разсказъ. Такая точность и естественность передачи всѣхъ условій разсказа, виѣшнихъ и внутреннихъ, сообщаетъ баснѣ необыкновенную картинность и музыкальность, лоходящую до звукоподражанія. Нужно ли изобразить зиму — Крыловъ въ трехъ стихахъ легкими, повидимому, небрежными штрихами гениальнаго художника рисуетъ ея картину:

По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы.
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло. (*Мотъ и Ласточка.*)

Понадобилась для его разсказа буря — и она является въ шести стихахъ съ ея шумомъ и трескомъ, громомъ и молніею:

Борей послушался — летить, дохнулъ — и вскорѣ
Насушилось и почернѣло море:
Покрылись тучею тяжелой небеса,
Валы вздымаются и рушатся какъ горы,
Громъ оглушаетъ слухъ, слѣпитъ блескъ молній взоры.
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса. (*Пушки и Паруса.*)

Столь же художественно рисуетъ онъ картину бурнаго потока, ниспровергающаго и уносящаго съ собой все, встрѣчающееся ему на пути:

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водою,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяютъ дубы,
Лишь трески слышны въ далекѣ. (*Ручей.*)

Вотъ тащится въ гору по песку тяжелый рыдванъ — и на самой тяжести и медленности стиховъ, на тяжеловѣсности отдѣльных словъ, не прибранныхъ, а явившихся безъ зова, потому что здѣсь могли быть только они, эти стихи и эти слова, вы чувствуете, такъ сказать, тяжесть колымаги, муку лошадей и палящій зной полуденнаго лѣтняго солнца:

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ
Тащился. (*Муха и дорожные.*)

И тутъ же передъ вами столь же художественный образъ мухи въ стихахъ легкихъ, летучихъ и суетливыхъ, какъ муха: она жужжитъ во всю мушину мочь:

Вокругъ повозки суетится:
То надъ носомъ юлить у коренной,
То лобъ укусить пристяжной,
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей.

А вотъ легкій и граціозный образъ мухи въ другомъ положеніи:

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха сидя.

Или образъ лягушки, которая завела домокъ «подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ». А эти неподражаемые стихи, рисующіе старика-крестьянина съ тяжелой ношей дровъ, — стихи тяжелые и медленные, переносящіе въ душу то физическое и нравственное изнуреніе, которое чувствовалъ бѣдный старикъ:

Набравъ валежнику порой холодной зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжелой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вдохнулъ и думалъ самъ съ собой.

Чтобы нарисовать истинно-поэтическую картину для Крылова часто довольно стиха, много двухъ, и по нимъ вы тотчасъ узнаете его. Вотъ передъ вами медвѣдь «увѣсистый булыжникъ въ лапы стребъ, присѣлъ на корточки, не переводитъ духу»; или левъ, «когти разминая и озираючи товарищей кругомъ, дѣлежь располагаетъ»; или ястребъ, спускающійся на бѣднаго голубя, «ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пышетъ»; или мужикъ, который «отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ»... И развѣ можно перечислить здѣсь всѣ художественныя описанія, всѣ художественныя картины въ басняхъ Крылова?

Языкъ и стихи въ нихъ, какъ видно и изъ нашихъ примѣровъ, находятся всегда въ полномъ подчиненіи мысли и фантазій, какъ самыя послушныя ихъ орудія. Высшаго совершенства языкъ достигаетъ тогда, когда присутствіе его совѣмъ незамѣтно, когда даже достоинства его не обращаютъ на себя вниманія, когда мысль, чувство и образъ воспринимаются непосредственно, въ ихъ чистомъ, духовномъ состояніи, когда самыя предметы виѣшней природы являются также непосредственно, со всеми ихъ качествами и состояніями въ минуту ихъ воспріятія поэтомъ. Языкъ въ басняхъ Крылова именно достигаетъ этого совершенства. Никто съ такою

художественностию не опредѣлили достоинства этого языка, какъ Гоголь. «Ни одинъ изъ поэтовъ, — говоритъ онъ, — не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выразаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ замѣчено вѣрно и такъ усвоено крѣпко, что даже опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собой, натурою, передъ глаза. Стиха его даже не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легкокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ ямбѣ, то быстромъ одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ онъ ощутительно самую невыразимую ея духовность.

Лавровскій.

Языкъ басенъ Крылова.

Крыловъ былъ почитаемъ современниками, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей; не менѣе читается онъ дѣтьми и внуками ихъ. И это не то холодное почтеніе, которое остается за уваженными писателями и тогда, когда ихъ произведеній не читаетъ уже никто, кромѣ развѣ тѣхъ любознательныхъ людей, которымъ они нужны, какъ памятники времени: уваженіе къ Крылову есть любовь къ нему, какъ къ человѣку, дѣйствующему на душу своею доброю душою, вызывающему насъ на лучшее, оставляющему въ насъ нравственное спокойствіе. За шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ стали читать и учить его басни; поколѣнія смѣнялись одни другими: для каждаго новаго Крыловъ становился тѣмъ же другомъ, и въ каждомъ прежнемъ, старѣвшемъ, съ лѣтами крѣпла любовь къ нему, какъ къ другу. Уваженіе къ Крылову никогда не уменьшало уваженія къ другимъ писателямъ; но и само не только не уменьшалось отъ этого, а возрастало. Произведенія другихъ писателей нерѣдко перечитывали и выучивали по наказу; къ баснямъ Крылова никогда никого не надобно было приневолить: онъ былъ и остается каждому нуженъ.

Такое значеніе Крылова зависитъ, кромѣ многаго другого, и отъ языка его. Его басни останутся прекрасными и въ хорошемъ переводѣ на другой языкъ, ни въ какомъ переводѣ не будутъ такими, какъ въ русскомъ подлинникѣ — въ томъ видѣ, въ какомъ далъ онъ ихъ намъ.

Какъ своей собственной, свободною и самобытною силою Крыловъ владѣлъ роднымъ языкомъ; тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ имъ на другихъ, чѣмъ болѣе вдумывался, чѣмъ болѣе готовъ былъ выразить свою думу и чувство искренно. Отсюда сочувствіе къ нему, ничѣмъ не умаляемое, сочувствіе всѣхъ возрастовъ, нерѣдко сильнѣйшее по мѣрѣ развитія въ человѣкѣ чутья языка, имъ самимъ въ немъ сѣмаго.

Можно отдѣлить, чѣмъ именно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова*, какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и прекрасенъ, и разнообразенъ, и богатъ его подборъ словъ, — такъ богатъ, что изъ однѣхъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь русскаго языка, не полный болѣе всего въ предметномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ*, особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ разныхъ видоизмѣненій словъ; въ этомъ отношеніи языкъ Крылова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно отдѣлить въ немъ огромное число *выраженій*, тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного слова: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужезычіемъ и чужеобычаемъ; многія возникли изъ души Крылова и дороги своею выразительностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *поговорокъ* и *поговорокъ*, и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Крылова. За всѣмъ этимъ легко отдѣляемымъ остается то, что не выдѣляется никакимъ химическимъ разложеніемъ: связность частей въ одно цѣлое, жизненная сила живого, безъ чего не былъ бы Крыловъ Крыловымъ, безъ чего не замѣнять его басенъ никакіе сборники словъ, оборотовъ и выраженій, поговорокъ и поговорокъ, вошедшихъ въ его басни, какія обольстительныя формы ни придать имъ. Тѣмъ-то и великъ Крыловъ въ выразительности языка, что для него богатства русской рѣчи не были чужимъ добромъ, такъ или иначе подобраннымъ, а достояніемъ его души.

Сравнивая Крылова съ другими писателями его времени надобно признать, что и онъ иногда подчинялся всѣмъ принятымъ образцамъ не только въ выборѣ предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи произведеній, но и въ языкѣ и въ слогѣ, въ пониманіи приличій относительно выбора словъ и выраженій и относительно такъ называемой поэтической вольности; но это невольничанье, заразившее многихъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, было для него не жизненнымъ недугомъ, а временною болѣзнію. Въ большей части басенъ его вмѣстѣ съ силою соблюдена и чистота языка до мелочей: нѣтъ ни славянскаго выговора словъ, ни неправильныхъ

удареній для стиха или для рифмы, ни одночленныхъ прилагательныхъ вмѣсто двучленныхъ, ни неестественнаго расположенія словъ. Менѣе всѣхъ своихъ современниковъ онъ пользовался обычаемъ нарушать чистоту языка, когда оставался самъ собою, когда давалъ себѣ право говорить отъ души, какъ чувствовалъ.

Чутье языка остается для большинства безотчетнымъ. Не отдавая никому отчета въ мелочахъ, оно, повидимому, и не отличаетъ того, что придаетъ выраженіямъ силу, отъ того, что ее ослабляетъ; но при всей своей безотчетности оно не столько снисходительно, какъ можетъ казаться. Не отвергая ничего по мелочамъ, оно караетъ писателей холодностью тѣмъ болѣе, чѣмъ само живѣе и чѣмъ болѣе бываетъ оскорбляемо нарушеніями чистоты и недостаткомъ живой силы языка. Оно покарало холодностью многихъ писателей, достойныхъ лучшей участи, — писателей, для которыхъ русскій языкъ былъ болѣе механическимъ орудіемъ, чѣмъ живую силу, не отдѣлимую отъ мысли и чувства. Не то было съ Крыловымъ. По дарованіямъ онъ былъ не сильнѣе нѣкоторыхъ изъ писателей забытыхъ, и не только не забытъ, но остается такимъ же живымъ возбудителемъ мысли и чувства, какимъ былъ въ свое время; границы его власти, кажется, даже раздвинулись, и не сдвинутся надолго. Такъ пѣсни пѣвца народнаго, вѣрно сбереженные памятью народа, остаются неизмѣнно свѣжими цвѣтами поэзіи, какъ бы ни были онѣ стары по времени ихъ сложенія. Рядомъ съ этими живыми цвѣтами поэзіи ставятся нерѣдко поддѣльные цвѣты подражаній, и нравятся, нравятся даже болѣе, гораздо болѣе, — на время, пока не устарѣли прихоти, силою которыхъ была за ними признаваема поэтичность, — и потомъ дѣлаются они и смѣшны и жалки своею поддѣльностью.

Нельзя отвергать, что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполне съ его мыслию, и потому перемѣнялъ ихъ, поправлялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ и въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подъ тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, — силою могучею, хотя и незамѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностью и плавностью языка всегда, когда хотѣлъ, и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допускаемы навыкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній.

Крыловъ оставался дѣятелемъ въ литературѣ русской въ продолженіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ: писалъ въ годы славы Державина и Хераскова, продолжалъ при Карамзинѣ, при Жуковскомъ,

при ученикѣ своемъ Грибоѣдовѣ, кончилъ вмѣстѣ со своими учениками, Пушкинымъ и Марлинскимъ, при Сенковскомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ современникахъ. Кто не знаетъ, что пережила въ продолженіе этихъ многихъ лѣтъ русская литература, а съ нею и русскій литературный языкъ; кто не скажетъ, говоря по совѣсти, что произведенія многихъ, многихъ писателей, когда-то и даже очень недавно знаменитыхъ, любимыхъ, трудно и непріятно читать — болѣе всего потому, что ихъ языкъ не нашъ языкъ?

Мнѣ кажется, что въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ, Державинъ царилъ въ нашей литературѣ, почти затмевая всѣхъ другихъ писателей или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ ихъ увлекая за собою. И Державинъ, сколько ни давалъ онъ себѣ свободы выражаться, какъ пришлось, хотъ бы и противъ основныхъ законовъ языка, нерѣдко выражался чисто по-русски, о чемъ бы ни заговорилъ. И Муравьеву, Богдановичу, Майкову, Петрову, даже Хераскову, Кострову, Княжину удавалось то же. Съ другой стороны и Карамзину, Дмитріеву, Нелединскому и другимъ, еще болѣе позднимъ, часто не удавалось выражаться такъ хорошо по-русски, какъ удавалось Державину и другимъ писателямъ прежняго времени. Удавалось уже вполнѣ тѣмъ комикамъ и сатирикамъ, которые писали не отъ своего лица, а выводили разныя лица простого быта и смѣшили или забавляли ихъ рѣчью своихъ читателей или слушателей; но удачи этихъ писателей, кажется, надобно брать въ расчетъ не при разборѣ состоянія литературнаго языка, а при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ понятій; они могли умѣть и точно умѣли вѣрно изображать лица разныхъ слоевъ народа особенностями ихъ рѣчи, и въ то же время могли не умѣть и точно не умѣли говорить хорошо отъ себя. И имъ, какъ всѣмъ другимъ, удавалось это случайно. Всѣ удачи и неудачи зависѣли отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, — и это бы продолжалось безвыходно, если бы не проникла въ нашу литературу новая струя.

Чувство народности стало все болѣе оживляться въ людяхъ образованнаго общества въ то время, когда эго же общество заражалось все болѣе безграничнымъ пристрастіемъ къ чужому западно-европейскому. Чувство народности сливалось съ любовью къ отечеству, съ силою, которая связывала въ союзъ взаимнаго уваженія людей русскихъ родомъ или домомъ и долгомъ совѣсти, но не нравомъ и обычаемъ, съ людьми русскими, которые не умѣли или не хотѣли быть иными, чѣмъ отъ роду были. Съ чувствомъ народности росли всегда и вездѣ сочувствіе къ народной пѣснѣ, сказкѣ и пословицѣ, сочувствіе къ выразительности простой народной рѣчи и живое чутье родного языка. Литература не могла остаться въ сторонѣ отъ этого движенія общества. Не легко было, однако, дать ему въ ней общее значеніе: закоренѣлыя привычки писателей прежнихъ поколѣній, легко переходившія и къ новымъ, молодымъ поколѣніямъ, искавшимъ себѣ образцовъ въ произведеніяхъ прошлаго времени, необходимость

читать и перечитывать произведенія литературъ иноземныхъ, — необходимость, которую оправдывали не однѣ привычки, но и чувство правды, влеченіе къ прекрасному, сравнительная бѣдность нашей литературы, необходимость переводами и передѣлками ихъ дополнять наше литературное достояніе, — дополнять сколько можно болѣе вѣрно и дословно, удобство выражаться, не вдумываясь въ слова и выраженія, удобство права калѣчить языкъ на основаніи условій такъ называемой поэтической вольности, — права, придуманнаго въ вѣкъ всяческаго безправья, — все вмѣстѣ удерживало нашу литературу на старой дорогѣ. Робко, чуть замѣтною тропинкой, могли пробираться подлѣ этой большой дороги попытки говорить отъ сердца чисто русскою рѣчью, не смѣша читателей, а вызывая въ нихъ тѣ же думы и чувства, какія, какъ всѣмъ казалось, полновластно были вызываемы искусственнымъ языкомъ большой дороги. Эти попытки, какъ ни были онѣ скромны, были замѣчаемы все болѣе и дѣйствовали на писателей, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и живой языкъ тѣхъ образованныхъ людей, которые говорили по-русски не по книгамъ. Въ искусственномъ литературномъ языкѣ допущена въ пользу народности одна переменна, одна уступка, безъ сомнѣнія, очень важная, но все же только уступка; допущено, а потомъ признано и необходимымъ — подлаживать подъ строй народной логики расположеніе словъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ данъ входъ оборотамъ иноземнымъ, французскимъ. Выгнано было, кромѣ того, изъ языка нѣсколько словъ славянскихъ, на зато принято много словъ, занятыхъ въ подлинникѣ или въ переводѣ изъ того же французскаго языка. Не этого можно было желать тѣмъ, для которыхъ дорога была сила прямо русской рѣчи. Трудно было овладѣть этой силой въ такомъ положеніи дѣлъ; нужны были — твердая рѣшимость и стойкость, дарованія, счастливое умѣнье, знанія. Пытались многіе, иные довольно счастливо, но не долго; несоскучившихся борьбою съ трудностями не остался почти никто.

Крыловъ остался. Съ 1806 года началъ онъ печатать свои басни. Съ пересказами басенъ Лафонтена почти сразу сталъ онъ давать и свои собственныя, — и какія: «Ларчикъ», «Музыканты», «Оракуль», «Обезьяны» и т. д. Въ 1811 году было у него уже болѣе сорока басенъ и въ томъ числѣ наполовину его собственныхъ. Въ 1816 году — 115, и въ томъ числѣ собственныхъ болѣе 90. Изъ всѣхъ басенъ, написанныхъ Крыловымъ, а ихъ безъ одной 200, занятыхъ отъ другихъ баснописцевъ менѣе 40. И въ занятыхъ, впрочемъ, онъ столько же самобытенъ, какъ въ собственныхъ, — самобытенъ въ разсказѣ, въ подробностяхъ, въ выразительности рѣчи. Это отмѣчено уже было Жуковскимъ при разборѣ перваго изданія 1809 года, хотя Жуковскій тогда еще и не понималъ значенія народной выразительности разсказа и языка. Нельзя сказать, что языкъ басенъ Крылова совершенно безъ ошибокъ противъ чистоты и правильности; но эти ошибки исчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разно-

образныхъ красоть чистаго русскаго языка и въ силѣ задушевности, которою онъ проникнуть не менѣе, чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Приводить ли доказательства? Но кто же не знаетъ наизусть басень Крылова? Однѣ изъ нихъ, правда, менѣе извѣстны, чѣмъ другія; но кто можетъ поручиться, что какая-нибудь менѣе всѣхъ другихъ извѣстная не памятна большинству? Позволю себѣ привести всѣмъ памятную, примѣняемую не только къ простой житейской правдѣ и совѣсти, но и къ правдѣ и совѣсти въ языкѣ:

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку.
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свой все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мягкіе, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! Не только не теревить,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпнѣтъ,
Такъ плавень, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однакоже, что гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копною;
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
«Гдѣ гребень мой?»
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой гребнишка!»
Кричитъ мальчишка.
А гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я,
Да голова всклокочена твоя».
Однакожь, мальчикъ мой отъ злости и досады —
Закинулъ гребень свой въ рѣку...
Теперь имъ чешутся наяды.

Крылову болѣе, чѣмъ какому другому писателю, обязана русская литература тѣмъ, что въ языкѣ ея признана необходимость народности, — признана не на какихъ-нибудь условіяхъ сочетанія русскаго съ нерусскимъ, а безусловно, — настолько же, насколько должна быть признаваема въ словесности народной. *Срезневскій.*

Особенности языка Крылова въ стилистическомъ отношеніи.

Въ языкѣ произведеній Крылова необходимо отмѣтить слѣдующія главнѣйшія особенности, придающія, между прочимъ, слогу его произведеній характеръ народности, образности, живости, картинности и художественности.

1) Крыловъ въ своихъ произведеніяхъ (главнымъ образомъ, разумѣется, въ басняхъ) вообще весьма часто пользуется народными

поговорками и пословицами. Таковы, на примѣръ, слѣдующія пословицы и поговорки¹⁾: По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй («Музыканты»); ласточка одна не дѣлаеть весны («Мотъ и Ласточка»); не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться («Левъ и Мышь»); хоть видитъ око, да зубъ нейметъ («Лисица и виноградъ»); изъ огня да въ полямя попали («Госпожа и двѣ служанки»); отъ воронъ она отстала, а къ павамъ не пристала («Ворона»); что ты посяль, то и жни («Волкъ и Котъ»); надѣлала синица славы, а море не зажгла («Синица»); кто въ лѣсъ, кто по дрова («Музыканты») и др.

2) Многія выраженія, употребленныя въ произведеніяхъ Крылова и напоминающія по складу общеупотребительную разговорную рѣчь, а также народныя пословицы и поговорки, стали употребляться въ обыденной рѣчи въ видѣ общественныхъ пословицъ и поговорокъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о полномъ соотвѣтствіи означенныхъ выраженій основнымъ свойствамъ языка вообще. Таковы, на примѣръ, слѣдующія характерно мѣткія выраженія Крылова: «У сильнаго всегда безсильный виноватъ («Волкъ и Ягненокъ»); не только правы, чуть не святы («Моръ звѣрей»); впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ («Чижъ и Голубъ»); не презирай совѣта ничьего, но прежде разсмотри его («Орель и Кротъ»); не дай Богъ съ дуракомъ связаться! Услужливый дуракъ опаснѣе врага («Пустынникъ и Медвѣдь»); да у моря погоды ждуть («Медвѣдь у пчель»); Васька слушаетъ да ѣстъ («Котъ и поваръ»); чтобъ тамъ рѣчей не тратить попусту, гдѣ нужно власть употребить (*ibid.*); ларчикъ просто открывался («Ларчикъ»); слона-то я и не примѣтилъ («Любопытный»); бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ («Щука и Котъ»); худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки («Кошка и Соловей»)» и др.

3) Сравнительное обиліе *идиотизмовъ*, т.-е. оборотовъ рѣчи, собственныхъ русскому языку, также составляетъ въ стилистическомъ отношеніи одну изъ главныхъ особенностей языка произведеній Крылова, умѣвшаго при этомъ особенно искусно пользоваться для выраженія той или другой мысли такими вообще характерными словами и оборотами рѣчи, которые свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о высокохудожественномъ и вполне вѣрномъ пониманіи Крыловымъ законовъ отечественнаго языка и его особеннаго склада и, съ другой — о томъ, что въ душѣ баснописца всегда «жилъ ясный образъ русскаго народа»: «Съ плечъ бѣда долой («Крестьянинъ и работникъ»); спасибо на пріятствѣ («Откупщикъ и сапожникъ»); пошелъ топоръ въ худыхъ («Крестьянинъ и работникъ»); ларецъ въ глаза кидался («Ларчикъ»); извозомъ промышляли («Три мужика»); это зло еще не такъ большой руки («Мартышка и очки»); путь на родину держали («Три мужика»); смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (*ibid.*);

¹⁾ Разумѣется, народныя пословицы и поговорки измѣнены въ нѣкоторой степени Крыловымъ при употребленіи ихъ въ басняхъ.

и по сію не вспомнюсь пору («Лжець»); чудесь палата (ibid.); хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ («Обезьяна»); подъ гнѣвъ подпала («Лисица и Сурокъ»); я на тебя сошлюся (ibid.); сыплють къ курицѣ дождемъ по зву цыплята («Кукушка и Горлинка»); катился градомъ потъ («Демьянова уха»); разбойникъ мужика какъ лишку ободралъ («Крестьянинъ и разбойникъ»); такъ изъ избы не вынесено сору; безъ Мишеньки тошнится («Пустынный и Медвѣдь»); покупчиковъ отбою нѣтъ («Паукъ и Пчела»); у меня его руками оторвутъ («Червонецъ»)» и проч.

4) Необыкновенная *сжатость* и *бойкость* слога, въ связи съ чрезвычайно вѣрнымъ и искуснымъ изображеніемъ разнаго рода картинъ дѣйствительной жизни, въ связи съ мастерскимъ описаніемъ предметовъ и явленій природы, и притомъ немногими, но въ высшей степени мѣткими чертами въ краткихъ и сильныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ живой русской простонародной рѣчи: «По камнямъ, рывинамъ, пошли толчки, скачки — лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву! Прощай, хозяйскіе горшки («Обозъ»); судья лиса; оно (дѣло) въ минуту закипѣло. Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу, чтобъ рассказать по пунктамъ и безъ крика: какъ было дѣло, въ чемъ улика? («Крестьянинъ и овца»); вотъ невидаль: мышей! мы лавливали и ершей («Щука и Котъ») и, сообразно вышеотмѣченному характеру рѣчи, частое употребленіе *эллиписа*, весьма вообще свойственнаго животному разговорному языку: «За то ужъ у него, что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа («Лягушки, просящія царя»); сегодня удалось, а завтра — кто порука? («Плотичка»); ты пѣняла — я смѣялся, ты грозила — я шутилъ («Мое оправданіе»); ступилъ — и небо преклонилось; сошелъ — и крѣпкою пятой сгустилъ. Онъ мраки подъ Собой («Подраженіе псалму 17»); нѣтъ ее — и здѣсь туманомъ разстилается тоска («Вечеръ»); не тронуть — его едва примѣтитъ взоръ» («Алкидъ»)» и др.

5) Разнаго рода *метафорическія выраженія*, созданныя весьма часто въ чисто народномъ духѣ и отличающіяся особенною силою и изобразительностію: «И *плотно такъ* онъ *треснулъ* на царство, что *ходенемъ пошло* трясино государство («Лягушки, просящія царя»); сбредились, и въ тишинѣ, царя вокругъ *обсѣвъ*, *установили* глаза и *приложили* уши («Моръ звѣрей»); на кораблѣ у пушекъ съ парусами *возстал* страшная *вражда* («Пушки и Паруса»); *заря* торжественной *десницей* *снимаетъ* съ неба темный *кровъ* («Утро»).

6) Весьма искусное пользованіе разнаго рода *тропами*, содѣйствующими вообще живости и образности представленія. Таковы, на примѣръ, слѣдующія:

А. Метонимія:

«Анюту *въ золотъ водить*, Анюту *съ золота кормить*, ее *на золотъ поить* («Посланіе къ другу моему»); я три тарелки съѣлъ («Демьянова уха»).

Б. *Синекдоха*:

«Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ («Крестьянинъ въ бѣдѣ»); часа не тратя («Ворона и Курица»)».

В. *Метафора*:

«Въ шлять дѣло («Огородникъ и философъ»); казною не шутилъ («Водолазы»); словомъ не кудрявымъ (ibid.); какой-то всадникъ такъ коня себѣ нашколилъ («Конь и всадникъ»); вскинула кровь его и разгорѣлся взоръ (ibid.)».

Г. *Гипербола*:

«Мольбами заглушенъ и ѳиміамомъ задушенъ («Оракулъ»); у меня его съ руками оторвутъ («Червонецъ»)».

Д. *Иронія*:

«Ты все пѣла! Это дѣло; такъ поди же попляши («Стрекоза и Муравей»); помилуй, говоритъ, «за что?» — За что... болванъ!» («Крестьянинъ и работникъ»¹⁾) и т. п.

7) Сравненія²⁾, уподобленія и олицетворенія, основанныя на метафорическомъ сближеніи понятій и содѣйствующія болѣе живому, наглядному изображенію предметовъ и событій, съ ихъ отличительными чертами и характерными особенностями:

а) *Борей послушался, летитъ, дождь и вскорѣ*

Насунилось и почернѣло море;

Покрылись тучею тяжелой небеса;

Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;

Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпить блескъ молній взоры;

Борей реветъ и реветъ въ локутья паруса.

(«Пушки и паруса».)

б) *Какъ трость ломка во время зною,*

Какъ ломокъ ледъ въ рѣкахъ весною,

Такъ ломки ноги подо мной.

(«Подраж. псалму 37».)

в) *Такъ малиновка тосклива*

Слыша хлады зимнихъ дней,

Такъ грустна, летя съ полей,

Гдѣ была дружкой счастлива;

Такъ печалень соловей

Зря, что хладъ долины косить и т. д.

(«Утѣшеніе».)

¹⁾ Собственно такъ называемый *мимезисъ*, т. е. ироническое повтореніе словъ и тѣлодвиженій другого лица.

²⁾ Нужно замѣтить, что въ произведеніяхъ Крылова, подобно тому, какъ это замѣчается и въ народной поэзіи, встрѣчаются отрицательныя сравненія. Такъ въ «Посланіи къ другу моему» читаемъ:

Не столько воды рѣкъ суровы,

Когда ко ужасу луговъ,

Весной алмазы рвутъ оковы

И щуть новыхъ береговъ,

Не столько и они ужасны;

Какъ страсти люты и опасны.

- г) Вотъ какъ любовь играетъ нами —
Какъ честью скромный лицемеръ,
Какъ службой модный офицеръ,
Какъ жены хитрыя мужьями!
(«Посланіе къ другу моему».)
- д) *Какъ мракъ бѣжить* передъ зарей,
Какъ лань, гонима смертью злою,
Передъ свистящею стрѣлою—
Такъ ты бѣжишь передо мной!
(«Къ счастью».)
- е) *Какъ солнце,* видь его прекрасенъ,
Какъ майскій день, и тихъ и ясенъ:
Таковъ его прелестный взоръ.
(«Выборъ изъ пѣсней Соломона».)
- ж) *Какъ туча* мрачная, онъ воздухъ всколебалъ.
(«Филомела», I, II.)
- з) *Подобно* какъ луна блѣднѣеть,
Увидя свѣтла дней царя,
Такъ Марсъ мятется и *темнѣетъ*
Въ Минервѣ бога мира зря.
(«Ода» 1790 г.)
- и) Какъ *жарь*, его поставить хочеть.
(«Червонецъ».)
- і) А я, *какъ сирота*, однимъ одна сижу.
(«Кукушка и Горлинка».)
- к) Какъ изъ улья пчелиный рой.
(«Ворона и Курица».)

8) Особенная сила, выразительность и, такъ сказать, многозначительность изображенія, въ связи съ національнымъ элементомъ, простотою, наглядностію или, вѣрнѣе, пластическою видимостію и точностію опредѣлений, благодаря каковымъ качествамъ слогу произведеній Крылова вполне присуща та оригинально-самобытная особенность, которую Плетневъ чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ словомъ «увѣсистой», и которая существенно отличаетъ способъ выраженія Крылова отъ выраженія современныхъ ему писателей:

- а) И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что»? — За что... болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!
(«Крестянинъ и работникъ».)
- б) Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ *въ лапы* сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводить духу,
Самъ думаетъ: «молчи жъ, ужъ я тебя воструху»!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.
(«Пустынникъ и Медвѣдь».)

в) Эхъ братецъ, отвѣчалъ Эакъ:
Не знаешь дѣла ты никакъ,
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
(«Вельможа».)

г) Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.

9) Вліяніе стараго реторическаго тона и ложно-классическихъ образцовъ русской словесности замѣчается въ произведеніяхъ Крылова, въ его стремленіи выразиться въ извѣстныхъ случаяхъ нѣсколько торжественнымъ, затѣйливымъ слогомъ¹⁾ и, во-вторыхъ, въ разнаго рода реторическихъ украшеніяхъ, допускаемыхъ Крыловымъ, впрочемъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ:

а) *Фигура единоначатія:*

а) Но тебѣ ль, мой другъ, опасна
Трата всѣхъ пустыхъ прикрасъ?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты плѣняла насъ?
Ими ль пламенные взоры
Сладкій лили въ сердце ядъ?
(«Утѣшеніе».)

б) Кто, кто съ мечомъ? Со мною рядомъ
Кто мнѣ поборникъ на убійцъ?
Кто на гонителей вдовицъ?
(«Подражаніе псалму 93».)

в) Но страсти имъ движеніе даютъ:
Держась за нихъ, въ храмъ славы всѣ идутъ,
Держась за нихъ, людей нерѣдко мучатъ;
Держась за нихъ, добру ихъ много учатъ.
(«Посланіе о пользѣ страстей».)

б) *Фигура вопрошенія и восклицанія:*

а) Безъ свѣта ли — Творецъ свѣтилъ?
Безсиленъ ли — Создатель силъ?
Безуменъ ли — Кто умъ въ насъ влилъ?
И мертвъ ли — давшій душу живу? (ibid.)

¹⁾ Такъ, напримѣръ, начало басни: «Морь звѣрей» отличается до извѣстной степени искусственно торжественнымъ тономъ, едва ли вообще соответствующимъ легкой, игривой и остроумной баснѣ. Здѣсь же встрѣчаются такія фразы: «лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — морь...»; въ адѣ распахнулись настежь двери; вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы». Въ баснѣ: «Чижъ и Ежъ» обращаетъ на себя вниманіе фраза: «Феба пѣтъ не смѣю», а также употребленіе такихъ словъ, какъ Парнасъ, Плутонъ, Зевсъ и т. д., встрѣчающихся сравнительно довольно часто въ разныхъ произведеніяхъ Крылова. Нельзя не обратить также вниманія на сравненіе французовъ съ «новыми Вандалами» («Ворона и Курица»); нельзя не отмѣтить того, что «листы на деревѣ съ зефирами шептали» («Листья и корни»), и т. п. Все это, однако, лишь весьма слабая дань тѣмъ старымъ взглядамъ и понятіямъ реторической школы, отъ которыхъ едва ли и возможно было полное и совершенное освобожденіе во времена Крылова.

β) Надежда есть, но ахъ! когда она напрасна!...
О небо, для меня и мысль сія ужасна!
(«Филомела».)

γ) О чудо, о позоръ!
(«Оракуль».)

σ) Я слышалъ — правда ль. (ibid.)

в) *Фигура отличенія*, т.-е. употребленіе одного и того же слова въ различныхъ значеніяхъ:

α) И нищій нищенскимъ попрежнему остался.
(«Фортуна и Нищій».)

β) Изъ гостей пришла домой «свинья — свиней».
(«Свинья».)

γ) *Фигура сообщенія*, выражающая довѣріе къ слушателямъ при ссылкѣ на ихъ совѣсть; она свидѣтельствуетъ о добродушіи, совершенной увѣренности въ истинѣ, и потому плѣняетъ сердце и увлекаетъ слушателя:

Ну, видываль ли ты, я на тебя сошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху.
Подумай, вспомни хорошенько!
(«Лисица и Сурокъ».)

д) *Фигура удержанія*, нечаянно прерывающая рѣчь, безъ окончанія мысли или выраженія ея:

Погляжу ль — но солнце скрылось,
И свернулись все цвѣтки.
(«Вечеръ».)

е) *Фигура умолчанія* въ соединеніи съ *фигурою восклицанія и вопрошенія*:

Я зрю въ гонителѣ... кого я, небо, зрю?
Что въ заблужденіи, несчастный, говорю?
Терей гонитель... нѣтъ — сей мысли ужасаюсь!
Но мыслить это я невольно принуждаюсь...
Любовь моя... но что за трубный слышенъ гласъ.
(«Филомела», I, II.)

ж) *Фигура отвѣтствованія* въ соединеніи съ *фигурою единоначанія и вопрошенія*:

Не расторгается ль природа?
Не воскресаетъ ли хаосъ?
Не рушится ль всееленна вскорѣ?
Не въ адѣ ль я?... Нѣтъ, въ финскомъ морѣ,
Гдѣ поражаетъ Готѳа Россъ.
(«Ода» 1790.)

10) Художественность произведеній Крылова объясняется, независимо отъ вполне удачнаго вообще подбора словъ и оборотовъ рѣчи, между прочимъ, и тѣми эпитетами, которые встрѣчаются вполне обычно въ его сочиненіяхъ и содѣйствуютъ вообще болѣе живому представленію предметовъ съ ихъ отличительными признаками. Та-

ковы напрімѣрь, слѣдующіе эпитеты: *сладкій сонъ, унылая жалость, градъ холодный, прохладная роса, свирѣтыя волны, бурный вѣтръ, грудь бѣлая, пламенный взоръ, злая тоска, лазурные своды неба, свирѣтый гнѣвъ, дубровы темныя, мрачный порокъ, заря алая, солнце красное, трясино государство, увѣсистый булыжникъ, злодѣйка-защадня, наѣздникъ лихой, жестокая страсть, обманчивая волна, конь ретивый, широко поле, бурный вихрь* и др.

11) *Изобразительность* слога произведеній Крылова (и въ особенности его басенъ) достигается, между прочимъ, *звукоподражаніями* и вообще словами и выраженіями, являющими собою, такъ сказать, особенную живопись въ звукахъ: «кукушка куковала, горлинка ворковала, соловей защелкалъ, засвисталъ, переливался, мелкой дробью разсыпался, и думаетъ онъ свою думу безъ шуму» и т. п.

12) Одной изъ особенностей внѣшней формы произведеній Крылова, обнаруживающейся, преимущественно въ его басняхъ, служить, между прочимъ, *вольность стиха*: почти все басни Крыловъ писалъ ямбическими стихами, и при этомъ съ удивительнымъ искусствомъ пользовался свободою басеннаго стиха; у него количество стопъ въ стихѣ вообще находится въ самой тѣсной связи съ содержаніемъ басни. Когда, напрімѣрь, Крыловъ изображаетъ медленность или продолжительность дѣйствій, тяжесть или неповоротливость предмета и т. п., тогда и стихъ въ его баснѣ тянется долго, состоитъ изъ пяти, шести стопъ¹⁾; когда же онъ изображаетъ быстроту дѣйствія, его постоянную измѣняемость, легкость и живость предмета, отрывистость голоса говорящаго, когда онъ хочетъ на какую-нибудь мысль обратить особенное вниманіе читателя и т. п., тогда и самый стихъ въ его баснѣ сокращается въ три, двѣ и даже одну стопу и, по мѣрѣ надобности, отличается то быстротою и силою, то выразительностію риемы²⁾.

¹⁾ Напрімѣрь, описаніе паденія чурбана въ баснѣ: «Лягушки, просящія царя»; описаніе медвѣдя, приготовляющагося убить муху, въ баснѣ: «Пустынникъ и Медвѣдь», описаніе медлительнаго дѣйствія рыдвана въ знойный полдень въ баснѣ: «Муха и дорожные» и т. п.

²⁾ Такъ напрімѣрь, вся басня о попрыгунѣ-стрековѣ написана быстро текущими, какъ бы прыгающими хореическими стихами. Можно еще указать, въ видахъ поясненія вышесказаннаго, слѣдующія мѣста въ басняхъ Крылова

а) въ баснѣ: «Щука и Коть»:

«И дѣльно! это, щука,

Впередъ умѣе быть

Тебѣ наука,

И за мышами не ходить».

б) въ баснѣ: «Мѣшокъ»:

«О всемъ и рядить онъ и судить:

И тотъ дуракъ,

И то не такъ,

И изъ того-то худо будетъ».

в) въ баснѣ: «Огородникъ и философъ»:

«Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло,

А философъ —

Безъ огурцовъ» и мн. др.

Таковы главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Крылова, басни котораго, какъ «живой и вѣрный отголосокъ русскаго ума съ его смѣтливостію, наблюдательностію, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостію и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ», и какъ одно изъ величайшихъ достояній духовнаго богатства русскаго народа, служатъ свидѣтельствомъ, съ одной стороны, нашего умственного роста и нравственного самопознанія вообще и, съ другой стороны, являютъ собою доказательство значительнаго развитія въ произведеніяхъ геніальнаго баснописца отечественнаго языка на началахъ гармоническаго единенія разнаго рода стихій, входящихъ въ составъ русскаго литературнаго языка, и подь условіемъ пониманія души народа, выраженіемъ которой въ словѣ и служитъ языкъ, какъ «исповѣдь народа», по многознаменательному замѣчанію поэта.

Истоминъ.

Морфологическія и синтаксическія особенности языка Крылова.

«Нельзя отвергать, говоритъ И. И. Срезневскій (т. 6 сборника, 1868 г.), что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполнѣ съ его мыслию, и потому перемѣнялъ ихъ, поправлялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подь тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, силою могучею, хотя и не замѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностію и плавностію языка всегда, когда хотѣлъ и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій, и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допускаемы навыкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи его литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній». Въ самомъ дѣлѣ, языкъ басенъ Крылова между писателями своего времени представляетъ плавность, выразительность, правильность и необыкновенное богатство образцовъ живой народной русской рѣчи. Та сжатость и бойкость его рѣчи, которыми такъ богаты басни, совершенно напоминаютъ собой свойства слога, составляющія особенность народныхъ пословицъ и поговорокъ, гдѣ наиболѣе народный языкъ обнаруживаетъ особенную силу и свою отличительную природу отъ общелитературной, отъ такъ называемаго языка образованныхъ классовъ. Для изображенія какаго-нибудь явленія въ жизни или въ природѣ, Крыловъ, совершенно въ духѣ народнаго склада рѣчи, не тратитъ много словъ: онъ мѣтко

и кратко обрисуетъ предметъ такъ, что вы чувствуете всю нужную полноту картины и даже такую поэтическую образность, которой трудно было ожидать, но которая потому и явилась у него, что этотъ образъ, эта картина вылилась изъ души, насыщенной, такъ сказать, духомъ, свойствами и характеромъ живой, неподдѣльной, какъ бы разговоромъ воодушевляемой силы народной рѣчи:

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,

Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,

Почуя сѣраго такъ близко забіяку,

Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку.

Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»

И вмигъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ.

«Огня!» кричатъ: «огня!» «Пришли съ огнемъ».

Предъ вами полная, животрепещущая картина, которую вы видите живьемъ совершающеюся предъ вашими глазами. Суматоха, которая поднялась вслѣдствіе появленія волка на псарнѣ, до такой степени вѣрна дѣйствительности, что какъ-будто вы и сами участвуете въ ней и слышите, какъ заливаются псы, порываясь на драку съ своимъ врагомъ: нужно ли доканчивать подобную фразу, какъ псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ», когда для всякаго ясно и опредѣленно, что воръ залѣзъ на дворъ и въ псарню попалъ, — или «и вмигъ ворота на запоръ», значить мгновенно ворота затворены были, что вамъ совершенно понятно. Если бы и на самомъ дѣлѣ произошелъ такой случай, то едва ли возможно было бы картиннѣй, живѣй, образнѣй и сродственнѣй съ дѣйствительностью описать его. Или: «И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидалъ: мышей! мы лавливали и ершей!» «По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки, скачки, лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ въ канаву! Прощай, хозяйскіе горшки!» «Прощай!» Сапожникъ мой, схвата мѣшокъ, скорѣй домой — не бѣгомъ — летомъ». «Примчалъ гостинецъ подъ полой, и той же ночью въ подземельѣ зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!» Всѣ эти и множество другихъ картинъ изображены такими оборотами и конструкціей рѣчи, которые свойственны только живому говору, живой народной рѣчи, гдѣ она не стѣсняется опредѣленными законами языка и гдѣ не нуждается въ той полнотѣ частей предложенія, которая составляетъ неизбѣжную необходимость письменной общелитературной рѣчи, чтобы привести ее въ надлежащую ясность, и гдѣ она могла бы испортить живость, бойкость, сжатость, картинность и поэтическую образность, составляющія важное преимущество живой рѣчи.

Вслѣдствіе указанныхъ свойствъ, языкъ басень Крылова есть довольно значительный складъ простонародныхъ словъ, пословицъ, поговорокъ и такъ называемыхъ идиотизмовъ, свойственныхъ только

русскому языку. Простонародныя слова, вошедшія въ языкъ басень и органически слившіяся съ общелитературнымъ языкомъ, не только не представляютъ никакой дисгармоніи, но, напротивъ, украшаютъ рѣчь, дѣлаютъ ее сильною, болѣе живою, бойкою: «твой хоръ горланить вздоръ»; и онъ же батрака ругаетъ: молчи-жь, ужъ я тебя воструху; лиса, курятинки накушавшіеся досыта и добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ; у самыхъ низкихъ слугъ онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался; опѣшилъ бѣдный мой Степанъ; псы залились въ хлѣвахъ; гуторя слуга вздоръ; «землячка старая», спросилъ тутъ Дроздь; богатымъ легъ, а съ голью всталъ такую; то верещаль козленкомъ, то не путемъ мяукалъ онъ котенкомъ; анъ тутъ тихонько шастъ къ брамину въ келью надзиратель; Матренѣ, дочери купечкой; звѣрекъ хоть неказистъ; съ натуги лопнула и околѣла; вездѣ натыкано насѣстокъ» и т. д.

Пословицы — это одно изъ высокыхъ достояній народнаго ума и соображеній народной филозофіи — вошли также въ языкъ басень Крылова и не легли на строѣ языка пластомъ, наслоеніемъ, напротивъ, сдѣлались, такъ сказать, плотью и кровью языка, и близкое знакомство съ этою народною литературою такъ овладѣло натурою языка басень, что многіе стихи построены по шаблону пословиць, а сами пословицы легли въ основу идеи басень, что дало возможность собирателямъ пословиць, поговорокъ, Далю, Снегиреву и другимъ внести въ свои сборники стихи изъ басень Крылова на ряду съ народными пословицами и поговорками: «ты сѣрь, а я пріятель сѣдъ; ласточка одна не дѣлаетъ весны; какъ ты посѣялъ, такъ и жни; кто въ лѣсъ, кто по дрова; на волка только слава, а ѣсть овецъ-то Савва; въ родню толстѣ, да не въ родню простѣ; не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться; по мнѣ хоть пей, да дѣло разумѣй (Снегиревъ); когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста (Снегиревъ); подсидѣлъ у друга муху (Даль); дай хоть по шкуркѣ съ брата снять, и всего-то придется по шкуркѣ съ брата (Даль); хоть око видитъ, да зубъ нейметъ (Снегиревъ); зелень виноградъ, коли не даютъ и кисель виноградъ, зѣлень (Даль); смерть не за горами, а за плечами; дума за горами, а смерть за плечами (Снегиревъ); какъ жизнь ни тошна, а умереть еще тошнѣй (Снегиревъ); ай Моська, знать она сильна, что лааетъ на слона (Даль и Кургановъ); всѣмъ взялъ — и ростомъ и дородствомъ (Даль); надѣлала синица славы, а моря не зажгла (Даль); что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ (Даль); а гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры (Снегиревъ); а вору дай хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ (Даль); хорошо сказывать сказку про римскій огурецъ (Даль); попался, какъ ворона въ супъ (Снегиревъ); надъ хвастунами хоть смѣются, а часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются (Снегиревъ); кто добръ истиннѣ, не распложая словъ, въ молчаньи тотъ добро творить, затѣмъ что истина сноснѣе вполоткрыто (П. Кургановъ); я лишнія хвалы считаю за отраву (Даль); что впередъ — Богъ вѣсть, а что мое — мое (Снегиревъ);

худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки; и сдѣлалась моя Матрена ни пава ни ворона; но глупымъ, что глухимъ разумныя слова» и многое множество другихъ ст. и пословицъ.

Велѣдствіе же того, что языкъ басень переполненъ органическими прослойками простонародныхъ словъ, пословицъ и поговорокъ или стиховъ, развитыхъ и разработанныхъ на основаніи пословицъ и представляетъ собою самобытный характеръ, свойственный только одному Крылову (почему правильнѣй было бы называть его языкомъ Крыловскимъ), онъ обладаетъ чрезвычайнымъ обиліемъ идиотизмовъ, свойственныхъ только русскому языку: «а ей считать большой досугъ; что это зло не такъ большой руки; и по сію не вспомнюсь пору; смотрите же кричить одинъ: не унывай! я затыну, а вы не отставай; досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!; поистинѣ чудесь палата, куда на выдумки природа таровата; когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо и пользу отъ того сыскать; хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ; на ту бѣду Лиса близехонько бѣжала; сперва передъ царемъ ничкомъ, а тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ; за то ужъ у него, что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа; и къ слову молвить здѣсь, куда онъ у тебя завидная скотина; ларецъ въ глаза кидался; послушать, кажется, одна у нихъ душа, а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки; вотъ тамъ-то прямо рай; и вспомнить, такъ душѣ отрада; не думай, что вездѣ по нашему хоромы; сосѣдка, то-то сторона; отнесъ полчерепа медвѣдью топоромъ; какой осель! Добро бы въ гору, или въ ночную пору, а то и подъ гору и днемъ; гляди - тко насъ, какъ мы махнемъ; ужъ братъ, такъ братъ, а то и когти (руки) что марать; у кумушки - Лисы хлопотъ на ту бѣду случился полонъ ротъ» и т. п.

Обозрѣвая затѣмъ морфологическія особенности, вытекающія изъ особеннаго характера его языка, мы видимъ, что Крыловъ такъ артистически, художественно, какъ истинный виртуозъ слова, пользуется морфологическими формами, составляющими принадлежность то живой народной рѣчи, то пословицъ и поговорокъ, то народныхъ пѣсенъ, то, наконецъ, народныхъ сказокъ. Уменьшительныя и ласкательныя существительныя, увеличительныя и презрительныя названія, какъ элементы языка народнаго, живого и разговорнаго, такъ обильно разлитыя въ басняхъ, представляютъ собою необыкновенную бойкость, жизненность, такую художественную красоту и образность, такую игривость и острую веселость, такую безыскусственность, какой не имѣть и не можетъ имѣть языкъ поэта, отличающійся пуризмомъ общелитературныхъ формъ и склада: «Голубушка, какъ хороша, ну, что за шейка, что за глазки, какія перышки, какой носокъ и, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ! Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели сестрица и т. д.; а ты что жъ, кумушка, въ дорогу?; смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?—Нѣтъ, кумушка, далеко!; а ей они на взглядъ—не женихи, а женишонки! умильны ямочки пропали на щекахъ; тамъ волоска два-три сѣдые

проглянули; неужели *солнышку* лишь только и заботы?; дай у себя мнѣ *уолокз*; красавицы — *сестрицы!* увидѣть; осмотрѣть *диковинки* земного круга; тутъ *Ваську* поварь укоряетъ; да косолапый *Мишка*; какія *бабочки*, *букашки*, *казявки*, *мушки*, *таракашки*, какія *крохотны коровки!* есть право менѣе булавочной головки; что *огородишка* твой кое-какъ идетъ; злодѣя встрѣтилъ мостовиной; какъ, милый *пѣтушокъ*, поешь ты громко, важно! а ты, *кукушечка*, мой свѣтъ, какъ тянешь плавно и протяжно!; что на тебѣ *слезинки* не видать? у *Мишеньки* всегда въ запасѣ есть *уловки*; какой ты злой *гребнишка*, кричить *мальчишка*; *Анюточка*, мой другъ, я для тебя и для твоихъ подругъ придумалъ *басенку*; а не диковинка, мой свѣтъ; *сосѣдушка* мой свѣтъ! *ушица*, ей-же-ей, на славу сварена! Потѣши же, миленькій *дружочекз!* Вотъ *лещикз*, потроха, вотъ стерляди *кусочекз!* Еще хоть ложечку; у Климыча-судьи *часишки* воръ стянулъ; а *собаченка* у льва изъ-подъ когтей *кусочекз* урвала; послушай-ка, дружище, ты, сказываютъ, пѣть великій *мастерище*; да не изволишь ли *спѣнца?*

До какой степени Крыловъ свободно пользовался именами существительными въ своей рѣчи, — это очевидно изъ того, что, выражая ими высшую степень качества то присоединеніемъ къ сущ. представки *пре*, то повтореніемъ одного и того же сущ. въ творительномъ падежѣ, употреблялъ ихъ какъ бы въ значеніи превосходной степени прилагат., наглядно показывая тѣмъ самымъ, что и въ языкѣ, какъ и въ природѣ, существуетъ строгая послѣдовательность, и что, разумѣется, составляетъ весьма характерную особенность русской рѣчи: «для дорогихъ гостей разостлано внизу *премножество* (весьма много) сѣтей; а у тебя всегда *премножество* гостей; на сходкѣ голоса *чинз-чинамз* собраны; идолъ сталъ *болванз* — *болваномз*; А я, какъ сирота, *одна* — *однимз* *сижу*; и изъ гостей домой пришла *свинья* — *свиньей*».

Для выраженія высшей степени качества у Крылова являются формы прилагательныхъ народнаго характера: «*престрашный* поднялъ ревъ; мужикъ *предобрый* былъ; тулупъ такой былъ *прекосматый*; *прематерого*, *прежирнаго*, который доброму бѣ и волку былъ въ подъемъ; сначала, чтя его особу *превысоку*; и сталъ осель скотиной *превеликой*; что женихи, какъ на отборъ, *презатные* катили къ ней на дворъ; обвѣшанъ и серебромъ и златомъ, стоялъ въ нарядѣ *пребогатомз*; *преважныхъ* бы рѣчей на цѣлу книгу стало; левъ съ барсомъ вели *предолгую* войну; *предлинной* хворостиной мужикъ гналъ гусей; что онъ *презлого* нраву; начальникъ ихъ былъ нраву *прекрутого*; котенокъ былъ ужъ котикъ *преизрядный*; и тотчасъ выполнить совѣтъ *премудрый сей*». Для выраженія понятія о принадлежности одного предмета другому въ языкѣ Крылова является обиліе прилагательныхъ, образованныхъ отъ существительныхъ именъ и въ особенности отъ именъ собственныхъ: «И *Мишинз* другъ навѣки тамъ лежать остался; и то сказать, что *шукиныхъ* проказъ и т. д.; что служба *бѣлкина* угодна передъ львомъ; и *львину* кровь сосеть; и что при-

шла ея пора быть украшеніемъ юнонина двора; по царству *флорину* разсыпало лучи; ну жужжать во всю *мушину мочь*; построить взду- малъ левъ курятный дворъ; не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ *гусиный*; я солнцевъ братъ; вдругъ сырнѣйшій духъ лису, остановилъ; и на привѣтливѣ *лисины* слова ворона каркнула во все *воронье* горло; вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась голова; закралась грусть въ *красавицыну* грудь».

Глагольные формы въ языкѣ басень Крылова съ особеннымъ колоритомъ: это чисто русскія формы, но по источнику ихъ образованія, онѣ принадлежатъ часто прямо его богатому чутью, а не морфологическому образованію, какъ научному источнику, или же составляютъ неотъемлемую принадлежность народнаго живого говора или склада народныхъ пѣсенъ: «Какой-де откушникъ и самый таро- ватый не *давивалъ* секретарямъ; овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совѣмъ безвинно *диралъ* безчинно; чтобы тѣла намъ спасти и нравы отъ заразы». Формы *давивалъ*, *диралъ*, *спасти*, въ особенности первыя двѣ — образованія его собственнаго чутья по формѣ чисто народной — многократнаго вида. Повелительное наклоненіе съ нарушеніемъ пра- вила согласованія подлежащаго съ сказуемымъ въ лицѣ Крыловъ часто употребляетъ въ значеніи сослагательнаго: «Отколѣ ни *возьмись* навстрѣчу Моська имъ; тутъ вихрь отколѣ ни *возьмись*». Отгла- гольныя части рѣчи прич. страд. залога прошедшаго врем. въ короткой формѣ и дѣепричастіе съ окончаніемъ на *уи* и *учю*, составляющія постоянныя выраженія народнаго живого говора, народныхъ пѣсенъ, пословиць, поговорокъ, встрѣчаются довольно часто и въ языкѣ басень И. А. Крылова: «Задумчивъ бродитъ онъ, *скучаючи*, поетомъ; и *сберегаючи* хозяйскій домъ; и волку тутъ властна овца, не *раз- бираючи* лица; но такъ какъ *живучи* я былъ здоровьемъ слабъ; за то отъ головы до ногъ *обвѣшанъ* и серебромъ и златомъ, *заваленъ* жертвами, мольбами *заллушенъ* и ѳиміамомъ *задушенъ*; совѣтовъ тысячу *надавано* полезныхъ; разостлано *прмножество* сѣтей; *обласканъ* по уши кумой; *заволоченъ* весь тиной глубокой; и *озираючи* товарищей кругомъ». Встрѣчается прошедшее дѣепричастіе, образованное отъ совершеннаго вида и составляющее наиболѣе частое явленіе народной рѣчи, сходное по формѣ съ настоящимъ: «*Почуя* сѣраго такъ близко забіяку; осель, *уоставясь* въ землю лбомъ, «изрядно», говоритъ; *про- молвя* про себя» и т. д.

Мѣстоименіе *что* съ предлогомъ *за* употребляется въ языкѣ басень въ значеніи мѣстоим. *какой*: «И *что* за стать кротамъ мѣшаться въ дѣла царь-птицы; *что* у тебя за *страсть* курь красть; *что* за диковина! *Что* за уха? Мѣстоименіе *то-то* употребляется въ языкѣ Крылова съ значеніемъ народнаго понятія о превосходствѣ чего-либо: сосѣдка, *то-то* сторона; ужъ *то-то* тамъ мы заживемъ; ай конь хваленый, *то-то* диво!»

Нарѣчія, отглагольныя и сложныя, представляя собой довольно частыя народныя формы въ живомъ разговорномъ языкѣ съ самымъ

разнообразнымъ значеніемъ, встрѣчаются въ изобиліи и въ языкѣ басень Крылова: «Ай моська, *знать*, она сильна, что лаеъ на слона! я, *чай* бы, со стыда ты землю сквозь прорыла; *знать*, съ товаромъ на ярмаркѣ; я, *чай*, подумаль, что гору встрѣтилъ; вотъ новые друзья къ ней *взануски* несутся; тащатся *шагъ-за-шагъ*; какой *де* откупщикъ и самый тароватый; а *все-за-все спасибо* мнѣ; не смѣйтесь такъ *исподтишка*; чему обрадовался *сдуру?*; ушица *ей-же-ей* на славу сварена; что волки-*де* совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ; отъ всѣхъ ему: *спасибо-исполать*; *ни-на-волосъ* добра не видно; а бѣдный прудъ *годъ-отъ-году* все глохъ; и, слово-за-слово, знакомятся они; и не отвязчивѣй *часъ-отъ-часу*; *на-завтрее* опять лишь прокричить пѣтухъ, онъ злѣй *съ часу-на-часъ*; но разливаясь, *вѣкъ-отъ-вѣку* лютѣеть; и Ваську *де* не только-что въ поварню; *знать*, не былъ онъ тогда сердить».

Нарѣчія уменьшительныя и увеличительныя, какъ характерныя формы народной рѣчи живой, разговорной, переполняютъ языкъ басень: «Они *немножечко* деруть; а псы *смирнехонько* лежатъ; анъ, тутъ *тихонько* шастъ; *прямехонько* примчала въ стойло; а левъ-старикъ *поздненько* спохватился; когда бы у него *немножко* поучился; съ барана пастухи его *чинненько* сняли; а смотришь: *по-маленьку* то домикъ выстроить; на ту бѣду лиса *близехонько* бѣжала; *скорошенько* пойдетъ вверхъ дномъ». Нарѣчіе *куда* употребляется въ басняхъ въ народномъ духѣ съ значеніемъ увеличенія предмета: «*Куда* онъ у тебя завидная скотина; кричатъ, визжать—веселье хотъ куда».

Предлогъ *близъ* употребленъ у Крылова въ народномъ духѣ въ значеніи *около*: «Хозяинъ бился съ ней *близъ* году», а предлогъ *сквозь* сочиненъ съ род. пад. вмѣсто винительнаго: «*сквозь* слезы чижъ бѣдный отвѣчалъ». Замѣчательно, что такое сочетаніе предлога *сквозь* въ томъ выраженіи употреблено въ басняхъ: «Чижъ и Ежъ», «Два голубя», «Напраслина», «Дикія козы», «Соловьи», «Бѣлка», «Бритвы».

Разговорное употребленіе союза *и*, такъ часто встрѣчающееся въ живой рѣчи народа въ значеніи междометія, выражающаго неодобреніе чего-нибудь, вошло и въ языкъ басень Крылова съ тѣмъ же значеніемъ: «И, полно, куманекъ; и, полно, что за счеты».

Въ синтаксическомъ строѣ языка басень Крылова встрѣчаются такіе обороты, которые свойственны только народному складу рѣчи или живому разговорному языку, часто выходящему изъ предѣловъ грамматической конструкціи предложеній и потому являющемуся въ языкѣ Крылова также складомъ особеннаго характера. Такъ, встрѣчаемъ у него употребленіе существительнаго глагола — сказуемаго, не по правиламъ общей грамматики употребленнаго: «И выбралъ, наконецъ, барана, да какого? прежирнаго, прематерого, который доброму бѣ и волку былъ въ подъемъ (т.-е. едва подпалъ бы); скорѣй домой не бѣгомъ — летомъ; тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ; тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ; а ты что-жъ, кумушка, въ дорогу?; что это зло еще не такъ большой руки».

Прилагательныя относительныя, не говоря уже о качественныхъ, употребляются въ языкѣ басенъ въ короткой формѣ въ значеніи опредѣленія: «Мнѣ жизнь *дѣвическа* ничуть не тяжела; гдѣ *въ знойны* дни прохожій находилъ убѣжище въ тѣни; намѣрились дѣла *военны* прекратить; стоять горой за *дружню* шерсть; кипить, реветъ, крутить *нечисту* пѣну въ клубы; и вызываетъ льва на *смертоносну брань*; и *львину* кровь сосетъ; въ немъ *царску* честь не уронить; и правду *истинну* сказать; еще сосцы млекою имѣя отягченны; и вида въ немъ познанія *несчетны*; и ремесло *отцовско* ненавидя; какъ *рыцарски* законы намъ велятъ; летитъ домой *въ отечески* предѣлы и т. д.

Глагольное сказуемое въ неопредѣленномъ наклоненіи въ языкѣ басенъ является съ особеннымъ характеромъ: то вмѣсто повелительнаго наклоненія для выраженія исполненія непремѣнной воли лица повелѣвающаго, то для выраженія болѣе или менѣе продолжительнаго дѣйствія вмѣсто изъявительнаго наклоненія съ междометіемъ *ну*, — а такая конструкция болѣе свойственна живой разговорной рѣчи, чѣмъ правильно грамматически обработанной литературной: «Ужъ *братъ*, такъ *братъ*, а то и когти что *марать*; и нечему *дивиться*; какъ дереву съ огнемъ *дружиться*; а свой ты нравъ и зубы здѣсь кинешь; или возьмешь съ собой? — «ужъ *кинуть*, вздоръ какой!» «Такъ вспомни же меня что *быть* тебѣ безъ шубы; тебѣ ли *затѣвать* такіе дальніе расчеты? тебѣ ль съ слономъ *возиться*; въ одинъ двоимъ за нужду *влезть*, и то ни *стать*, ни *състь*; друзья, не *робѣть*; лягушка и *ну топорищиться*, *пыхтѣть* и *надуваться*, *ну* въ нихъ онѣ кувыряться, *кататься*, *кутаться* и *завиваться*; и новые друзья *ну обниматься*, *ну цѣловаться*; увидѣвши слона, *ну* на него *метаться*, и *лаять*, и *визжать*, и *рваться*; нашла чурбанъ, и *ну* надъ нимъ *возиться*; *ну жуужжать* во всю мушину мочу».

Для выраженія необыкновенной быстроты дѣйствій и живости рѣчи, Крыловъ употребляетъ, какъ сказуемое, отглагольное междометіе, которое въ складѣ народной рѣчи составляетъ явленіе почти что заурядное: «Что силы есть — *хватъ* друга камнемъ въ лобъ¹⁾; подруга каждая тутъ тихо *толкъ* подругу; и — *бухъ* осель съ филиномъ въ оврагъ; анъ тутъ тихонько *шастъ* къ брамину въ келью надзиратель; мартышка тихонько медвѣдя *толкъ* ногой; какъ вдругъ изъ лѣсу *шастъ* на нихъ медвѣдь; и въ нихъ полѣномъ *хватъ*, — лѣвѣй, лѣвѣй и съ возомъ *бухъ* въ канаву и т. д. Въ языкѣ басенъ встрѣчается въ народномъ духѣ сокращеніе цѣлаго предложенія въ форму нарѣчія: «Онъ *ни гугу*, — и щи, и кашу, все пріѣлъ; онѣ, чтобъ *на утекъ*, да ужъ никто распутаться не могъ; ахъ, силы *вкороткъ*, совсѣмъ истощены». Выраженіе: «спасибо на пріятствѣ», какъ народное, въ языкѣ басенъ Крылова является украшеніемъ и осо-

¹⁾ Объ этомъ выраженіи Крылова В. А. Жуковскій замѣчаетъ, что «это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись».

бенностью, хотя, вопреки мнѣнію В. И. Водовозова, будто такія выраженія встрѣчаются у Крылова очень часто, слѣдуетъ замѣтить, что оно едва ли не единственное.

Таковы морфологическія и синтаксическія особенности или такъ называемые идиотизмы русскаго языка, подсказанные Крылову отчасти его гениальнымъ чутьемъ, отчасти усвоенные имъ, быть можетъ, даже, какъ думаютъ, и бессознательно, и внесенные въ складъ своего языка, вопреки модѣ, господствовавшей почти во весь періодъ его литературно-поэтической дѣятельности. Онъ писалъ свои басни въ періодъ отъ 1806 — 1838 г., — періодъ времени, когда еще Державинскій языкъ доживалъ свой вѣкъ, а языкъ Карамзина, Дмитріева съ особенною силою сталъ вступать въ свои права и создавать въ литературѣ своихъ прозелитовъ. Крыловъ остался одинъ внѣ теченій: лабораторія обработки и развитія общелитературнаго языка его не коснулась: онъ создалъ свою собственную. Оставаясь по идеямъ въ общемъ теченіи русской умственной жизни и уклоняясь только изрѣдка въ сторону, благодаря нѣкоторымъ субъективнымъ взглядамъ, выработаннымъ особыми обстоятельствами его жизни — относительно вопроса науки и образованія, — онъ шелъ въ языкѣ собственной дорогой, хотя отчасти и указанной ему И. И. Хемницеромъ, но далеко не проторенной такъ опредѣленно и открыто. Разъ ставъ на дорогу, кажись, человекъ могъ бы на пути своемъ слѣдовать вполне самобытно, — но въ томъ-то и дѣло, что каждый человекъ — сынъ вѣка своего. Крыловъ и на этой дорогѣ, гдѣ онъ такъ сказать, чувствовалъ себя неодолимой силой, сдѣлался отчасти и въ языкѣ сыномъ своего времени: существовавшія въ то время условія и приличія въ языкѣ оставили на немъ свои слѣды. Если сравнить его съ писателями своего времени по языку, то нельзя не притти къ выводу, что онъ, стоя вообще самобытно, подчинялся иногда вкусамъ и приличіямъ времени не только въ выборѣ темъ, предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи матеріала, но и въ языкѣ и слогѣ, въ выборѣ словъ и выраженій, въ употребленіи такъ называемой поэтической вольности. Эта хроническая болѣзнь литературнаго міра, хотя для него была только острою, временною, но тѣмъ не менѣе она оставила свои слѣды, и нынѣ неизгладимые никакими возвышенными прикритіями и оправданіями, какъ стараются обыкновенно это дѣлать. Что такое это въ языкѣ басень — этой сокровищницѣ богатства народнаго элемента — Амфитриды, Эоловы сыны, Мегеры, Фебы, Зевсы, Геркулесы, Плутоны, Оресты, Пилалы, Аеллесы, Парнаесы, или такія напыщенные риторическія изверженія, какъ: «вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы, или: «лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри; въ адъ распахнулись настежь двери; смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высамъ горъ; или же: «умилосердися Олимпа самодержецъ, Тучегонитель, Громовержецъ», или же: «но солнышко взопло, природу освѣтило, по царству Флорину разсыпало лучи и т. д., — какъ

не предразсудокъ времени, царившей долго надъ литературнымъ міромъ русской умственной жизни и коснувшійся и лабораторіи языка Крылова, гдѣ онъ къ общей его грандіозной работѣ не удержался, чтобы не прибавить ходячаго зелья, чтобы показать, что и онъ знаетъ его, не подозрѣвая, разумѣется, какой вредъ онъ наноситъ своему дѣлу. Какой народъ пойметъ всю эту трескотню фразъ, или же тотъ длинный списокъ мифологическихъ именъ, которыя разсѣяны по многимъ его баснямъ? Мало того, тѣ же приличія и условія времени — допускать поэтическія вольности — дали возможность Крылову допустить въ нѣкоторыхъ басняхъ искаженія формъ и оборотовъ рѣчи: формы «спасть, дѣвическа, сквозь слезъ, одни на три печи тронѹлся, которы, еще сосцы млекою имѣя отягченны, какъ видно, молодець механикой былъ страстенъ, ремесло отцовско, тое-жъ лису, полотны; на ней и своего осталось мало перья, къ темю» и т. д. вошли въ языкъ безъ всякой нужды; онѣ могли бы быть вполне исправлены, если бы время, чреватое равнодушіемъ къ чутью языка, которое у Крылова было необыкновенной силой, не наложило своей печати и не закрыло отъ умственныхъ глазъ этихъ сравнительно ничтожныхъ и повальныхъ недостатковъ.

Довольно характерное объясненіе, какъ такіе писатели, какъ Крыловъ и другіе, могли допускать погрѣшности въ языкѣ, будучи сами творцами языка, находимъ у извѣстнаго знатока русскаго и славянскихъ языковъ академика И. И. Срезневскаго. «У Крылова, говоритъ онъ, какъ и у другихъ нашихъ поэтовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, съ такими стихами, гдѣ ничто не колеть слуха русскаго человѣка, сходились и переплетались стихи, въ которыхъ нанизаны слова и выраженія нерусскія, или же русскія, но испорченныя нерусскимъ выговоромъ, или правилами нерусской грамматики; конечно — допускалъ ихъ Крыловъ, допускали и другіе потому, что можно было допускать; но коренилось это право смѣшивать языкъ русскій съ нерусскимъ не въ признаніи необходимости говорить не по-русски о томъ, чего нельзя было съ достоинствомъ выразить по-русски, а въ слабости требованій чутья языка и въ силѣ навыка оставлять безъ вниманія эти требованія, какъ его нестоящія. Ни у Крылова ни у какого другого писателя не было никакихъ ограничительныхъ условій для выраженія мыслей и чувствъ тѣмъ или другимъ языкомъ, но не было ни основательнаго научнаго знанія своего роднаго языка ни твердой воли постоянно удерживать себя отъ того, что завѣдомо портило его чистоту и правильность. Въмѣстѣ съ тѣмъ у каждаго изъ писателей было такъ много самоувѣренности, а въ читателяхъ, которые могли сказать слово правды о языкѣ по внутреннему чутью, такъ много податливости и застѣнчивости, что пользоваться языкомъ, какъ случится, не трогало ничьей совѣсти. Удавалось ли кому выразиться чисто по-русски, или не удавалось, это было все равно. Образовались, правда, кое-какія условія приличія выговора словъ не по-русски, какъ болѣе важнаго или болѣе выра-

жающаго образованность, кое-какія приличія употребленія словъ нерусскихъ вмѣсто русскихъ, неестественнаго расположенія словъ для приданія слогу величавости или стиху правильности размѣра, и т. п.; но этихъ условій было бы слишкомъ недостаточно для того, чтобы чистымъ русскимъ языкомъ нельзя было выразаться безсознательно, если бы въ нихъ, какъ и во всемъ высшемъ обществѣ, не спало подъ пепломъ живое чутье языка. Такъ, мнѣ кажется, было въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ». *Терновскій.*

Отношеніе современниковъ къ Крылову.

Причины единодушія въ отзывахъ критиковъ о Крыловѣ заключаются, конечно, прежде всего въ томъ, что достоинства его басенъ: простота, художественность, народность и юморъ ихъ изложенія, мѣткость сатиры, типичность персонажей, доступность для всѣхъ слоевъ общества, наконецъ, благодаря всему сказанному, громадное педагогическое значеніе произведеній Крылова какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, — всѣ эти достоинства представлялись безспорными и несомнѣнными въ глазахъ людей самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей: уже одна популярность басенъ Крылова въ читающей публикѣ, небывало-громадные размѣры ихъ распространенія путемъ печати достаточно краснорѣчиво говорили за себя и давали Крылову преимущество передъ всѣми другими русскими писателями право на званіе всенароднаго поэта. Но, помимо этой основной причины, были налицо и другія условія, въ силу которыхъ имя Крылова не возбуждало такой ожесточенной полемики, какая возгорѣлась при выходѣ на литературную арену Карамзина, Пушкина и особенно Гоголя: Крыловъ не являлся литературнымъ новаторомъ; онъ отмежевалъ въ свое исключительное обладаніе классическій родъ поэзіи, освѣщенный авторитетами Эзопа, Федра, Лафонтена и Дмитріева, — родъ, удобный тѣмъ, что въ его сферѣ даже и старая піитика, уже отжившая свой вѣкъ, допускала наиболѣе *вольностей*, — и «низкій штиль», приближающійся къ простонародному способу выраженія, и вольный стихъ, напоминающій обычную разговорную рѣчь. Эти условія дѣлали возможнымъ и самое внесеніе въ басню народнаго элемента, позволяли ей черпать содержаніе изъ дѣйствительной, обыденной жизни, выводить на сцену дѣйствительныхъ, простыхъ людей, хотя бы въ аллегорическомъ образѣ животныхъ. Басня, комедія, сатира подъ перомъ даровитыхъ писателей несравненно легче могли проникнуться реализмомъ, чѣмъ, напримѣръ, ода или трагедія, имѣвшія дѣло съ героями и полубогами, съ ихъ высокими чувствами и выпренимъ изложеніемъ. Но басня была не только общепризнаннымъ, законнымъ видомъ поэзіи: ея общедоступность дѣлала ее одною изъ любимѣйшихъ литературныхъ формъ, а ея высокая правоописательная и правоисправительная цѣль внушала особое уваженіе къ дѣятельности баснописца. Во вре-

мена тяжелыя для литературы аллегорическій способъ выраженія, «эзоповскій языкъ», давалъ возможность общественному мнѣнію, соединяя обличеніе и поученіе съ забавою, выражаться хоть въ половину, говорить «истину съ улыбкою», при чѣмъ, конечно, неумѣренная улыбка могла иной разъ заслонять собою самую истину. Басня представлялась разновидностью сатиры забавной и незлобной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше выраженія князя Вяземскаго о Крыловѣ, *исправившемъ* людей забавою. Такой взглядъ на характеръ басни выраженъ и Батюшковымъ («Мои Пенаты»), прославляющимъ Дмитріева за то, что онъ «Парнаскими цвѣтами *скрылъ истину шутя*», и самимъ Крыловымъ, поясняющимъ баснею общеизвѣстную истину («охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ») затѣмъ, «что истина сноснѣе *тол-открыта* («Волкъ и Лисица»), и тѣмъ болѣе прибѣгающимъ къ формѣ басни для выраженія мысли, болѣе раздражающей, о томъ, что «у сильнаго всегда безсильный виноватъ» («Волкъ и Ягненокъ»). Наиболѣе полно и ясно эта теорія басни въ тогдашней литературѣ выражена Измайловымъ, также въ формѣ басни, поставленной во главѣ его произведеній этого рода и озаглавленной прямо: «Происхожденіе и польза басни». Къ царю въ чертогъ является нагая истина, и на вопросъ разгнѣваннаго властелина, кто она такова и какъ смѣла войти въ такомъ видѣ, объясняетъ свое званіе и цѣль своего прихода — сказать лишь слова два: «Льстецы престолъ твой окружаютъ; народъ вельможи угнетаютъ; ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ». Царь гонитъ истину вонъ и велитъ стражамъ отвести ее въ смиренный или сумасшедшій домъ. Въ другой разъ истина приходитъ къ царю уже не нагая, въ блестящей, дорогой одеждѣ, взятой у *вымысла*, и, смягчивъ свой грубый тонъ, вступаетъ въ почтительный разговоръ.

Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденіемъ:

Перемѣнился скоро дворъ;
Временщики упали!

Пришелъ на знатныхъ черной годъ;
Вельможи новые не спали;

Царь славу приобрѣлъ, и счастливъ
[сталъ народъ.]

Заключеніе этой остроумной басни особенно характерно, указывая на то преувеличенное значеніе иносказательныхъ обличеній, какое, по крайней мѣрѣ, на словахъ, склонны были люди той эпохи приписывать баснѣ и сатирѣ вообще: въ самомъ дѣлѣ, басни оказываются способными произвести полную перемѣну придворныхъ и административныхъ нравовъ, искоренить всѣ застарѣлые пороки, сдѣлать цѣлый народъ счастливымъ!

Такое высокое представленіе объ общественномъ значеніи басни въ соединеніи съ ея пріятнымъ, безобиднымъ характеромъ, пожалуй, не менѣе неоспоримаго достоинства самыхъ басенъ Крылова, побуждало современниковъ смотрѣть на него съ особымъ уваженіемъ, чему, конечно, не мало также способствовали знаки благоволенія, неоднократно выражавшіяся по адресу баснописца изъ высшихъ

сферъ. Правда, даже самыя могущественныя связи не избавляли иногда Крылова отъ цензурныхъ затрудненій, и ему приходилось порою сознавать, что «плохія пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки», и высказывать эту мысль «на ушко» читателю, приходилось не пояснять далѣе своей мысли, «чтобъ гусей не раздражить», *даже передъльвовать заключеніе* своей басни, какъ это случилось съ «Рыбными плясками», — приключеніе, аналогичное съ гоголевскою «Повѣстью о капитанѣ Копейкинѣ». Для напечатанія «Вельможи» понадобилось личное вмѣшательство самого императора Николая Павловича; намъ уже пришлось говорить о любопытной баснѣ Крылова «Пестрыя овцы», которая вовсе не увидѣла свѣта при его жизни и, по всей вѣроятности, не случайно. Не всегда, значить, басни Крылова представлялись его современникамъ только поучительными и забавными, но вызывали иной разъ неудовольствіе своей мѣткою общественною сатирой: нагая истина просвѣчивала и сквозь одежду, заимствованную у вымысла. Бѣлинскій вѣрно подмѣтилъ, что Крыловъ умѣлъ придать баснѣ жгучій характеръ сатиры и памфлета; но не всѣ обладали проницательностью взора великаго критика: для массы читающаго люда, въ которой такъ часто попадались нечистые на руку Климычи, «украдкою кивающіе на Петра» при чтеніи о взяткахъ и не любящіе узнавать себя въ зеркалѣ сатиры, въ глазахъ этой массы Крыловъ всегда былъ «незлюбивымъ поэтомъ», удѣлъ котораго такъ блаженъ по извѣстному стихотворенію Некрасова, челоуѣкомъ умѣреннаго образа мыслей, уравновѣшеннымъ, благоразумнымъ и вполнѣ благонамѣреннымъ въ политическомъ и литературномъ смыслѣ. Въ сущности своей оцѣнки масса, какъ мы увидимъ, и не ошибалась: она только не въ состояніи была извлечь изъ произведеній Крылова того общественнаго вывода, какой изъ нихъ проистекалъ, и какого, можетъ-быть, не могъ бы формулировать и самъ баснописецъ. Спокойный, безстрастный, чисто народный юморъ басенъ Крылова не имѣлъ, повидимому, въ себѣ ничего задорнаго, не кусался и не бичевалъ слишкомъ явно, почему люди близорукіе и не могли особенно больно его ощущать, подобно тому, какъ тѣ же люди видѣли только одинъ забавный элементъ въ произведеніяхъ Гоголя, по крайней мѣрѣ, до появленія «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Безсмертная выходка Загорѣцкаго противъ басенъ въ самомъ принципѣ, если и является отраженіемъ взгляда нѣкоторой части современнаго ему общества, во всякомъ случаѣ даже и въ глазахъ реакціонеровъ 20-хъ годовъ должна была представляться доведеннымъ до карикатуры и по тому самому подозрительнымъ насчетъ искренности заявленіемъ ультра-благонамѣренности: если цензура и не упускала случая «налечь на басни», несомнѣнно все-таки, что подъ покровомъ шутилой аллегоріи литература имѣла возможность касаться общественныхъ вопросовъ съ большею для себя безопасностью, чѣмъ въ формѣ открытой сатиры или серіозной публицистики. *Аммонъ.*

Личность Крылова.

О превосходствѣ басенъ Крылова было столько говорено, что едва ли остается что-либо прибавить къ высказаннымъ похваламъ. Но въ чемъ же дѣйствительная заслуга Крылова? Не будетъ ли справедливо, спросить иной, притти, наконецъ, къ заключенію, что онъ, выразивъ общезвѣстныя истины, хотя и въ художественной формѣ, не сказалъ ничего новаго? Онъ не былъ, могутъ замѣтить, ни ученымъ, ни даже образованнымъ или особенно-дѣятельнымъ или благоразумно-мыслящимъ человѣкомъ. Онъ уже при жизни былъ достаточно вознагражденъ за незначительный трудъ сочиненія басенъ, и не пора ли, наконецъ, забыть увлеченіе, возбужденное въ его современникахъ замысловатыми апологами, которые были въ духѣ той эпохи, но потеряли цѣну для нашего серіознаго времени? Какъ ни странно такое сужденіе, но намъ случалось его слышать, а потому не излишне будетъ распространиться нѣсколько объ умственной и нравственной фізіономіи Крылова и о значеніи его басенъ. Точно ли Крыловъ не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ? Ученымъ онъ дѣйствительно не былъ, хотя, изучивъ греческій языкъ въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, съ цѣлю удивить своего друга, переводчика «Иліады» Гнѣдича, и показалъ, что, по своимъ способностямъ, могъ бы съ честію посвятить себя наукѣ, если бъ тому не помѣшали обстоятельства и особыя свойства его природы. Во время служенія своего при Публичной бібліотекѣ Крыловъ задумалъ было составить бібліографическій указатель ко всѣмъ русскимъ журналамъ, но, разумѣется, при непривычкѣ къ подобнымъ трудамъ, остановился въ самомъ началѣ этого предпріятія. Хотя художественное призваніе увлекало его къ дѣятельности другого рода, однакожь онъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ знанію и наукѣ. Еще въ «Почтѣ Духовъ» были цѣлыя письма, посвященныя защитѣ образованія; такова же цѣль и нѣсколькихъ басенъ его; рассказъ о животномъ, которое, напитавшись жолудями подъ дубомъ, стало рыломъ подрывать корни его, оканчивается стихами:

Невѣжда такъ же въ ослѣпленіи
 Бранить науки и ученье
 И всѣ ученые труды,
 Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

При всей своей видимой склонности къ бездѣйствію, Крыловъ, въ художественномъ творчествѣ, не гнушался труда. Напрасно многіе думаютъ, что сочиненіе басенъ легко доставалось ему. Возможное совершенство во всякомъ произведеніи искусства рѣдко достигается безъ настойчивыхъ усилій. Такъ было и съ Крыловымъ. Теперь уже несомнѣнно, что онъ долго отдѣлывалъ свои басни, возвращался къ нимъ неоднократно, и многія изъ нихъ совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ. Природная лѣнь никогда не мѣшала ему сознавать превосходство дѣятельности. Въ образахъ «пруда и рѣки»

онъ наглядно представилъ разницу бездѣйствія и труда, объяснивъ свою мысль такимъ заключеніемъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,

Слабѣя всякій день,

Когда имъ овладѣтъ лѣнь,

И оживлять его дѣятельность не станеть.

Крыловъ обладалъ глубокимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ всѣ его литературные труды, въ которыхъ въ самой юности своей онъ выражалъ неизмѣнно-здравыя убѣжденія о святости долга, о высокомъ значеніи гражданской честности, и глубокую ненависть ко всему, что унижаетъ достоинство человѣка, на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ корыстолюбіе, лицемеріе, чванство, лесть, обманъ; всю жизнь онъ старался словомъ своимъ просвѣщать общество и наводитъ согражданъ на путь истины, долга и чести. Смолоду онъ, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ приобрѣтенію знаній. 15-лѣтнему юношѣ, принужденному отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ своего возраста, петербургскій книгопродавецъ Брейткопфъ предлагаетъ 60 руб. за первый драматическій трудъ его; но начинающій писатель предпочитаетъ получить, вмѣсто денегъ, нѣсколько томовъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ, — черта, еще не довольно оцѣненная въ біографіи баснописца. Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе, нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ возрастѣ, когда Ломоносовъ только что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаруживавшимъ замѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество, — счастье провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другою дорогою и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой — петербургскій, — особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва ста-

новится поприщемъ молодого Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его, Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство сперва на южномъ концѣ Россіи, на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своего поприща Державинъ, Крыловъ и Карамзинъ сошлись въ Петербургѣ. Между двумя первыми завязались дружескія отношенія; Крыловъ, въ молодости подражавшій Державину, теперь самъ сдѣлался образцомъ для престарѣлаго лирика, который въ свои басни видимо вносилъ нѣкоторыя черты крыловскаго аполога, отдавая полную справедливость уму и тонкости нашего народнаго баснописца. Говорятъ, что положеніе баснописца между шишковской «Бесѣдой», и «Арзамасомъ» было нѣсколько двусмысленно; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ фактовъ для повѣрки этого преданія; но, судя по частнымъ чтеніямъ Крылова въ «Бесѣдѣ», онъ примкнулъ къ ней довольно тѣсно. Не забудемъ прежнихъ отношеній между нимъ и Карамзинымъ, которыя могли оставить нѣкоторый отстой въ душѣ обоихъ писателей. Нельзя, впрочемъ, думать, чтобъ Крыловъ искренно сочувствовалъ Шишкову и его школѣ; напротивъ, извѣстно, что онъ подшучивалъ надъ «Бесѣдой», и къ ней, по современному свидѣтельству, относится его басня «Квартетъ», написанная по поводу приготовленій для пріема въ «Бесѣдѣ» государя. Педантизмъ, тупоуміе и спесь, во всѣхъ видахъ, были ненавистны нашему баснописцу. Во второй половинѣ жизни, умудренный опытомъ, осторожный, почти никогда не высказывавшійся искренно, онъ, по самому характеру своему, не могъ быть человѣкомъ партіи и вступилъ въ «Бесѣду» скорѣе по личнымъ, отчасти случайнымъ отношеніямъ своимъ, нежели по убѣжденію. Есть мнѣніе, набрасывающее тѣнь на личный характеръ Крылова: Вигель представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ расчета. Но сужденія современниковъ о личности всякаго писателя, а тѣмъ болѣе о личности сатирика, требуютъ строгой критической повѣрки: въ настоящемъ случаѣ, надобно принять въ соображеніе, что Крыловъ своею сатирой, очень прозрачной, часто и въ басняхъ его, своими остроумными и мѣткими выходками, въ свѣтѣ, конечно, возбуждалъ противъ себя нерасположеніе многихъ и не могъ не имѣть враговъ, которые, безъ сомнѣнія, не упустили случая мстить даровитому обличителю пороковъ и странностей. Всѣмъ извѣстенъ пасквиль, въ которомъ баснописецъ знаменательно названъ *зоиломъ*. Весьма вѣроятно, что и враждебный ему приговоръ желчнаго Вигеля былъ вызванъ какою-нибудь насмѣшкой или горькою правдой, кольнувшей глаза бывшему зубри-

ловскому ученику его. О томъ, что Крыловъ вооружалъ противъ себя бездарность и посредственность, можно судить по его отношеніямъ къ графу Хвостову. Сначала неутомимому стихотворцу очень польстило, что Крыловъ, поступивъ на службу въ Публичную бібліотеку, просилъ его прислать свои сочиненія, которыхъ тамъ еще не было. Но потомъ, находя, что осторожный баснописецъ не довольно его хвалить и даже иногда тонко издѣвается надъ нимъ, онъ охладѣлъ къ Крылову и не упустилъ случая отплатить ему тою же монетой. Особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе остроумнаго поэта. Стихи перваго на отъѣздъ двухъ высокихъ лицъ начинались словами:

Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи...

Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что, слѣдовательно, по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды. Обиженный авторъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку. Въ другой разъ посредственный стихотворецъ Пожарскій принесъ къ Хвостову въ рукописи свой разборъ басенъ Крылова, состоявшей изъ однихъ придирчивыхъ замѣчаній на слова. Забавный отзывъ свой на эту критику самъ Хвостовъ увѣковѣчилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадахъ. «Сіе все справедливо, — отвѣчалъ онъ: — но молодого поэта (т.-е. Крылова), ежели онъ грамматикѣ не учился, не научишь. Лучше бы было, если бъ г. критикъ замѣтилъ, что вообще во всѣхъ басняхъ слогъ Крылова вялъ, растянута и гоняется за остротой: Крыловъ у своихъ предшественниковъ лавра не вырветъ».

Возвращаясь къ обвиненіямъ, взводимымъ на характеръ баснописца, заключимъ замѣчаніемъ, что безъ положительныхъ фактовъ мы не имѣемъ права обременять упреками частную жизнь писателя, который въ своихъ произведеніяхъ является краснорѣчивымъ проповѣдникомъ добра, чести и правды. Крыловъ еще въ молодости велъ небезопасную войну съ предразсудками и пороками. И если въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ прикрылъ свои нападенія не такъ легко проницаемой оболочкой, то не надобно забывать, что къ этому могли побудить его печальные опыты прошлаго. Есть много обстоятельствъ, говорящихъ противъ обвиненія Крылова въ холодности и эгоизмѣ. Извѣстны его нѣжныя отношенія къ отсутствовавшему брату; у него есть басни, дышація глубокимъ чувствомъ; въ описаніи дружбы двухъ голубей слышится трогательный голосъ сердца, подъ который поддѣлаться невозможно; о томъ же свидѣлствуютъ его отношенія къ дому Олениныхъ, которымъ онъ за ихъ доброе расположеніе къ нему платилъ горячею благодарностью. *Гротъ.*

Изученіе басенъ Крылова въ связи съ исторіею его жизни поселаетъ въ изслѣдователѣ особенно отрадное чувство. Тутъ убѣждаешься, что онъ былъ такимъ же на дѣлѣ, каковъ былъ въ своихъ

басняхъ. Выше было сказано, что онъ былъ вполне счастливый человѣкъ. Но, чтобы быть счастливымъ человѣкомъ, чтобы внушать къ себѣ любовь и уваженіе, — «для того талантовъ мало»; нужно другого рода достоинства, — и онъ обладалъ ими въ полной мѣрѣ. Онъ своею жизнью доказалъ старинную истину, что довольство своимъ состояніемъ составляетъ первое условіе счастія. Занимая скромную должность бібліотекаря, онъ умѣлъ быть довольнымъ ею и не мечталъ о высшемъ положеніи въ свѣтѣ, хотя имѣлъ на то полное право. Тщеславіе, гордость были ему чужды. Обласканный членами августѣйшаго семейства, онъ возвращался въ кругъ своихъ друзей тѣмъ же простымъ, добродушнымъ дѣдушкою Крыловымъ, какимъ они привыкли его видѣть. Восторженные похвалы, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ въ продолженіе второй половины его жизни, не породили въ немъ самоувѣренности, свойственной только посредственнымъ натурамъ: въ послѣдніе годы своей блестящей дѣятельности, онъ былъ такъ же скромнъ и недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, какъ и при ея началѣ. Когда покойный Плетневъ пріѣхалъ къ нему съ Карлсгофомъ приглашать его на юбилейный обѣдъ, онъ сравнилъ себя съ морякомъ, «съ которымъ потому только не случилось бѣды, что онъ не уходилъ далеко въ море». Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, видя, какъ его соотечественники гордятся его гениемъ, онъ никогда никому не далъ почувствовать своего превосходства, никого не оскорбилъ высокоумнымъ словомъ или поступкомъ.

Справедливость требуетъ сказать, что и въ его сердце однажды закралось унижающее чувство, — когда Гнѣдичу за переводъ «Иліады» былъ пожалованъ пожизненный пенсіонъ, Крыловъ, который уже давно пользовался такою монаршею милостію, позавидовалъ ему. Онъ даже прервалъ было съ нимъ сношенія. Но глубокое, чистосердечное раскаяніе не только возстановило ихъ прежнія дружескія отношенія, но и послужило Гнѣдичу новымъ доказательствомъ, какъ благородна была душа Крылова.

Въ отношеніяхъ своихъ къ брату, Крыловъ вполне оправдалъ имъ же самимъ высказанную истину:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творить.

Его младшій братъ, Левъ Андреевичъ (какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ бумагахъ), началъ службу въ гвардіи, потомъ перешелъ въ армію, затѣмъ по болѣзни — въ гарнизонъ и окончилъ службу и жизнь инвалиднымъ капитаномъ въ Винницѣ, мечтая о счастливой минутѣ свиданія съ братомъ. Время и разстояніе не охладили привязанности, возникшей между братьями еще въ дѣтскіе годы. Ив. Андр. не только исполнялъ его малѣйшія просьбы, но даже предупреждалъ ихъ; онъ облегчалъ ему трудную жизнь, интересовался мельчайшими подробностями его быта; наконецъ, благодаря щедрому содѣйствію брата, Левъ Андреевичъ сдѣлался землевладѣльцемъ и относительно зажиточнымъ человѣкомъ: купилъ хуторъ,

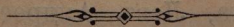
сталъ заниматься въ немъ хозяйствомъ и не зналъ нужды. Онъ умеръ въ 1824 году. Владѣльцемъ имѣнія брата долженъ былъ сдѣлаться Иванъ Андреевичъ; но онъ подарилъ это имѣніе денщику, который, по свидѣтельству брата, восемнадцать лѣтъ служилъ при немъ.

Всѣ эти факты при жизни баснописца никому не были извѣстны; но, къ счастью, несомнѣнные ихъ свидѣтельства сохранились въ многочисленныхъ письмахъ Льва Андреевича. На многихъ изъ нихъ рукою Ив. Андр. сдѣланы помѣтки, показывающія, какъ онъ, вообще небрежный и беззаботный, былъ аккуратенъ въ отношеніи къ брату и какъ спѣшилъ выполнять его просьбы и удовлетворять его нуждамъ.

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ кругу семейства своей крестницы, которое усыновилъ и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Веселая болтовня дѣтей, рѣзвая, шумная ихъ жизнь веселили его. Не въ силахъ будтчи попрежнему посѣщать общество, онъ нашелъ себѣ занятія въ обученіи своихъ нареченныхъ внуковъ грамотѣ, слѣдилъ за ихъ уроками музыки, любовь къ которой не охладѣла въ немъ съ лѣтами, и восхищался ихъ успѣхами. *Кеневичъ.*

Крыловъ не отвергалъ отъ себя общаго достоянія людей мыслящихъ — знаній и счастливыхъ произведеній, обработанныхъ на другихъ языкахъ. По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по своей жизни, привычкамъ и прекрасно очищенному вкусу, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (напр. въ рисованіи, музыкѣ), онъ былъ равенъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда. Еще болѣе скажу: природа надѣлила его способностію быстро и легко усваивать другіе языки. Слѣдовательно, онъ, подобно всѣмъ современникамъ, находился подъ тѣмъ вліяніемъ иноземнымъ, которому не безъ основанія мы приписываемъ частое отсутствіе въ насъ самобытности и народности. Между тѣмъ, онъ духомъ своимъ такъ былъ крѣпокъ и неодолимъ; умъ его такъ былъ строгъ и вмѣстѣ гибокъ, что на соображеніяхъ и исполненіяхъ его не осталось и слѣда подчиненности или увлеченія, ни приѣма, заимствованнаго и отзывающагося смѣшеніемъ разнородныхъ движеній, а, напротивъ, каждое вызываемое имъ лицо и складъ его мыслей облекались самымъ разительнымъ образомъ въ русскую фізіономію. Народность его произведеній заключается не въ одномъ прекрасномъ употребленіи чисто русскаго языка, народныхъ поговорокъ, не въ одномъ вѣрномъ описаніи костюмовъ, быта русскаго, нравовъ, привычекъ, добрыхъ и дурныхъ нашихъ качествъ, — нѣтъ: въ его словѣ живо обрисованы полныя сцены нашей духовной жизни съ зародыша идеи, или съ перваго взгляда, молчаливо остановившагося на предметѣ, до конца умственной работы, или до послѣдняго явленія въ дѣйстви.

Плетневъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Содержаніе: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковский и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность возрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. Изд. 2-е. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣля на досугѣ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к. (Распродано.)

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе. — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности поэтовъ. — V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя. — VI. Альтруистическія и симпатическія чувствованія Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Дамскій журналъ. Ц. 50 к.

Журналъ для милыхъ. Ц. 25 к.

Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка. Ц. 50 к.

Смертодавы (врачи) въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 30 к.

Книга и читатель двѣсти лѣтъ назадъ. Ц. 50 к.

Жены декабристовъ. (Сборникъ историко-литературныхъ статей, съ портретами). Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8^о, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.*

Исторической хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

II „ О книжной словесности XI — XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

III „ О книжной словесности XVI — XVII вв. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителей. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.

- VI вып. Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о
вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
- VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
- VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р.
- IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р. 50 к.
- X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
- XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
- XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в.
Ц. 1 р. 50 к.
- XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
- XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
- XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной сло-
весности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности
для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 516 стр.). Изд. 4-е.
Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Канте-
мирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екаторинѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.)
Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ
заведеній (8°, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин.
Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Карам-
зинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи
русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ
учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8°, 825 стр.). *Одобр.
Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.)
Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ
классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.
(8°, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ,
Лермонтовѣ и Нольцовѣ.) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 648 стр.).
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гончаровѣ,
Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.) (8°, 1045 стр.). Изд. 3-е.
Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Май-
новѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.) (8°, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ.
Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія.
Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фунда-
ментальныхъ библиотекъ.*

**Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній,
городскихъ и начальныхъ училищъ.** Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е.
Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Си-
нодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для цер-
ковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком.
Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

**Имена существительныя, употребляющіяся только во мно-
жественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія.** Ц. 20 к.

Справочный ореографическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к.
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя В. И. Покровскимъ:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 к.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Григоровичъ Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ѳ. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ѳ. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

- VI вып. Обь европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о
вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
- VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
- VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р.
- IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р. 50 к.
- X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
- XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
- XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в.
Ц. 1 р. 50 к.
- XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
- XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
- XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной сло-
весности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности
для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8^о, 516 стр.). Изд. 4-е.
Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Канте-
мирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.)
Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ
заведеній (8^о, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин.
Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Нарам-
зинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи
русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ
учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8^о, 825 стр.). *Одобр.
Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.)
Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ
классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.
(8^о, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ,
Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 648 стр.).
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гончаровѣ,
Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.) (8^о, 1045 стр.). Изд. 3-е.
Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Май-
ковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.) (8^о, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ.
Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія.
Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фунда-
ментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній,
городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е.
Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Си-
нодѣ для духовныхъ училищъ и Учм. Сов. при Св. Синодѣ для цер-
ковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком.
Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во мно-
жественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный географическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к.
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя В. И. Покровскимъ:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 к.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Григоровичъ Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. Спиридонова и А. Михайлова.

Москва, Тверская, Столешниковъ пер., д. Дянозова. Телеф. 120-95.